

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Щербаков Ю. Н.</i> Советские исследования в период между XXVI и XXVII съездами КПСС о развитии социалистического содружества	3
<i>Пиримкулов Ш. Д.</i> Культурно-просветительная работа Союза польских патриотов в республиках Средней Азии и Казахстане	14
<i>Фалькович С. М.</i> Укрепление российско-польского революционного союза в огне революции 1905—1907 годов	19
<i>Рыжова М. И.</i> Периодизация русско-словенских литературных связей и некоторые особенности их развития	35
<i>Охрименко П. П., Охрименко О. П.</i> Традиции и отзвуки «Слова о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской литературах	48
<i>Бенда К.</i> (ЧССР). Прикладное искусство Великой Моравии.	60
<i>Николаева Т. М.</i> Славянские частицы и некоторые проблемы типологии	73

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Боброва С. П.</i> И. Н. Бороздин как историк-славист	84
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Митряева С. И.</i> В. В. Марьина. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	93
<i>Мельцер Д. Б., Чернявский Г. И.</i> Кимон Георгиев. Избранные произведения	95
<i>Романенко С. А.</i> Интересное исследование по истории Воеводины	97

1
1986

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Бочарева М. Н. Д. В. Степовик. Українська графіка XVI—XVIII століть.</i>	100
<i>Еволюція образної системи . . . . .</i>	102
<i>Смирнов Л. Н. Šoták M. Kerpitoly zo slovensko-ruských jazykových kontaktov .</i>	

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Данилова А. Международный симпозиум по типологии культур . . . . .</i>	106
<i>Усачева В. Международный симпозиум «Сопоставительное изучение славянско-го словообразования» . . . . .</i>	108

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ПИМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117320, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ЩЕРБАКОВ Ю. И.

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ XXVI И XXVII СЪЕЗДАМИ КПСС О РАЗВИТИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

В жизни ленинской партии бывают события, значение которых далеко выходит за рамки повседневных свершений. Они подобно мощному прожектору освещают путь в будущее, формируют стратегическую линию КПСС на длительную историческую перспективу, ставят новые задачи в ее грандиозной преобразующей деятельности. Эти — высшие партийные форумы — партийные съезды, «где, как указывал В. И. Ленин, делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов» [1, т. 8, с. 266].

Этапным событием в жизни всего советского народа явится XXVII съезд КПСС, значение которого определяется как первостепенной важностью поставленных на его обсуждение вопросов, так и самим характером переживаемого в настоящее время партией и страной периода, когда важнейшей задачей стало ускорение социально-экономического развития советского общества, в первую очередь, — на путях интенсификации народного хозяйства, научно-технического прогресса, совершенствования хозяйственного механизма и всего управления в целом, мобилизации всех организационных, экономических, социальных факторов. Значение съезда обуславливается, таким образом, новаторским характером и масштабностью проблем, решаемых партией на современном этапе.

В повестке дня XXVII съезда партии одним из основных является вопрос «О новой редакции Программы КПСС». Проект новой редакции партийной Программы — это богатейший арсенал марксистско-ленинских идей, итог глубокого научного обобщения исторического опыта партии, всего советского народа.

Время, прошедшее после XXVI съезда КПСС, в особенности после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС наполнено большой теоретической работой всей партии, многочисленного отряда советских ученых-обществоведов по осмыслению опыта, накопленного в ходе социалистического созидания на этапе развитого социализма в Советском Союзе, а также и по определению перспектив дальнейшего движения вперед, оценке процессов современного международного развития, в первую очередь проблем, связанных с упрочением мира и смягчением напряженности в отношениях между государствами, с усилением влияния мирового социализма, международного рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения.

Главным результатом этой теоретической деятельности явилась разработка концепции ускорения социально-экономического развития страны — концепции, в которой получили глубокое воплощение преемственность и новаторство в политике партии, концепции, выработанной на базе ленинского идейного наследия, в первую очередь — мыслей В. И. Ленина о «цельном социализме» [1, т. 36, с. 306].

Как указывается в проекте новой редакции Программы КПСС, концепция ускорения социально-экономического развития страны — это стратегический курс партии, нацеленный на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества: коренное обновление его материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции; совершенствование общественных отношений и, в первую очередь, экономических; глубокие перемены в содержании и характере труда, материальных и духовных условиях жизни людей; активизацию всей системы политических, общественных и идеологических институтов. Эта концепция содержит характеристику сущности этой стадии планомерного и всестороннего совершенствования социализма, ее основных признаков, трактуемых в соответствии с методом марксистско-ленинской диалектики в их развитии, в их постепенном перерастании в качественные черты коммунистического общества, рассчитанном на целый исторический период. Это позволило КПСС на базе глубокого реалистического и трезвого подхода к оценке достигнутых итогов социалистического созидания в СССР и перспектив его дальнейшего развития преодолеть бытовавшее в определенный период времени облегченное представление о путях и сроках перехода к высшей фазе коммунизма.

Разработка концепции ускорения социально-экономического развития страны позволила вскрыть его огромные резервы и возможности, связанные с преимуществами социализма, указать главную и неотложную задачу развития социалистического строительства в СССР на современном этапе. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Бессмертный подвиг советского народа» подчеркивалось: «Главную задачу наших дней партия видит в существенном ускорении социально-экономического прогресса советского общества. Она продиктована всем ходом жизни — как внутренними условиями, так и международной обстановкой. Речь идет, прежде всего, об интенсивном и динамичном развитии народного хозяйства, всецело опирающегося на новейшие достижения научно-технической мысли. Это та основа, которая позволит обеспечить дальнейший рост народного благосостояния, укрепление экономической и оборонной мощи страны, всестороннее совершенствование развитого социализма» [2, с. 18].

Разработка КПСС концепции ускорения социально-экономического развития страны вооружила советский народ перспективой в созидании нового общества, дала возможность более четко определить основные направления совершенствования социализма, сформулировать конкретные задачи, осуществление которых является необходимым рубежом на пути к достижению качественно нового состояния советского общества. При этом все более глубоко проявляется общность задач, решаемых Советским Союзом и другими братскими социалистическими государствами, несмотря на то, что эти страны находятся на неодинаковых этапах социалистического созидания: если СССР решает задачи совершенствования развитого социализма, то большинство других государств социалистического содружества — лишь задачи формирования этой стадии социалистического общества.

Общей характерной чертой нынешних различных, но совмещенных по времени этапов социалистического строительства СССР и братских социалистических стран является то, что задачи дальнейшей интенсификации всех отраслей народного хозяйства, повышения его эффективности, органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя встали перед всеми этими странами в качестве первоочередных, непосредственных, от решения которых зависит в первую очередь ускорение их дальнейшего продвижения по пути социализма и коммунизма.

Важнейшие вопросы развитого социализма, его материально-технической базы и ее дальнейшего совершенствования, социальных отношений, политической системы и духовного мира человека развитого социалистического общества получили глубокое освещение в решениях и материалах XXVI съезда партии и последующих пленумов ЦК, в особенности мартовского, апрельского и октябрьского (1985) Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях и статьях руководителей нашей партии и правительства [3—9].

На основе решений XXVI съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС советские обществоведы стали более активно разрабатывать проблемы развитого социалистического строя. После XXVI съезда КПСС в Советском Союзе вышел ряд крупных монографий, в которых всесторонне рассматриваются экономические, социальные и культурно-идеологические аспекты деятельности общества на этапе развитого социализма. Среди них третье издание книги «Развитой социализм: проблемы теории и практики», в которой изложены методологические основы концепции развитого социалистического общества. В ней получили освещение не только внутренние аспекты его функционирования, но и его воздействие на мировой революционный процесс, на дальнейшее упрочение отношений нового типа между странами социалистического содружества [10]. Новое в разработку теории развитого социалистического общества внесли и те авторы, которые посвятили свои исследования анализу отдельных сторон его общественной структуры: изменениям в экономической основе, социальном составе общества, политической системе, в сфере права, в духовной жизни и т. п. [11].

Наряду с изучением процессов истории формирования развитого социалистического общества в Советском Союзе, советские ученые активно исследовали и вопросы строительства развитого социализма в странах социалистического содружества. В частности, в ряде работ, подготовленных научными сотрудниками Института экономики мировой социалистической системы, Института славяноведения и балканистики и других институтов Академии наук СССР, на базе широкого круга материалов глубоко освещаются проблемы созидания общества развитого социализма в Чехословакии, ГДР, Венгрии и других социалистических странах [12].

В целом советские обществоведы сделали за последнее пятилетие значительный вклад в изучение как становления, так и основных черт и главных закономерностей функционирования социального механизма общества развитого социализма.

С разработкой в период между XXVI и XXVII съездами КПСС теории развитого социалистического общества тесно связаны и дальнейшие шаги в исследовании других проблем социалистического содружества — истории его формирования, его сущностной характеристики как новой исторической общности, закономерностей и противоречий в его развитии, отношений нового типа между входящими в него государствами, дальнейшего сближения социалистических стран, углубления социалистической интеграции, повышения влияния социалистического содружества на мировое развитие, его возрастающей роли на международной арене.

Новая интернациональная общность, возникшая после второй мировой войны, — содружество социалистических государств — являет собой невиданный до сих пор в мире тип международных отношений, базирующийся на принципах социалистического интернационализма. «История не знала другого такого союза, как наш, где отношения основаны на полном равенстве и товарищеской взаимопомощи суверенных государств», — указывал товарищ М. С. Горбачев в выступлении на встрече высших партийных и государственных деятелей стран-участниц Варшавского Договора 26 апреля 1985 г. [13].

За истекшее пятилетие в СССР опубликованы серьезные исследования по истории формирования социалистического содружества. В коллективной монографии «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», подготовленной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, на базе сравнительно-исторического подхода подробно исследуются революционные процессы, приведшие к возникновению в указанных странах новой, переходной общественной формы — строя народной демократии [14]. Авторы книги анализируют политические и социально-экономические преобразования в ходе народно-демократических и социалистических революций в странах региона и делают вывод о том, что по мере укрепления власти трудящихся, осуществления коренных общественных перемен создавались условия для формирования отношений нового типа между этими странами, и в особенности — между ни-

ми и СССР, — отношений, основанных на ленинских положениях о пролетарском, социалистическом интернационализме. В монографии глубоко исследуется начальный этап становления сотрудничества и взаимопомощи между европейскими социалистическими странами в экономической области.

Проблемы политического развития европейских народно-демократических государств в начальный период складывания предпосылок для образования социалистического содружества получили широкое освещение в фундаментальном труде «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов», вышедшем к 40-летию победы над фашизмом [15].

В опубликованной к этой же знаменательной дате коллективной монографии «СССР и страны народной демократии», написанной научными сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории СССР АН СССР, на большом конкретно-историческом материале раскрывается процесс образования социалистической системы и социалистического содружества [16]. Авторы обосновывают новый вывод о том, что в конце второй мировой войны между Советским Союзом и странами Центральной и Юго-Восточной Европы, уже участвовавшими или включившимися в это время в борьбу против фашистской Германии, сложился в рамках антигитлеровской коалиции военно-политический союз, направленный на уничтожение фашизма, и образование этого союза стало важным исходным рубежом в создании предпосылок для формирования между ними отношений нового типа. Этот процесс рассматривается в первую очередь сквозь призму двусторонних отношений между СССР и европейскими странами, вставшими на путь построения нового общества, поскольку развитие этих связей явилось одним из системообразующих факторов формирования мировой социалистической системы и могучего содружества социалистических государств.

В период между XXVI и XXVII съездами КПСС советские ученые внесли много нового и в осмысление сущности социалистического содружества как новой интернациональной общности — союза суверенных социалистических государств, характерной чертой которого является система сознательно налаживаемых интернационалистских связей во всех областях общественной жизни между всеми его участниками в соответствии с объективными закономерностями, определяющимися общностью социального строя, однотипностью экономической основы и политической системы, общностью целей и задач в соответствии с единой марксистско-ленинской идеологией. Важнейшим ориентиром для советских обществоведов на этом пути явились материалы XXVI съезда и последующих пленумов ЦК КПСС, выступления руководителей партии и Советского правительства. В них содержится объективный и реалистический учет как всемирно-исторических достижений и завоеваний мирового социализма, так и тех задач и проблем, которые еще предстоит решать странам социалистического содружества. «В Программе КПСС сказано о новом типе отношений, возникших между социалистическими странами. Но последние два десятилетия обогатили наши представления о мире социализма, нагляднее показали, как он разнообразен и сложен», — указывал Ю. В. Андропов на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС [5, с. 20—21].

Проблемы развития мировой системы социализма и социалистического содружества получили глубокое освещение в коллективной монографии «Вопросы развития мировой социалистической системы» [17], опубликованной Политиздатом. Давая сущностную характеристику содружеству социалистических государств, авторы показывают, что основой сотрудничества братских стран является идейно-политический союз их коммунистических и рабочих партий. Раскрывая диалектику объективного и субъективного в развитии отношений между странами социализма, авторский коллектив приходит к выводу о том, что при наличии объективных основ для сотрудничества в строительстве нового общества использование огромных созидательных возможностей, открываемых новым строем, зависит прежде всего от коммунистических и рабочих партий, стоящих у руковод-

ства обществом, от их способности по марксистско-ленински решать проблемы социалистического развития.

Развернутая трактовка соотношения между понятиями «мировая социалистическая система» и «социалистическое содружество» содержится в вышедшей в Политиздате монографии А. П. Бутенко «Социализм как мировая система» [18]. Автор теоретически осмыслил характер взаимозависимости между государствами мировой системы социализма. Он разграничивает объективные взаимосвязи, существующие между всеми социалистическими государствами, и сознательно налаженное сотрудничество стран социализма, осуществляемое в рамках социалистического содружества. По мнению А. П. Бутенко, главным исходным критерием отнесения страны к странам социалистическим, составляющим мировую систему социализма, является совершение в стране социалистической революции, утверждение в ней власти рабочего класса в союзе со всеми трудящимися, вступление ее на путь строительства социализма. На этой основе складываются объективно действующие узлы взаимозависимости, которые объединяют ее с другими социалистическими странами. Поэтому мировая социалистическая система — это социально-экономическое сообщество всех социалистических стран, объединенных общностью избранного их трудящимися социалистического пути, связанных на этом пути узлами объективной взаимозависимости, единством коренных интересов и целей их народов, однотипностью основных политических и экономических структур, развивающихся по законам строительства социализма и коммунизма.

Подчеркивая, что для характеристики понятия «социалистическое содружество» недостаточно говорить лишь об объективной взаимозависимости стран социализма, Бутенко считает, что необходимо дополнение ее важнейшим критерием — правильным научным осознанием этой объективной взаимозависимости, осмыслением общности коренных интересов и целей народов этих стран, а главное, проведением соответствующей интернационалистической политики сотрудничества всеми социалистическими государствами [18, с. 101].

В ряде работ советских ученых ставится вопрос о времени образования социалистического содружества и складывания его наиболее развитых, зрелых форм. Название «социалистическое содружество» в настоящее время применяется, как правило, по отношению к тем социалистическим государствам, которые наладили процесс тесного политического, экономического и идеологического сотрудничества в результате объединения в Совет Экономической Взаимопомощи и Организацию Варшавского Договора. Поэтому некоторые авторы — И. В. Дудинский [19, с. 3, 67—69], Л. Н. Толкунов [20, с. 7] и другие связывают процесс оформления налаженного взаимодействия социалистических стран с образованием СЭВ и заключением Варшавского Договора. Б. Н. Пугачев считает, что переход в 60-х годах группы социалистических государств к строительству развитого социализма, углубление разносторонних связей между братскими странами, вступление членов СЭВ на путь интегрального сближения — эти и некоторые другие факторы обусловили постепенное формирование развитой, зрелой формы социалистического содружества [21, с. 44—45].

Важнейшим вопросом, с которым связана сущностная характеристика социалистического содружества, является вопрос об основных закономерностях его развития, характере их проявления и использования в деятельности марксистско-ленинских авангардов рабочего класса, всех трудящихся братских стран социализма. В 60-х годах в советской литературе, посвященной мировой системе социализма, получила широкое распространение концепция, согласно которой закономерности социализма как мировой системы и как общественного строя отождествлялись. Эти взгляды разделяли отдельные ученые и в 70-х годах. В настоящее время в нашей науке утвердилась точка зрения, что отождествление двух относительно самостоятельных групп закономерностей социализма как общественного строя и как мировой социалистической системы, в том числе закономерностей, действующих в рамках социалистического содружества, с научной точки зрения неправомерно. В документах XXV и XXVI съездов КПСС даются

формулировки ряда важнейших закономерностей развития мировой системы социализма и содружества социалистических государств.

На основе решений XXVI съезда партии проблема закономерностей, характерных для социалистического содружества, получила дальнейшую разработку в трудах советских обществоведов. Предметом углубленного исследования стали интернационализация хозяйственной и всей общественной жизни, непрерывное расширение, углубление и совершенствование взаимного экономического сотрудничества социалистических стран, постепенное выравнивание уровней их экономического развития, всестороннее сближение государств, входящих в социалистическое содружество [22].

Особое внимание в период после XXVI съезда партии было уделено изучению закономерности постепенного и всестороннего сближения стран социализма. В вышедших публикациях сближение социалистических государств рассматривается как комплексный по своему характеру процесс, охватывающий как их внутреннюю жизнь, так и сферу взаимных связей и отношений [23]; подчеркивается, что зарождение тенденции к сближению совпадает с образованием мировой системы социализма, ибо уже победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии создавала предпосылки и представляла собой определенный элемент сближения. Двусторонние и постепенно возникающие и развивающиеся многосторонние связи между социалистическими государствами во второй половине 40-х — 50-е годы также были проявлением более или менее стойкой объективной тенденции к сближению. Вместе с тем лишь на рубеже 60—70-х годов сложились объективные предпосылки для проявления сближения между странами социалистического содружества как закономерности. Это было связано, с одной стороны, с переходом ряда стран социалистического содружества к строительству развитого социализма, и с другой — с дальнейшим развитием международных отношений нового типа — формированием процесса социалистической экономической интеграции, с упрочением двусторонних и многосторонних форм сотрудничества социалистических стран в политической, идеологической и культурной областях [21, с. 23].

В работах советских ученых, вышедших на рубеже 70-х годов и в особенности после XXVI съезда КПСС, более глубоко и всесторонне раскрывается и само содержание процесса сближения. Он включает в себя, по мнению ряда советских авторов, три основных аспекта: во-первых, возникновение все большей общности, сходства, «типизации» элементов политической, экономической, социальной и культурной жизни стран социализма; во-вторых, развитие и углубление разнообразных взаимосвязей и сотрудничества социалистических государств в тесной связи с взаимоприспособлением, взаимодополнением и взаимоадаптацией их экономических и других структур; в-третьих, процесс постепенного движения к образованию все более целостного социально-экономического и общественно-политического сообщества братских стран, постепенное превращение этого сообщества в нерасторжимую международную целостность [21, с. 8—9, 15—17; 18, с. 180].

Исследуя процессы реализации такой закономерности как постепенное и всестороннее сближение социалистических государств, советские ученые учитывают, что полное ее осуществление связано с долговременными стратегическими целями в процессе межнационального международного общения стран социалистического содружества, реалистично оценивают как большие достижения в сближении социалистических государств, так и еще имеющиеся сложности в развитии отдельных стран социализма, в налаживании все более тесного сотрудничества между ними [18, с. 183]. Всестороннее объективное и реалистичное рассмотрение сущности и перспектив развития этого процесса в работах советских авторов исходит из важнейшего положения XXVI съезда КПСС о том, что сближение в современных условиях отнюдь «не стирает национальной специфики, исторических особенностей стран социализма. В разнообразии форм их общественной жизни, организации экономики следует видеть то, что есть в дей-

ствительности: богатство путей и методов утверждения социалистического образа жизни» [3, с. 10].

Истекшее пятилетие показало, что советские ученые достигли в этот период успехов и в изучении диалектики развития социалистического сотрудничества, исходя из того, что укрепление его единства происходит в процессе преодоления свойственных этому общественно-политическому организму, как и всякому общественному явлению, внутренних противоречий. При этом основополагающим для них при исследовании характера противоречий в условиях социализма является важнейшее ленинское указание о том, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» [24, с. 357]. Неантагонистические по своему характеру противоречия внутри социалистического сотрудничества могут преодолеваться без «взрыва», в результате своевременного учета и правильного, сознательного разрешения их социалистическими государствами, их руководящей и направляющей силой — коммунистическими и рабочими партиями. Вместе с тем из этого обстоятельства вовсе не следует, указывал Ю. В. Андропов, «что можно пренебрегать неантагонистическими противоречиями, игнорировать их в политике. Жизнь учит, что при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе антагонистическими, могут порождать серьезные коллизии. Другая — и важнейшая — сторона дела в том, чтобы правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития» [25].

В связи с освещением диалектики становления международных отношений нового типа между социалистическими странами в советской литературе получила дальнейшее развитие проблема соотношения и согласования, гармоничного сочетания в ходе упрочения взаимных связей социалистических государств национально-государственных и интернациональных интересов. Многие советские ученые стоят на той точке зрения, что национально-государственные интересы социалистических стран в своей важнейшей части совпадают с интернациональными. Вместе с тем эти понятия отнюдь не являются тождественными. Академик О. Т. Богомолов, например, считает, что «национально-государственные интересы всех социалистических стран в их основном, первостепенном, основополагающем содержании совпадают, ибо эти страны имеют единую цель социального развития. А это обуславливает и общность в определении противников и союзников на мировом поприще. Следовательно, в самом коренном и главном национально-государственные интересы стран социализма не отличаются от общих интернациональных интересов. Именно здесь залог преодоления тех или иных расхождений между социалистическими странами в других вопросах, хотя и играющих порой очень существенную роль в жизни отдельных стран, но все же уступающих по своему значению тому основному и главному, что их объединяет» [26]. Как отмечает Б. М. Пугачев, в национально-государственных интересах каждой социалистической страны имеются особенности, присущие только данной стране, и они могут приходиться в процессе сближения братских стран в противоречие как с интернациональными интересами, так и с интересами других социалистических государств. Возникающие в связи с этим сложности и противоречия могут быть как объективными (связанными с положением страны в системе международного социалистического и мирового разделения труда, различиями в уровнях экономического развития тех или иных социалистических государств, в их социальной и экономической структуре, в формах и методах хозяйствования и управления), так и субъективными — обуславливаться различными позициями по тем или иным вопросам [21, с. 190—192]. Преодоление таких противоречий зависит от правильного осознания их играющими ведущую роль в социалистических странах коммунистическими и рабочими партиями, от стремления найти принципиальный марксистско-ленинский подход к ним и действенные пути их разрешения, имея в виду обеспечение дальнейшего сближения стран социализма, упрочения взаимоотношений между ними.

В связи с классификацией объективных, имманентных противоречий

внутри социалистической системы и содружества в советской литературе первой половины 80-х годов все более утверждалось мнение большинства исследователей этой проблемы о том, какое противоречие можно считать основным, главным в мировой системе социализма и социалистическом содружестве. Это — противоречие между интернационализацией производительных сил, процесса производства, всей общественной жизни, с одной стороны, и сохраняющейся национально-государственной организацией хозяйства, всей общественной жизни, которая во всех странах социализма имеет своим фундаментом государственную социалистическую собственность на средства производства [18, с. 115]. В пользу того, что это противоречие является главным, служат, по мнению А. П. Бутенко, аргументы о том, что оно лежит в основе самого формирования мировой социалистической системы и социалистического содружества, что действие его, хотя и в разных формах, проявляется на протяжении всей истории социалистической системы и содружества, что разрешение этого противоречия в отдаленном будущем ознаменует переход от мировой социалистической системы и содружества к более высоким формам общества свободных наций. Наконец, как считает упомянутый автор, воздействие этого основного противоречия определяет развитие всех остальных противоречий в мировой социалистической системе и содружестве стран социализма: отсутствие полного совпадения национально-государственных интересов отдельного государства с интернациональными интересами в рамках системы и содружества, отсутствие полного совпадения и национально-государственных интересов различных социалистических стран. Все эти противоречия по своей природе и основе — неантагонистические [18, с. 116].

Признание вышеуказанного главного противоречия мировой системы социализма и социалистического содружества отнюдь не означает, что насущной задачей является его разрешение уже на современном этапе или в ближайший период времени путем ликвидации национальных перегородок, государственных границ социалистических стран [18, с. 116].

Социализм создал принципиально новые отношения между государствами. В основе взаимоотношений нового типа, сложившихся между странами социалистического содружества, лежат принципы социалистического интернационализма, взаимной помощи и поддержки, равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Процесс становления и упрочения таких отношений был в первой половине 80-х годов, как и ранее, предметом глубокого теоретического анализа советских обществоведов. Более глубокое осмысление существа и социального характера принципов международных отношений нового типа, исследование объективных основ этих принципов, их творческого развития и применения для решения конкретных задач дальнейшего укрепления взаимоотношений между странами социализма, — все эти и другие проблемы стояли перед советскими учеными, занимавшимися данной проблематикой. При этом необходимо отметить, что среди советских обществоведов еще в 60—70-х годах проявились два различных подхода к пониманию сущности и социальной природы принципов взаимоотношений социалистических государств. Часть авторов, несмотря на определенные оттенки во взглядах, считала, что якобы все вышеперечисленные принципы, примененные в отношениях между странами социализма, имеют социалистическую природу. Другие утверждали, что такие принципы, как равноправие, уважение суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга, по своей природе — демократические, а принципы социалистического интернационализма, братской солидарности, взаимной помощи, поддержки и тесного сотрудничества имеют социалистическую природу. Различия точек зрения по этому вопросу сохранились до сих пор, однако, в последние годы появилась еще более основательная аргументация в пользу второй из них. Научно обосновано, что во взаимоотношениях стран социалистического содружества принцип социалистического интернационализма играет первостепенную роль, являясь фундаментальным, ключевым принципом международных отношений нового типа [27; 18, с. 194—198].

При определении сущности социалистического интернационализма, его соотношении с пролетарским интернационализмом некоторые советские авторы в своих публикациях, относящихся к первой половине 80-х годов, дают на основе марксистско-ленинской методологии более широкую трактовку этого понятия. Если в работах 60—70-х годов социалистический интернационализм рассматривался главным образом как принцип взаимоотношений между социалистическими странами, то в последние годы он вполне обоснованно оценивается и как дальнейшее развитие идеологии и политики пролетарского интернационализма и как принцип взаимоотношений между социалистическими нациями и государствами в условиях победы социалистической революции, построения и дальнейшего совершенствования социализма, возникновения и функционирования мировой системы социализма и наиболее адекватной социализму формы добровольного союза свободных суверенных социалистических государств — социалистического содружества. Так, Б. С. Попов считает, что с победой Октябрьской революции в нашей стране «социалистический интернационализм сформировался как пролетарский интернационализм в дальнейшем его развитии, как идеология и политика всех народов Советской России, поднятая на государственный уровень» [28]. «Содержание социалистического интернационализма, так же как и пролетарского интернационализма,— отмечает А. П. Бутенко,— является двуединым — это и существенная часть миропонимания и принцип действий» [48, с. 220]. Он делает вывод о том, что социалистический интернационализм состоит в осознании общности коренных интересов и целей всех социалистических наций, народов и стран, а также в вытекающем из этого принципе совместных, солидарных действий всех социалистических государств, т. е. таких действий, которые превращают сообщество стран социализма в единое, согласованно действующее социалистическое содружество [48, с. 220].

Дальнейшее упрочение единства стран социалистического содружества на принципах социалистического интернационализма является необходимым условием возрастания воздействия мировой системы социализма на всемирный революционный процесс, на развитие человечества, его будущее, условием повышения роли мирового социализма в международных отношениях как фактора мира и гаранта безопасности народов. «Государства великого содружества,— отмечает товарищ М. С. Горбачев,— обладают бесценным опытом и отлаженным механизмом согласования своей политики. Они выступают единым фронтом в международных вопросах, последовательно отстаивают дело мира и разоружения, принципы мирного сосуществования. Особая роль принадлежит здесь Организации Варшавского Договора, ее Политическому консультативному комитету, Объединенным вооруженным силам союзных государств. И пока не снята угроза миру и безопасности, страны — члены Варшавского Договора будут и впредь делать все необходимое, чтобы оградить себя от любых посягательств» [2, с. 25].

Проблема укрепления единства и сплоченности государств мировой системы социализма и ее ядра — социалистического содружества посвящена большая литература. В числе книг, вышедших после XXVI съезда КПСС, — коллективная монография, подготовленная научными сотрудниками Института истории АН УССР «Укрепление братской дружбы и сотрудничества стран социалистического содружества» [29]. В ней проанализированы основные направления и тенденции дальнейшего развития братских связей между социалистическими государствами в процессе их постепенного сближения. Роль пролетарского, социалистического интернационализма как основы успешного экономического развития, идейно-политического единства и важнейшего фактора оборонной мощи социалистического содружества раскрывается в работе В. Ф. Самойленко [30]. Автор убедительно раскрывает объективную необходимость единства и сплоченности социалистических стран в защите завоеваний социализма, показывает роль Варшавского Договора в обеспечении обороноспособности государств социалистического содружества.

Весь ход исторического развития, важнейшие события современности

убедительно свидетельствуют о возрастающем влиянии мирового социализма на прогресс человечества. Вместе с другими революционными силами нашего времени мировая система социализма, прежде всего — могучее содружество социалистических государств, оказывают активное воздействие на всемирное социальное развитие.

Эта проблематика получила в рассматриваемый нами период глубокое отражение в ряде научных исследований [31]. Особое место занимает коллективная монография ученых СССР и ГДР «Реальный социализм в современном мире», вышедшая в 1982 г. одновременно в издательстве «Экономика» (Москва) и в издательстве «Дитц» (Берлин). Анализируя влияние мирового социалистического содружества на развитие человечества, авторы считают, что оно осуществляется по трем основным направлениям: во-первых, укрепляются позиции мирового социализма в соревновании с капиталистической системой в области экономики, усиливается превосходство социализма в социальной и духовной сферах жизни, растет революционизирующее воздействие примера социалистического содружества на рабочий класс капиталистических стран; во-вторых, опыт и помощь содружества социалистических государств способствуют укреплению позиций освободившихся от колониальной зависимости стран в антиимпериалистической борьбе и облегчают не только упрочение их национальной независимости, но и переход на путь социального прогресса; в-третьих, содружество социалистических государств выступает ныне как важнейший фактор борьбы за мирное сосуществование, за мир, международную разрядку и безопасность на нашей планете [32].

Особенно велика роль мирового социализма в разворачивающейся на наших глазах грандиозной битве за мир и международную безопасность, за предотвращение новой мировой войны. В условиях небывалого обострения борьбы двух мировых общественных систем, резкого возрастания агрессивности империализма, в первую очередь империалистов США, могучее детище всемирного революционного движения — мировая система социализма, социалистическое содружество во главе с СССР ведет настойчивую борьбу за спасение человечества от гибели в пламени термоядерной войны, за мирные и добрососедские отношения со всеми народами. «Наша приверженность политике мирного сосуществования, — сказал товарищ М. С. Горбачев, — это свидетельство силы нового общественного строя, веры в его исторические возможности. Она отвечает интересам всех стран и народов, пронизана духом подлинного гуманизма, идеалами мира и свободы, которые вдохновляли советских людей и в годы минувшей войны.

Отстоять священное право человека на жизнь, обеспечить прочный мир — долг живущих перед миллионами павших за свободу и социальный прогресс, наш общий долг перед нынешним и грядущими поколениями» [2, с. 30].

Перед советскими обществоведами стоят новые большие задачи в исследовании проблем социалистического содружества в свете тех решений и документов, которые будут приняты XXVII съездом КПСС. Главные линии этой исследовательской работы намечены в проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года: «Продолжить изучение объективных закономерностей и опыта социалистического содружества, путей усиления экономической интеграции стран — членов СЭВ» [33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 8 мая 1985 года. М., 1985.
3. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
4. Материалы Пленума ЦК КПСС, 12 ноября 1982 г. М., 1982.
5. Материалы Пленума ЦК КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983.
6. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983.
7. Материалы внеочередного Пленума ЦК КПСС, 11 марта 1985 г. М., 1985.
8. Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985.

9. *Горбачев М. С.* Живое творчество народа. Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС» 10 декабря 1984 года. М., 1984; *Горбачев М. С.* Настойчиво двигаться вперед. Выступление на собрании актива Ленинградской партийной организации 17 мая 1985 года. М., 1985; *Горбачев М. С.* Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 года. М., 1985; *Горбачев М. С.* Активно действовать, не терять времени. Выступление на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода и речь на собрании актива республиканской партийной организации Украины 26, 27 июня 1985 г. М., 1985.
10. Развитый социализм: проблемы теории и практики. 3-е изд. М., 1982.
11. *Сенявский С. Л.* Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма. М., 1982; Социальная основа общества развитого социализма. Киев, 1983; Политическая система развитого социалистического общества. М., 1984; *Ржевский В. И.* Общественный строй развитого социализма. М., 1983; Экономический строй социализма. В 3-х тт. М., 1984.
12. Чехословацкая Социалистическая Республика. М., 1984; Венгерская Народная Республика. М., 1983; Социалистическая Республика Румыния. М., 1984; *Кулинич И. М.* Рабочий класс Германской Демократической Республики — ведущая сила в строительстве социалистического общества. Киев, 1982; *Желицки Б. И.* Рабочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов (социальное развитие). М., 1984.
13. Правда, 1985, 27 IV.
14. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982.
15. Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.
16. СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества, 1944—1949 гг. М., 1985.
17. Вопросы развития мировой социалистической системы. М., 1983.
18. *Бутенко А. П.* Социализм как мировая система. М., 1984.
19. *Дудинский И. В.* Социалистическое содружество: основные тенденции развития. М., 1976.
20. *Толкунов Л. Н.* Главная революционная сила современности. Мировое социалистическое содружество: становление, развитие, возрастающее влияние. М., 1979.
21. *Пугачев Б. М.* Сближение стран социализма. Вопросы теории и практики. М., 1981.
22. Социализм преобразует структуру производства. Опыт Монголии, Кубы, Вьетнама, Болгарии. М., 1982; *Горбачев Б. В.* Умножение сил. М., 1983; *Ладыгин Б. Н.* Братское сотрудничество стран социалистического содружества. М., 1982.
23. Основные направления сближения социалистических стран. М., 1982.
24. Ленинский сборник. Т. XI. М.—Л., 1929, с. 357.
25. *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 21.
26. *Богомолов О. Т.* Согласование экономических интересов и политики.— Коммунист, 1985, № 10, с. 89.
27. Социалистический интернационализм. Теория и практика международных отношений нового типа. М., 1979.
28. *Попов В. С.* Актуальные проблемы пролетарского, социалистического интернационализма.— Вопросы истории КПСС, 1981, № 4, с. 34—35.
29. Укрепление братской дружбы и сотрудничества стран социалистического содружества. Киев, 1981.
30. *Самойленко В. Ф.* Основа боевого союза. Интернационализм как фактор оборонной мощи социалистического содружества. М., 1981.
31. *Богомолов О. Т.* Мир социализма: неоценимый опыт общественного прогресса. М., 1981; Проблемы воздействия мировой системы социализма на исторический процесс. М., 1981; *Богомолов О. Т., Вахрамеев А. С.* Социалистическое содружество в борьбе за мир и разоружение. М., 1983; *Зувев Ф. Г.* Социалистическое содружество и разрядка в Европе. М., 1984.
32. Реальный социализм и современный мир. М., 1982.
33. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Проект.— Правда, 1985, 9 XI.

ПИРИМКУЛОВ Ш. Д.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

По инициативе польских коммунистов в 1943 г. в СССР был создан Союз польских патриотов (СПП) — общественная организация, объединившая польских граждан, оказавшихся на территории Советского Союза. СПП сыграл значительную роль в формировании 1-й Польской армии в СССР, в организации борьбы польских эмигрантов за свободную и независимую Польшу, в обеспечении их материальных запросов.

Важное место в деятельности СПП занимала культурно-просветительная работа среди польских эмигрантов. Ее направление и формы определялись специальным решением съезда СПП от 10 июня 1943 г. Имея в виду благоприятные условия, созданные для этого Советским правительством, и стремясь к сохранению здоровых национальных чувств у польских эмигрантов, Союз в соответствии с его идейной декларацией ставил своей задачей развитие национального самосознания у польских граждан и, в особенности, среди детей и молодежи; воспитание у них искренней любви к своей стране, своему народу, готовности к самоотверженной борьбе за свободу Польши, демократию и прогресс, чувства дружбы и братства с советским народом; проведение культурно-просветительных мероприятий с учетом освободительных и прогрессивных традиций польского народа; укрепление чувства любви к польскому искусству и содействие посредством искусства сближению польского и советского народов.

В этих целях Главное правление (ГП) СПП должно было активно сотрудничать с советскими властями для обеспечения нормального функционирования польских школ, курсов языка и литературы, истории и географии Польши, дошкольных, культурно-просветительных учреждений. Союз обязан был поддерживать и координировать инициативы польской эмиграции на местах по организации школ, клубов, светлиц (красных уголков), драматических, хоровых и других кружков. Предусматривались создание художественной труппы в первой польской дивизии, содействие польской молодежи в приобретении профессиональной квалификации, издание учебников, политической и художественной литературы, выпуск журнала для детей и молодежи [1, т. VII, с. 386—387].

Руководство всей этой работой возлагалось на специальный отдел при ГП СПП и созданные в конце 1943 — начале 1944 г. культурно-просветительные комиссии при областных правлениях Союза. В отчете правления Союза в Кашка-Дарьинской области (УзССР) отмечалось, что уже к началу 1944 г. культурно-просветительная комиссия вела работу на всех предприятиях, где трудились польские эмигранты [2, с. 125, к. 69].

На 15 апреля 1944 г. насчитывалось 76 областных комиссий по культурно-просветительной работе, в том числе в Казахской ССР — 18, в Узбекской ССР — 12, в Таджикской ССР — 2, в Киргизской и Туркменской республиках — по одной [2, с. 733, к. 1—2].

Важную роль в организации и ведении культурно-просветительной работы играла пресса СПП. На страницах газеты «Вольна Польска» и журнала «Новы виднокренги» печатались сообщения о просветительных и художественных мероприятиях, происходил обмен опытом работы. Подобные материалы содержались и в бюллетенях, издаваемых областными правлениями Союза. В «Информационном бюллетене» облправления СПП в Намангане имелась специальная рубрика: «Культурно-просветительная работа», где печатались информации о работе драматического кружка и польской школы [2, sygn. 867, к. 2]. В некоторых бюллетенях помещались рисунки и стихи польских эмигрантов. Вопросам культурно-просветительной работы уделялось внимание и в многочисленных стенгазетах, выпускавшихся активистами Союза.

При областных и многих районных правлениях Союза создавались, при содействии советских властей, клубы для польских эмигрантов. По неполным данным на 1 декабря 1945 г. в Ашхабаде было 2 клуба, в Намангане — 5, Коканде — 1, Беговате — 2, Бухаре — 6, Самарканде — 10, Кашка-Дарье — 4, Оше — 5, Джалал-абаде — 6, Карагане — 3, Фергане — 2, Гурьеве — 1, Чимкенте — 9, Алма-Ате — 5, Актюбинске — 3, Андижане — 8 [2, sygn. 757, к. 11, sygn. 38, к. 34, sygn. 36, к. 5, sygn. 34, к. 42, sygn. 32, к. 78, 115, 142]. Клубы являлись опорными пунктами для проведения политической и культурно-просветительной работы. В них проходили собрания, торжественные заседания, читались доклады и лекции, выпускались стенгазеты, устраивались художественные вечера и выставки. Клуб при областном правлении в Карагане работал каждый день с 9 до 21 часа. После обеда была открыта библиотека [2, sygn. 140, к. 38]. В семипалатинском клубе по вторникам проводились вечера, посвященные творчеству польских поэтов [3, 1945, № 31, с. 4], в джалал-абадском — по вторникам и субботам собирались научные кружки [3, 1945, № 42, с. 4]. Клуб в Бухаре располагал радиоприемником и посетители могли слушать передачи на польском языке [2, sygn. 66, к. 4].

Доклады и лекции для польских эмигрантов касались широкого круга политической и культурной проблематики. По инициативе председателя областного правления Союза во Фрунзе Ф. Савицкого и представителя ГП СПП в Киргизской ССР В. Конопки был организован цикл лекций о польской армии, будущем устройстве Польши, польско-советской дружбе [3, 1944, № 38, с. 4]. В Кызыл-Орде (Казахская ССР) состоялась лекция об Адаме Мицкевиче [3, 1944, № 31, с. 4], в Кок-Янчаке (Киргизская ССР) проводились беседы по культурной тематике [2, sygn. 88, к. 58]. Во многих местах читались доклады и лекции по истории польской литературы, о творчестве А. Мицкевича, Ю. Словацкого, М. Конопницкой, современных писателей и поэтов [2, sygn. 82, к. 58]. В 1945 г. в Бухаре были прочитаны лекции о творчестве И. Эренбурга и А. Толстого, о древних памятниках Бухары, организована экскурсия во дворец «Мохи Хосса» [2, sygn. 66, к. 7].

При клубах создавались польские библиотеки. По неполным сведениям, в 1945 г. действовало 110 библиотек при областных правлениях СПП; из них в Казахской ССР — 27, в Узбекской ССР — 10, в Киргизской ССР — 3, в Туркменской ССР — 1 библиотека [2, sygn. 733—, к. 1—2]. Библиотека в Кашка-Дарье располагала 250 книгами, изданными в 1850—1914 гг. в Польше, имела комплект журнала «Тыгодник иллюстрованы» за 1900—1906 гг. [2, sygn. 125, к. 72].

Для удовлетворения запросов польских эмигрантов было предпринято издание «Библиотека СПП в СССР». Она включала произведения А. Мицкевича, Г. Сенкевича, Б. Прусса, М. Конопницкой, Э. Ожешко, Ю. Тувиима, В. Василевской, Л. Шенвальда и других польских поэтов и прозаиков. В этой серии было издано 25 художественных произведений, каждое тиражом в 10—16 тыс. экземпляров. С учетом литературы по общественно-политической тематике общий тираж «Библиотеки» составлял 300 тыс. экземпляров [2, sygn. 716, к. 217; 4].

Широкое развитие получила художественная самодеятельность. Были созданы драматические, хоровые, музыкальные, танцевальные и другие

кружки и группы для взрослого населения, молодежи и детей. Такие кружки имелись и почти во всех детских домах. Участники художественной самодеятельности выступали в своих коллективах, перед общественностью района или города. 28 мая 1944 г. в Оше состоялся концерт польской художественной самодеятельности. «Выступления оркестра и солистов, исполнявших народные песни и арии из известных польских опер, прошли с большим успехом», — отмечала газета «Ленинский путь» [5, 1944, 30 VI]. Комиссия по культурно-просветительной работе в Оше каждое воскресенье устраивала вечера и театральные представления, инсценировки стихотворений Ю. Тувиима и других поэтов. Исполнялась танцевальная композиция «100 лет борьбы» [3, 1944, № 30, s. 4]. Художественный кружок в Семипалатинске, созданный в мае 1944 г., имел литературную, танцевальную и музыкальную группы. В его программе были, в частности, «Пан Тадеуш», «Балладина». В течение нескольких месяцев он дал 4 театральные представления [3, 1944, № 29, s. 4]. Кружок выступал в военном госпитале, в рабочих клубах. Большой популярностью пользовались члены кружка Я. Кишко, З. Шпачинская, З. Залеская и др. [3, 1944, № 29, s. 4].

Созданный в августе 1944 г. художественный ансамбль в Ленинабаде в составе 40 человек дал до конца года 8 концертов, на которых присутствовало более 8 тысяч зрителей. Среди членов ансамбля выделялись М. Кучинская, А. Петацкая, Я. Адамовский, Фатер. До середины 1945 г. ансамбль 27 раз выступал перед публикой [2, sygn. 140, k. 38, 48]. В Актюбинске в 1944 г. в связи с празднованием Дня независимости в клубе железнодорожников был проведен музыкально-вокальный вечер с участием артистов Казахского и Русского театров и польской художественной самодеятельности. Состоялась встреча с представителями местных властей, стахановцами и ударниками [3, 1944, № 46, s. 4].

В августе и сентябре 1944 г. была проведена «Неделя польской литературы, песни, музыки и пляски» [2, sygn. 716, k. 219]. В ней принимали участие художественные коллективы и широкие круги общественности. Во время «Недели» читались лекции и доклады, исполнялись произведения польских писателей, устраивались концерты, радиопередачи. Газета «Ленинский путь», в частности, сообщала: «СПП с 19 по 28 августа проводит в Оше Неделю польской литературы, песни, музыки и пляски. Будут проведены вечера с докладами на темы: „400 лет польской литературы“, „Адам Мицкевич — поэт-демократ“, художественное чтение произведений Мицкевича, Словацкого, исполнены польские народные песни и пляски» [4, 1944, 20 VIII]. В Джалал-абаде, Кок-Янчаке, Сузаке [3, 1944, № 30, s. 4] и других городах состоялись концерты. С большим успехом прошла «Неделя» в Намангане [2, sygn. 148, k. 42].

В начале 1945 г. при областном правлении СПП в Ташкенте была создана агитбригада, в состав которой входили лектор и несколько артистов [2, sygn. 172, k. 81]. Культурно-просветительная бригада в Павлодаре, состоявшая из 26 человек, в 1945 г. во время уборки урожая побывала в колхозах и совхозах и выступила с лекциями и концертами [2, sygn. 715, k. 255].

Число кружков художественной самодеятельности увеличивалось. В конце 1944 г. в Акмолинской области насчитывалось уже 9 драмкружков [3, 1944, № 40, s. 4]. По данным ГП СПП, в апреле 1945 г. было 86 драмкружков, в том числе в Казахской ССР — 34, в Узбекской ССР — 8, в Таджикской ССР — 2, в Туркменской ССР — 1. Кроме того, в Казахской ССР, функционировали 2 музыкальных ансамбля, а в Узбекской ССР — 7 хоровых коллективов [2, sygn. 736, k. 1—2, sygn. 742, k. 1, sygn. 738, k. 1, sygn. 739, k. 1, sygn. 740, k. 3]. В Чимкентской области в 1946 г. числилось 15 художественных ансамблей [2, sygn. 82, k. 41].

Среди художественной самодеятельности детских домов в 1945—1946 гг. отличались драмкружок и хор детдома № 12 в Самарканде, которые на городской олимпиаде, состоявшейся в мае 1945 г., были признаны лучшими [6], а также художественный коллектив Туркестанского детдома, выступивший 15 раз в течение 1945/46 учебного года и занявший первое место в области [3, 1946, № 21—22, s. 3].

Драматический кружок детдома в Ташкенте, руководителем которого был Кавеноки, имел в своем репертуаре инсценировки фрагментов из «Дядюв» А. Мицкевича, романа «Мать» М. Горького и «12 месяцев» С. Маршака в собственном переводе [2, sign. 172, k. 68].

Хороший хор был в Пахита-абадском детдоме № 21 Андижанской области. Он объединил до 40 детей и в своем репертуаре имел свыше 100 польских и русских песен. Хор выступал на собраниях и утренниках, в детдоме, в военном госпитале, в школе авиаторов, на промышленных предприятиях, по местному радио. Он несколько раз получал официальные благодарности и занял первое место в олимпиаде детских хоров в Андижанской области за великолепное исполнение польских и русских песен [2, sign. 726, k. 100]. Танцевальный ансамбль детского дома в Намангане под руководством А. Ханне показывал «действительно высокое мастерство в исполнении польских народных танцев». «Выступление воспитанников детдомов, — отмечала „Вольна Польска“, — на торжествах Союза польских патриотов является обычным элементом художественной части их программ» [4, 1946, № 10, s. 4].

В начале 1944 г. в Узбекской ССР возникли два польских театра. Труппу театра «Бухарские миниатюры», созданного по инициативе областного правления СПП в Бухаре, при поддержке местных советских властей, составили проживавшие в городе артисты-эмигранты из Варшавы и Кракова. Большая заслуга в создании этого театра принадлежала его режиссеру Генрику Лотару.

Театр привлекал учеников бухарской польской средней школы для выступлений в художественной части всех торжественных собраний организаций СПП. В его программе были одноактные пьесы, народные песни, инсценировки, фрагменты «Радуги» В. Василевской, «Встречи» З. Кричинского, монтажи на стихи Ю. Тувима, композиции Монюшко, Венявского и др. [4, 1945, № 11—12, s. 6]. В творческой деятельности театра принимали участие узбекские поэты и писатели. Позднее этот театр стал государственным и действовал как передвижной [2, sign. 66, k. 6].

В Самарканде по инициативе артистки Янины Кулян-Станиславской был создан «Польский кукольный театр Би-Ба-Бо» [3, 1945, № 11—12, s. 6]. Его режиссером стала Юлия Кавенока. В короткое время он завоевал признание и широкую популярность. Большим успехом пользовались инсценировки «Пана Тадеуша» А. Мицкевича и «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина. В программу была также включена узбекская старинная легенда «Биби-Ханум» [2, sign. 17, k. 3]. Бухарский и самаркандский польские театры сыграли значительную роль в удовлетворении культурных запросов польских эмигрантов и укреплении их дружественных отношений с местным населением.

Широко пропагандировалась польская музыка. «По московскому радио, — сообщал Генеральный секретарь ГП СПП А. Юшкевич, — мы передали более 80 концертов польской музыки и сотни таких концертов устроили наши периферийные организации СПП. Польские песни громко звучали на необозримых просторах СССР, везде, где находились поляки. Эти песни поднимали патриотический дух наших соотечественников, были для них духовной связью с далекой Отчиной, укрепляли надежду и веру в близкую победу и возрождение Польши» [1, т. IX, с. 144].

По инициативе областного правления СПП в Алма-Ате были проведены два вечера польской музыки, на которых исполнялись произведения Шопена, Ружицкого, Носковского, Рутковского [5, 1944, № 30, с. 4]. В мае 1945 г., состоялся концерт польской музыки в Сталинабаде. «Концерт, — сообщала республиканская газета „Коммунист Таджикистана“, — прошел под лозунгом польско-советской дружбы, были исполнены музыкальные произведения и песни польских композиторов Шопена, Венявского, Мошковского, Монюшки и других. На концерте присутствовала польская и советская общественность. Концерт прошел с большим успехом» [7].

Вокруг СПП объединились деятели польской культуры. В августе 1944 г. в Самарканде был проведен съезд работников культуры, в котором

участвовали литераторы, актеры, художники. Съезд активизировал деятельность творческой интеллигенции. Художник Ж. Жодак выполнил портреты-карикатуры и плакаты, привлечшие внимание общественности [3, 1944, № 34, s. 4, № 38, s. 4].

Существенное значение для просвещения и политического воспитания имели выставки. В апреле 1944 г. по инициативе СПП совместно с Государственной публичной библиотекой в Ташкенте была организована выставка, посвященная истории польского народа и его литературы. «Цель выставки, — писала республиканская газета „Правда Востока“, — ознакомить советскую общественность с польской историей и литературой в лице лучших ее представителей, начиная с XVIII в. по сегодняшний день. Выставка отражает также растущую и крепнущую дружбу польского народа и народов Советского Союза» [8]. На выставке были представлены произведения классиков марксизма-ленинизма на польском языке, произведения известных польских писателей: Ю. Крашевского, Б. Пруса, Э. Ожешко, М. Конопницкой, А. Струга, Ю. Тувима, А. Слонимского, Ю. Кручковского, Л. Шенвальда. Отдельные стенды освещали творчество А. Мицкевича, Г. Сенкевича, В. Василевской. Один из разделов был назван «Польская книга в СССР» [8; 2; sygn. 713, k. 17].

По случаю второй годовщины создания СПП были подготовлены областные выставки. 3 мая 1945 г. в Государственной публичной библиотеке им. Чернышевского во Фрунзе открылась выставка, организованная областным правлением СПП [9]. Такие же выставки состоялись в Бухаре, Фергане, Намангане, Оше, Семипалатинске, Джалал-абаде, Ленинабаде, Сталинабаде и других городах.

Особенно большой была выставка в Джамбуле. В созданном здесь, наряду с другими, отделе литературы и искусства экспонировались альбомы о трудовой деятельности польских эмигрантов, рукописный перевод отдельных глав романа Пушкина «Евгений Онегин» и много рисунков карандашом. Выставку посетило более 1000 человек [10].

Республиканская газета «Советская Киргизия» в связи с выставкой писала: «Живя в Киргизии, польские школьники сроднились с приютившим их солнечным краем: в своих рисунках, рукоделиях, игрушках-самоделках дети изображают его быт и природу. Привлекают внимание написанный красками герб Киргизской ССР, куклы в национальных костюмах, сделанные в школе Калининского района, маленькая юрта, набросок цветным карандашом Тянь-шаньских гор» [9].

Работавшая при областном правлении СПП бригада артистов неоднократно давала концерты, устраивала вечера. Областная газета в Ленинабаде «Стахановец» 22 мая 1945 г. сообщала, что выставка, устроенная областным правлением СПП, «привлекает своим интересным и богатым содержанием, отражая всестороннее участие польского населения в различных отраслях народного хозяйства и культуры нашей области» [11].

Культурно-просветительная работа СПП имела важное значение для обогащения польской эмиграции знаниями, развития польско-советской дружбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII, М., 1973; т. IX, М., 1976.
2. Archiwum akt nowych, ZPP.
3. Wolna Polska.
4. *Pazyra St. Z dziejów książki Polskiej w czasie drugiej wojny światowej.* Warszawa, 1970, s. 296.
5. Ленинский путь (Ош, Киргизия).
6. Центральный государственный архив УзССР, ф. 94, оп. 5, ед. хр. 4714, л. 42.
7. Коммунист Таджикистана, 1945, 9 V.
8. Правда Востока (Узбекистан), 1944, 12 IV.
9. Советская Киргизия, 1945, 6 V.
10. Коммунист (Джамбул), 1945, 18 V.
11. Стахановец (Ленинабад), 1945, 22 V.

ФАЛЬКОВИЧ С. М.

УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 ГОДОВ

Одной из отличительных черт первой народной революции в России было то, что в ходе ее «укрепилась интернациональная солидарность рабочего класса», «российский рабочий класс под руководством большевиков высоко поднял знамя пролетарского интернационализма, создавая единый фронт борьбы трудящихся всех национальностей против социального и национального гнета» [1]. В этом едином фронте важное место занимали совместные усилия русского и польского пролетариата. Революция 1905—1907 гг. в Королевстве Польском явилась частью общероссийской революции, а польские рабочие выступали как передовой отряд великой общероссийской пролетарской армии.

В период быстрого назревания революционной ситуации в России все более накалялась атмосфера и в Королевстве: в декабре 1904 г. там состоялись рабочие демонстрации. Польские социал-демократы разъясняли трудящимся, что «свержение царизма и завоевание политических свобод — это первейшая необходимость как для польского, так и для русского пролетариата», что от совместных усилий «сознательного, объединенного пролетариата Польши и России» зависит успех борьбы [2, s. 57, 59]. На другой день после «Кровавого воскресения» 9 января 1905 г. Главное Управление СДКПиЛ призвало рабочих к всеобщей политической стачке протеста и разъясняло ее цели в прессе и на фабричных массовках. Газета «Z pola walki» сообщала о событиях в Петербурге [3, 31 I]. Номера этого издания СДКПиЛ и ее листовки «Всеобщая стачка и революция в Петербурге», «На всеобщую стачку!» (43 тыс. экз.) разошлись молниеносно [4, s. 158]. Рабочий класс Королевства с энтузиазмом поддержал лозунг о всеобщей стачке, которая должна была подтвердить, что «польский пролетариат готов к совместной с пролетариатом России борьбе» [2, s. 74]. Эту готовность отметил В. И. Ленин, писавший из Женевы 10(23) января, что Польша готова примкнуть к рабочим Петербурга под лозунгом «смерть или свобода» [5, т. 9, с. 178].

Стачка, начатая 24 января рабочими Варшавы, охватила все Королевство. В течение трех недель наряду с массовыми забастовками происходили демонстрации, митинги, столкновения с войсками и полицией в Варшаве, Лодзи, Радоме, Люблине, Седльце, Кельце, Калише, в центрах Домбровского бассейна и др. В ряде мест возводились баррикады. Как отмечала Р. Люксембург, польские пролетарии «активно выказали свою политическую классовую солидарность с неским пролетариатом» [6]. В этом пресса СДКПиЛ видела «важнейшую сторону» событий в Королевстве, «самую выдающуюся политическую черту» движения, которое она считала «общим для пролетариата всего государства» [3, 31 I; 9 II]. В воззвании партии «Ко всему обществу» 3 февраля 1905 г. говорилось: «Польский трудовой народ сразу верно почувствовал, что кровь, пролитая на

улицах Петербурга, — это его собственная кровь, что дело русского пролетариата — его собственное дело» [2, с. 94]. «Выступление всей огромной армии русских и польских рабочих на призыв из Петербурга, — писал „Czerwonyszandar“, — показало, что польский рабочий понимает и чувствует, что русский пролетариат — его брат и товарищ, кость от кости и кровь от крови его ... Рабочий люд всего государства создал единую боевую армию, единый рабочий класс, стремящийся к единой общей цели, борющийся под единым знаменем, общими силами, общими средствами, за общие интересы» [7, 1905, № 24].

Эти выводы польских социал-демократов соответствовали общему выводу, сделанному В. И. Лениным из опыта стачечного движения января — февраля 1905 г., о сплочении многонационального пролетариата России [5, т. 9, с. 249—253]. Как и Ленин, деятели СДКПиЛ видели в «политическом объединении сил пролетариата всего государства без различия национальности» проявление исторической закономерности и подчеркивали, что выход на политическую арену такой многонациональной пролетарской армии — явление, выступающее впервые именно в российской революции [8; 7, 1905, № 25]. Важным выводом польских марксистов было и то, что впервые в истории рабочего движения всеобщая стачка стала «вступительной битвой» революции, а пролетариат выступил в буржуазно-демократической революции как самостоятельная сила, сознающая свои отдельные интересы. Русскому и польскому рабочему классу, указывал «Czerwony sztandar», суждена в революции передовая роль, и их борьба в январе—феврале 1905 г. доказала, что они доросли до этой исторической роли [7, 1905, № 24].

С удовлетворением отмечали польские социал-демократы дух интернационализма в рабочей среде, сорвавший попытки националистов посеять рознь между польскими и русскими рабочими [7, 1905, № 25]. СДКПиЛ видела в совместной борьбе пролетариата России и Польши в январе — феврале 1905 г. начало еще более тесного сближения, требовала осваивать ее опыт. Созывались рабочие собрания, где сообщалось о событиях в России, обсуждались вопросы революции. На них присутствовали от 50—75 до 400—500 человек, а иногда и несколько тысяч [9, с. 994].

Интернационалистскую позицию рабочего класса Польши высоко оценил пролетарский авангард России. Социал-демократы Москвы указывали, что рабочие Варшавы и Лодзи наиболее быстро и энергично поддерживали питерцев. А в «Бюллетене Петербургского комитета РСДРП» 31 января 1905 г. подчеркивалась готовность польского пролетариата к дальнейшей борьбе с самодержавием вместе с рабочими всей России [10, с. 172, 310]. Большевистская газета «Вперед» постоянно сообщала о событиях в Королевстве Польском. Внимательно следивший за ними В. И. Ленин отмечал, в частности, выход прокламации СДКПиЛ, которая звала «к солидарному выступлению польских рабочих» [11]. Русские революционеры и непосредственно участвовали в борьбе польского пролетариата в январские дни. Они вели агитацию в Королевстве Польском, призывая поддерживать русских товарищей [12, с. 527].

Солидарность пролетариата России и Польши ярко проявилась 1 мая 1905 г. СДКПиЛ призвала польских рабочих встать в ряды революции вместе со своим другом и братом — «русским революционным рабочим классом» [13, с. 495]. Первой был отмечен стачками и демонстрациями. Ответом на расстрел 20-тысячной демонстрации в Варшаве стали выступления протеста, нередко переходившие в стычки с войсками. В Лодзи бастовало более 75 тысяч человек.

СДКПиЛ рассматривала первомайские выступления в Королевстве как выполнение польскими пролетариями своего долга и заявляла, что и впредь они будут бороться «как часть рабочего класса всей России» [7, 1905, № 26]. В свою очередь, печать РСДРП высоко оценивала уровень классовой сознательности польских рабочих и, описывая первомайские события в Польше, выражала солидарность с их героической борьбой [14, 27 V (9 VI)]. Пролетариат России выступил с протестом против кровавых репрессий царизма в Королевстве. Их заклеил в своей резолюции

III съезд РСДРП. Почтив память польских борцов, партия заявила, что «приветствует мужество и решимость братского пролетариата в Польше и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм» [15, с. 133]. С этими словами перекликались напечатанные в «Czerwonym sztandarze» слова веры в то, что вскоре питерские рабочие вновь пойдут к Зимнему дворцу, но уже с криком «Долой царя!» и с оружием в руках [7, 1905, № 26].

Ленинский «Пролетарий» подчеркивал, что пролитая 1 мая кровь еще теснее сплотит рабочий класс Польши [14, 21 V (3 VI)]. Это подтвердили июньские дни 1905 г. в Лодзи, где пролетариат поднялся на вооруженную борьбу. «Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи» были сразу отмечены Лениным как одно из главных событий революции. Он писал: «В местностях, наиболее развитых в промышленном отношении, где рабочие наиболее подготовлены политически, где к экономическому и общеполитическому гнету прибавляется гнет национальный, — полиция и войска царизма действуют особенно вызывающе, прямо провоцируют рабочих. И рабочие, даже не подготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы. ... Вооруженное восстание растет и вглубь и вширь. Новые жертвы царских палачей — в Лодзи убито и ранено до 2000 чел. — зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни тысяч граждан» [5, т. 10, с. 310—311].

Видя в лодзинском восстании пример «пролетарского геройства и народного энтузиазма», Ленин высоко оценивал борьбу «геройского пролетариата героической Польши» [5, т. 10, с. 336, 314]. Большевики подчеркивали, что жестоко подавленное восстание в Лодзи «воскресает опять в форме массовой политической стачки, охватывающей все более широкие районы Царства Польского» [13, с. 505—506]. По всему Королевству прошла кампания протеста против репрессий, которыми царизм хотел запугать пролетариат. «Долой убийц петербургских и лодзинских рабочих!» — такой лозунг выдвинул комитет СДКПиЛ в Домбровском бассейне [2, с. 201].

Стачку протеста поддержала вся рабочая Россия. Инициатива исходила от комитетов РСДРП Петербурга и Москвы. В воззвании питерцев отмечалось, что пришла очередь рабочих столицы поддержать стачкой «уже вступивших в открытую борьбу товарищей» [16, с. 276—279]. Рабочие Екатеринослава заявляли, что они не могли остаться в стороне, «когда рабочие Лодзи истекали кровью в борьбе с душившим их производом царской опричнины» [17]. Бакинский комитет РСДРП призывал к поддержке сражающихся польских рабочих, которые «ценой своей крови... решили купить свободу для всей России» [18]. Подобные призывы содержались в листовках Казанской, Самарской, Красноярской, Луганской, Харьковской, Минской, Воронежской и других организаций РСДРП. Борьбу польского пролетариата московские большевики считали «прекрасным примером самоотверженной борьбы рабочего класса за свое освобождение» [19, с. 186—187]. На собрании в Нижнем Новгороде один из ораторов сказал: «Нужно всем взять оружие... как было в Лодзи, где не боялись вооруженных солдат» [16, с. 528—529]. Пример Лодзи воодушевил и саратовских рабочих [16, с. 826]. Руководство СДКПиЛ с полным основанием могло заявить: «И в самой России известие о борьбе наших лодзинских братьев вдохновило рабочих на новую борьбу» [20].

За проявлениями этой борьбы пролетарский авангард Польши следил очень внимательно. Анализируя их, «Czerwony sztandar» приходил к выводу, что рабочие России «ничего не забыли и ничего не простили кровавому абсолютизму». Газета отмечала втягивание в борьбу рабочих Центра и Юга, революционные волнения на флоте [7, 1905, № 28]. В этих фактах СДКПиЛ видела пример решительных действий. Ставя их в ряд с восстанием в Лодзи, она отмечала, что «нынешняя революция является неразрыв-

ным общим делом пролетариата всего российского государства, что борьба в нашем крае — лишь часть общей всероссийской революции» [3, 28 VIII].

В августе — сентябре 1905 г. единство действий русских и польских рабочих проявилось в совместной акции бойкота булыгинской думы. Согласно с линией большевиков СДКПиЛ разоблачала булыгинскую «конституцию» как «отвратительную комедию» [7, 1905, № 28]. Варшавский комитет партии призвал начать всеобщую стачку протеста в один и тот же день в России и Польше [2, s. 224]. Стачки и митинги прошли по всему Королевству.

Дружный протест многонационального пролетариата России сорвал булыгинскую затею и заставил царизм издать 17 октября манифест [5, т. 12, с. 34]. На этот новый «конституционный» обман рабочие вновь ответили всеобщей политической стачкой. Железнодорожников Москвы сразу же поддержали рабочие Варшавы. С 26 октября до середины ноября стачки в Королевстве Польском не прекращались. Движение проходило под знаком интернациональной солидарности и русско-польского революционного союза. «Братство и единство всех рабочих, борьба объединенного пролетариата России и Польши вплоть до окончательного свержения преступного самодержавия — вот наш лозунг», — говорилось в воззвании СДКПиЛ, где выражалось восхищение «мужественным примером» железнодорожников России [2, s. 251]. Их польские товарищи стремились согласовать свои действия с указаниями ЦК профсоюза железнодорожников в Москве. О «полной солидарности с движением революционного пролетариата Польши и России, объединенного в совместной борьбе за общую свободу», заявили трамвайчики пражского района Варшавы [24]. Лозунг интернациональной революционной солидарности прозвучал на митинге в Варшавской филармонии, в котором участвовали русские студенты и солдаты.

Выступление пролетариата в Королевстве привлекло к себе внимание всей России. О нем сообщали «Известия Совета рабочих депутатов». В. И. Ленин писал о «выдающемся первенстве» Петербурга и Польши, подчеркивая «энергию и упорство» стачечной борьбы в этих центрах. Он отмечал, что и в целом движение в Польше отличалось «громким упорством» [5, т. 24, с. 216; т. 19, с. 384; т. 11, с. 316]. «Геройская Польша, — писал В. И. Ленин 18(31) октября 1905 г., — снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы» [5, т. 12, с. 2]. «Польша и Кавказ, — заявлял он, — дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму» [5, т. 11, с. 351].

Ленинский анализ выявил главное в борьбе рабочего класса Польши осенью 1905 г. Октябрьско-ноябрьская политическая стачка явилась самой интенсивной и упорной в истории польского пролетариата. В Лодзи бастовало 100 тыс. человек, 90 тыс. в Домбровском бассейне, 60 тыс. в Варшаве, где стачками было охвачено 100% промышленных рабочих [9, s. 1001; 12, s. 557]. Новым моментом было присоединение к бастующим рабочим непролетарских слоев. Осенью 1905 г. в Королевстве нарастала и волна массовых демонстраций, нередко заканчивавшихся кровавыми стычками с полицией и войсками, имели место случаи возведения баррикад. Выдвигались общие для трудящихся всего государства лозунги, требования демократических свобод, освобождения политзаключенных. Как и в России, в Польше в это время появились новые формы власти — прообраз будущей демократической власти трудящихся, освобожденных от гнета капитала. В конце октября в Белостоке возник Совет рабочих депутатов, с 12 по 22 ноября власть была в руках народа в Славкове Келецкой губернии, а с 1 по 10 ноября существовала так называемая Домбровская республика. Возникший в Сосновце Комитет общественной безопасности, где главную роль играли делегаты СДКПиЛ и ППС, стал по существу органом демократической власти, к созданию которой призывали местные социал-демократы. В течение 10 дней легально проводились

манifestации и митинги, печатались и распространялись издания, в том числе социал-демократические, где сообщалось о ходе революции и стачечной борьбе в России [22].

Политическая стачка осенью 1905 г. обозначила наиболее высокий уровень революционной волны в Королевстве. Начавшийся спад пока не был еще заметен. Рабочие не хотели кончать стачку, ожидая новых известий из Петербурга [23, 2 XI; 24, 15 XII]. Прекращение ее 16 ноября они считали вынужденной передышкой, необходимой для собирания сил на дальнейшую борьбу, «чтобы в подходящий момент вместе с пролетариатом всей России приступить к окончательному бою с царизмом» [12, s. 567]. Так говорилось в резолюциях рабочих собраний. «Подумать о подготовке нового наступления на царское правительство вместе с пролетариями всей России» призывала и СДКПиЛ. В ее воззваниях был отмечен важный итог всеобщей стачки, показавшей, что нельзя разорвать «классовую связь с пролетариатом всей России» [4, s. 473].

Новым подтверждением этой связи стал протест российского рабочего класса против введения 10 ноября военного положения в Польше. В листовке большевиков Петербурга говорилось о солидарности с «героической самоотверженной борьбой наших братьев, польских рабочих, которую они ведут за нашу общую свободу против общего врага» [25]. СДКПиЛ ознакомила рабочих Польши с решением Петербургского Совета рабочих депутатов выступить с призывом к всеобщей политической стачке и митингам протеста [2, s. 273]. На заседании Совета 1(14) ноября посланцы польского пролетариата заявили о стремлении поляков вместе с русским народом бороться за демократию. В ответ один из членов Совета сказал: «То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы» [26].

Эту позицию одобрили польские рабочие. Социал-демократы Варшавы в листовке «Солидарность русских и польских рабочих» подчеркивали: «С той самой минуты, как вспыхнула нынешняя революция, солидарность и единство рабочего класса Польши и России стали свершившимся фактом» [2, s. 273]. Справедливость этих слов польские пролетарии неустанно доказывали: начатую в Москве 29 ноября стачку почтовых работников сразу поддержали все почтовики Королевства. Они решили бастовать до получения директив от ЦК профсоюза в Москве [23, 23 XII; 24, 15 XII].

Приветствуя солидарность русских и польских рабочих, В. И. Ленин писал: «Пролетариат стоит на своем посту. Он не допустит, чтобы героическая Польша была еще раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу и России и Польши» [5, т. 12, с. 67]. В. И. Ленин предвидел, что развитие революции приведет к вооруженной борьбе, указывал на необходимость ее организационной и технической подготовки, стремясь при этом использовать опыт Польши и Кавказа [27]. СДКПиЛ также призывала готовиться к вооруженной борьбе, по примеру русских товарищей создавать боевые отряды на местах [4, s. 470].

В ноябре 1905 г. пролетариат России еще не перешел к формам вооруженной борьбы. Применяв мирное средство — всеобщую политическую стачку, он вынудил царизм отменить военное положение в Королевстве Польском. Но оно было введено снова, как только в Москве вспыхнуло вооруженное восстание. Это событие, ставшее кульминацией революции 1905 г., вызвало сильнейший отзвук в Польше. 22 декабря СДКПиЛ призвала к всеобщей политической стачке и заявила, что «революционный рабочий люд Польши встает в ряды» [2, s. 298]. Лозунг стачки поддержали и ЦРК ППС, где перевес получили левые. В резолюции, принятой 22 декабря на митинге в Варшавской филармонии, говорилось: «Революционный пролетариат Польши солидарно с пролетариатом всей России должен на все провокации царского правительства ответить новой всеобщей стачкой и в любую минуту быть готовым к нанесению царизму окончательного, смертельного удара посредством вооруженного восстания» [7, 1905, № 31].

27 декабря стачка началась, в ней участвовали рабочие всего Королевства. СДКПиЛ указывала, что цель стачки — парализовать силы царизма, не позволить ему перебросить войска в Москву; поэтому столь важным было участие в стачке железнодорожников Польши. Объявляя всеобщую стачку «задачей на сегодня», СДКПиЛ предупреждала, что очень скоро могут встать и новые задачи, имея в виду перспективу перерастания стачки в вооруженное восстание. «И тогда Варшава пусть окажется достойной Москвы», — писал «Czerwony sztandar». Газета считала, что выступив на стачку, польский пролетариат доказал готовность по примеру Москвы подняться и на баррикадные бои [7, 1905, № 31, 32; 1906, № 35]. И действительно, 29—30 декабря в Варшаве начали строить баррикады. К восстанию призывали пролетарии Ченстоховы. Боевые настроения рабочих дали Ф. Дзержинскому основания заявить в отчете V съезду СДКПиЛ, что «польский пролетариат верно выполняет свой долг союзника пролетариата России» [2, s. 409]. Эту верность интернациональному долгу высоко оценили рабочие Москвы, Харькова, Екатеринослава, в своих изданиях они сообщали о борьбе польских товарищей, их помощи Московскому восстанию [28—30].

В свою очередь, польская рабочая печать стремилась раскрыть характер и значение событий в Москве. «Czerwony sztandar» писал о «святом энтузиазме» защитников московских баррикад: «Герои и героини революции гибнут, но не сдаются, а революционные ряды не редуют, а растут. Революционный люд Москвы борется до последнего вздоха». Газета отмечала, что Московское восстание — «великий», «навеки памятный» факт, не стихийный, слепой порыв, а организованная сознательная борьба, победа которой «станет победой пролетариата во всей царской империи». Из опыта восстания польские социал-демократы делали вывод, что «вооруженная революционная борьба возможна», и указывали на его мобилизующую роль: «Эхо этой борьбы всюду разожжет новое пламя борьбы. оно долетит и до армии». Поэтому и после поражения московских рабочих СДКПиЛ выражала веру в победу революции и выдвигала лозунг: «Борьба окончена — да здравствует борьба!» [7, 1905, № 31; 1906, № 35, 36].

Особо подчеркивалось значение Московского восстания для укрепления союза русских и польских рабочих. Орган рабочих-печатников напоминал, что в вооруженной борьбе русский пролетариат «своей кровью добывал свободу себе и нам» [31]. События в Москве, писал «Czerwony sztandar», ударили по националистам, кричавшим о «московской темноте, дикости, царелюбии» [7, 1905, № 31]. Поражение московских рабочих вызвало у националистической буржуазии Польши радость. На это Р. Люксембург ответила гневной статьей «Канальи радуются». Она заявила, что факт глубокой связи российского и польского рабочего движения, упроченной в борьбе, нельзя перечеркнуть [7, 1906, № 34]. Р. Люксембург дала отповедь и лидеру галицийской ППСД И. Дашиньскому, который в январе 1906 г. выступил с осуждением революции в России, форм и методов борьбы рабочих, их интернационального союза [7, 1906, № 44, 48]. В этой связи Ю. Мархлевский писал в *Leipziger Volkszeitung*: «Нет ничего более опасного, чем сеять такого рода раздор между польским и русским пролетариатом в тот момент, когда нужно объединить все силы, чтобы иметь возможность противостоять контрреволюции» [32].

Мархлевский верно оценивал обстановку. Первый период революции, когда движение шло на подъем, завершился. На этом этапе рабочая Польша играла выдающуюся роль в масштабах всего государства. В 1905 г. выросло в 13 раз (по сравнению с предыдущим десятилетием) число забастовщиков в Королевстве, причем варшавские забастовщики составляли 11,4% всех участников стачек в государстве. Об упорстве стачечной борьбы в Польше в 1905 г. говорили такие цифры: 49% всех фабрик бастовали 2—3 раза, а 40% — 4—6 раз [4, s. 466; 12, s. 573, 575, 578]. С осени 1905 г. в Королевстве начали создаваться профсоюзы, и вскоре они объединяли 150 тыс. человек (1/3 всех рабочих) [12, s. 597].

Несмотря на начавшийся спад революционной волны русский и поль-

ский пролетариат отступал медленно, сражаясь все так же упорно. Пренными оставались и его лозунги, в первую очередь, лозунг русско-польского революционного союза. В воззвании по случаю первой годовщины 9 января СДКПиЛ писала об исторической вехе — начале «великой революции», пробудившей «братскую солидарность в рабочих всех национальностей», сплотившей их «в единый рабочий класс, борющийся за общую свободу». Партия звала к стачке, чтобы «подтвердить перед всем миром присягу братства с рабочими Петербурга и всей России, присягу дальнейшей непреклонной борьбы до победы!» [2, с. 330—331]. Ответом была стачка почти на всех предприятиях Варшавы, Лодзи, Ченстоховы. Как отмечал «Czerwony sztandar», она разоблачила ложь тех, «кто стремился отвратить польских рабочих от идеи братства и совместной с пролетариатом всей России борьбы» [13, с. 527].

В. И. Ленин в марте 1906 г. подчеркивал, что рабочие важнейших центров империи, в том числе Варшавы и Лодзи, не разбиты, мужество их не сломлено: «Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу». На примере Польши он доказывал, что трудящихся нельзя устрашить репрессиями [5, т. 12, с. 214; т. 13, с. 385]. Подтверждением этого стали первомайские выступления в Королевстве. В Варшаве бастовали все рабочие, в Лодзи — 64 тыс. человек [12, с. 589]. Стачки, манифестации состоялись во многих городах и в деревне. Они прошли под знаком интернационализма. В воззвании СДКПиЛ говорилось о воздании почестей борцам России и Польши, питерским рабочим, повстанцам Москвы, морякам с «Потемкина» [2, с. 380—381].

Весной 1906 г. польские рабочие выступили вместе со всем революционным пролетариатом государства в последней крупной общероссийской политической акции периода революции — бойкоте выборов в I Государственную думу. В день открытия Думы в ряде центров Королевства прошли стачки. Ее роспуск отразил обострение революционной обстановки в России и еще более осложнил ситуацию; все революционные силы готовились к новым боям. В воззвании от 22 июля 1906 г. СДКПиЛ заявляла: «Сосредоточенное спокойствие и готовность к серьезной борьбе плечом к плечу с русским революционным народом — вот наш лозунг!» [7, 1906, № 93].

На этом этапе революции в Королевстве, как и во всей России, на первый план борьбы вышли текстильщики. Стачки в Лодзинском районе не прекращались, и чтобы сломить пролетариат, местные фабриканты в декабре 1906 г. объявили генеральный локаут. На помощь рабочим Лодзи пришли рабочие всей России. Центральное бюро петербургских профсоюзов и петербургский союз текстильщиков издали воззвание, где, напомнив о традициях интернационализма, призвали русских и польских рабочих сообща отразить атаку капитала. Подчеркивалось, что дело лодзинских рабочих является делом пролетариев всей России, которые должны оказать рабочей Лодзи моральную и материальную поддержку. В том же духе было выдержано и воззвание МК РСДРП [2, с. 502—503; 19, с. 497—500].

Средства в фонд лодзинцев собирали по всей России. Всего было собрано 373 тыс. руб. [33]. К локауту оказалось привлечено общественное внимание. О нем говорилось в резолюции V съезда РСДРП «Об обострении массовой экономической нужды и экономической борьбы» [5, т. 15, с. 8—9]. Все это вызвало живой отклик в Польше. «Czerwony sztandar» опубликовал воззвание Центрального бюро петербургских профсоюзов в статье под заголовком «Русские рабочие спешат на помощь рабочим Лодзи» [7, 1907, № 134]. Солидарность рабочих России с польскими рабочими высоко оценила Лодзинская социал-демократическая локаутная комиссия [34]. Сами лодзинцы подтвердили свою позицию солидарности 22 января 1907 г., отметив в условиях локаута годовщину «Кровавого воскресенья».

СДКПиЛ призвала ознаменовать этот день всеобщей стачкой [2, с. 513]. Однако более широкий масштаб стачка приобрела лишь в Домбровском бассейне. Силы революции шли на убыль, тем не менее польский

пролетариат не был сломлен. 1 мая 1907 г. в Варшаве, Радоме, центрах Домбровского бассейна, в непобеденной рабочей Лодзи прошли забастовки. И на последнем этапе общероссийской революции рабочий класс Польши шел в ее передовых рядах. Он внес весомый вклад в общее дело революционной борьбы в России и вместе с пролетариатом других национальностей «доказал свое право на роль авангарда в демократической революции» [5, т. 10, с. 344].

Революция 1905—1907 гг. укрепила русско-польский пролетарский союз. Подтвердилась связь и солидарность русского и польского рабочего класса. В борьбе проявились общие для русских и польских рабочих черты — революционность, интернационализм. Борьба тех и других характеризовалась организованностью, наступательностью и упорством, переплетением экономических и политических требований, выдвижением лозунгов демократических свобод и свержения царизма; в ходе борьбы утверждались новые ее формы (всеобщая стачка, вооруженное восстание), рождались новые формы власти. Обнаружилось единство самого революционного процесса на территории России и Польши: основные этапы развития революции совпадали, причем такие события борьбы в Польше, как лодзинское восстание, стали важнейшими моментами общероссийской революции.

То, что революционные события в Королевстве составляли часть общероссийской революции, не означало отсутствия особенностей, присутствующих развитию там революционного процесса. В. И. Ленин отмечал, что в результате специфической остроты и обнаженности капиталистических противоречий «в Польше революция вне пролетариата не имеет никакой прочной точки опоры». Он видел в Польше такой центр, где «массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен» [5, т. 15, с. 46—47; т. 12, с. 181]. Эта особенность польского революционного движения имела большое значение для пролетариата всей России, для осмысления им опыта борьбы.

Революционная и интернационалистская позиция пролетариата России и Польши в 1905—1907 гг. в огромной степени была результатом руководства его борьбой марксистских рабочих партий. В годы революции обнаружилась идейно-политическая близость большевиков и СДКПиЛ. Они выступали единым фронтом против оппортунистического меньшевистского курса в революции. В 1907 г. на V съезде РСДРП В. И. Ленин подчеркнул единство большевиков и СДКПиЛ в коренных вопросах — о необходимости классового обособления пролетариата по отношению к буржуазным партиям, о праве и обязанности рабочей партии вести за собой на борьбу как против самодержавия, так и против либеральной буржуазии мелкобуржуазные демократические партии [5, т. 15, с. 344]. Это единство диктовало обим партиям единую тактику в важнейших вопросах политической жизни периода революции. Они стояли за всемерное развитие активности широких масс под руководством пролетариата. Готовясь к вооруженной борьбе с царизмом, они обращали огромное внимание на военно-революционную работу, на агитацию в армии.

Польские социал-демократы приветствовали как знаменательные события восстание на «Потемкине», революционные выступления моряков Либавы и Кронштадта, восстание на крейсере «Очаков» и др. [35]. Считая русского солдата «слепым орудием абсолютизма», видя в нем «часть русского рабочего класса», а значит — «брата», они ставили задачу разъяснять солдатам, находившимся в Королевстве, общность классовых интересов и необходимость совместной борьбы против самодержавия и гнета капитала [7, 1905, № 28; 2, с. 286]. В воззвании СДКПиЛ к солдатам говорилось: «Мы, польские рабочие социал-демократы, боремся рука об руку с русскими рабочими за общее дело — за свободу всего рабочего народа по всей России» [36].

СДКПиЛ находилась в тесном контакте с Военно-революционной организацией (ВРО) РСДРП, которая вела агитацию в войсках варшавского гарнизона. В июле 1905 г. между ВРО и СДКПиЛ был подписан договор о сотрудничестве — факт, который приветствовал «Пролетарий»

[14, 3(16)VIII]. Члены ВРО — поляки и русские агитировали в казармах, во время митингов и демонстраций призывали солдат не стрелять в польских рабочих. Выпускались издания на русском языке — «Солдатский листок», «Последние известия „Солдатского листка“». «Солдатскую памятку» тиражом в 10 тыс. экз. издало Главное правление СДКПиЛ, Лодзинский комитет напечатал 6 тыс. экз. воззвания к солдатам [7, 1905, № 28]. ВРО обращалось и к офицерам как «наследникам традиций Рылева и Бестужева» [4, s. 480—481].

В результате совместной деятельности ВРО и СДКПиЛ удалось осуществить массовую агитацию в ряде гарнизонов Королевства и распространить части в Лодзи, Пулавах. Власти доносили о неблагонадежности армии, ее связи с рабочими в Варшаве, Видзеве и др. [7, 1906, № 92; 4, s. 512, 516]. Солдаты варшавского гарнизона пытались через рабочих установить контакт с ВРО, просили листовки. Некоторые писали в революционные издания: такое письмо опубликовала «Z pola walki» [3, 27 V]. В октябре 1905 г. русские солдаты социал-демократы обратились с воззванием «К революционному пролетариату Варшавы» «во имя общего дела» и «без различия национальности» [12, s. 560]. В декабре 1905 г. в варшавском гарнизоне возник Совет солдатских депутатов, который в своем манифесте назвал революционных польских рабочих друзьями и братьями, борющимися под тем же знаменем и за те же цели, что и рабочий класс всей России [4, s. 507—508]. Члены ВРО — русские солдаты участвовали в выступлениях польского пролетариата (например, 1 мая 1906 г. в Лодзи и Томашове). Имели место факты братания солдат с рабочими. Значительная часть войск в Польше колебалась, отказывалась повиноваться командованию, стрелять в народ, разгонять демонстрации. За нарушение приказов офицеров и солдат судили военным судом. Так, были приговорены к смерти семь офицеров гвардейского Литовского полка за протест против использования армии для подавления народа; солдаты этого полка стреляли в казаков, защищая рабочих [4, s. 513—514].

Эти факты, говорившие о революционных интернационалистских настроениях, приводились в печати СДКПиЛ. Их отмечал и В. И. Ленин [5, т. 12, с. 29]. Он постоянно следил за развитием революционных событий в Польше, изучал все публиковавшиеся сообщения из Королевства, сам не раз писал в печати о польских делах [5, т. 9, с. 202; т. 10, с. 82—83; т. 11, с. 149 и др.]. Материал о борьбе польских трудящихся печатался в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», в специальной рубрике легального издания РСДРП «Новая жизнь». Большевики осуществляли сотрудничество с партией польского пролетариата. Шли переговоры об обмене партийной литературой. Поляки помогали русским товарищам в переправке через границу и распространении нелегальных изданий. С марта по сентябрь 1905 г. СДКПиЛ распространила 900 экз. брошюр и 2381 экз. периодических изданий РСДРП [2, s. 417].

Стремясь к укреплению русско-польского революционного союза, большевики хотели сделать сотрудничество еще более тесным и призывали польских товарищей к «сближению, единению, слиянию» в общую партию [5, т. 8, с. 76]. В апреле 1905 г. III съезд РСДРП принял резолюцию, направленную на объединение национальных социал-демократических организаций России с РСДРП [15, с. 130—131]. Необходимость объединения давно ощущала и СДКПиЛ: об этом говорилось на IV съезде партии в 1903 г. В декабре 1904 г. варшавские рабочие-эсдеки заявляли, что они видят «необходимость борьбы совместно с товарищами из всех областей, входящих в состав Российского государства», и потому важнейшей задачей СДКПиЛ считают «объединение с Российской социал-демократической рабочей партией как главным вождем революционного движения в России» [2, s. 107]. «Czerwony sztandar» подчеркивал, что целью СДКПиЛ, как и РСДРП, является объединение пролетариата разных национальностей на основе социал-демократии в подлинно революционную силу [7, 1904, № 22]. Главное Правление СДКПиЛ в письме Совету РСДРП 8 декабря 1904 г. указывало на необходимость централизовать

деятельность всех социал-демократических организаций России [37]. Вспыхнувший вскоре пожар революции сделал эту необходимость особенно ощутимой. «Чем более развивается русское рабочее движение и разгорается политическая борьба с самодержавием, тем более вопрос о сплочении революционных сил, действующих в границах Российской империи, становится насущным», — писала в 1906 г. Люксембург [38], считавшая, что на практике «в политической борьбе польские рабочие образуют с русскими одно целое, один класс с одинаковой политической программой» [39].

Вступление СДКПиЛ в общероссийскую партию на IV съезде РСДРП весной 1906 г. польские социал-демократы рассматривали как «формальное подтверждение и увенчание» этой реально существующей общности: «Революционный пролетариат Польши и России вместе, как единый класс, вел все бои, плечом к плечу стоял и стоит в едином общем лагере», — подчеркивал «Czerwony sztandar» [7, 1906, № 71]. А. Варский на съезде также заявил, что сознательный польский пролетариат считает себя частью единой общероссийской пролетарской армии [40, с. 411—412]. V съезд СДКПиЛ одобрил факт объединения как «шаг вперед к воплощению в жизнь пролетарской солидарности», как «укрепление революционных сил» [2, с. 419, 423; 7, 1906, № 84]. Так же оценивали его и большевики. В. И. Ленин на IV съезде РСДРП приветствовал объединение как залог дальнейшей успешной борьбы. «Это слияние, — писал он после съезда, — укрепляет Российскую социал-демократическую рабочую партию... Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России» [5, т. 12, с. 393; т. 13, с. 60].

Ленин имел в виду, что последовательно марксистская позиция СДКПиЛ усилит революционное крыло партии в его борьбе против оппортунизма меньшевиков. И действительно, V съезд СДКПиЛ поддержал большевистскую линию. Тесная связь, установившаяся между русскими и польскими марксистами, получила яркое выражение в мае 1907 г. на V съезде РСДРП, где ленинцы и польские делегаты (Люксембург, Тышка, Мархлевский, А. Малецкий и др.) выступили единым фронтом и добились принятия революционных решений. Ленин высоко оценил роль представителей СДКПиЛ на съезде, а речь Люксембург назвал «особо ценным» событием в жизни партии [41].

В. И. Ленин подчеркивал, что именно «под влиянием объективной логики революционных событий» польские социал-демократы «пришли к той точке зрения, которую всегда отстаивало „большинство“» [5, т. 12, с. 17—18]. Годы революции были очень важны для укрепления идейного, политического, организационного союза большевиков с СДКПиЛ. Близость с большевиками стали осознавать широкие рабочие массы в Польше, линию сотрудничества с ними поддерживали местные организации СДКПиЛ. Идеологи партии под воздействием революционных явлений в России и идейным влиянием большевиков стали глубже осмысливать такие проблемы, как крестьянский и аграрный вопрос, о чем свидетельствовали, в частности, выступления Ю. Мархлевского. К важному выводу о том, что центр мирового революционного процесса переместился в Россию, что российская революция есть выражение силы и зрелости всего международного рабочего движения, пришли Люксембург и другие деятели СДКПиЛ. На IV съезде РСДРП Варский критиковал Плеханова за то, что, по мнению последнего, «ничего невиданного наша революция якобы не представляет» [40, с. 233]. Историческое значение революции 1905—1907 гг. в России как первой буржуазно-демократической революции, в которой гегемоном выступил пролетариат, разъясняли в социалистической печати Запада Люксембург и Мархлевский. На съезде СДПГ в Иене в сентябре 1905 г. Люксембург призывала: «Учитесь у русской революции!» [42] и указывала на возникшую в России форму всеобщей стачки как на новое эффективное оружие пролетариата. Левые во главе с Люксембург добились на съезде принятия резолюции о возможности применения массовой политической стачки в качестве «одного из наиболее действенных средств борьбы рабочего класса» [13, с. 544]. Так, совместные

усилия В. И. Ленина и польских социал-демократов, боровшихся на арене II Интернационала за утверждение революционного марксизма, способствовали усвоению международным рабочим движением опыта российской революции.

В 1905—1907 гг. произошло не только дальнейшее укрепление русско-польского революционного союза за счет сплочения русской и польской революционной социал-демократии, но и расширение массовой базы этого союза. В огне совместных боев польские пролетарии все более убеждались в лживости националистических концепций правого руководства ППС, утверждавшего, будто Россия «спит мертвым сном». Установка на сепаратную национальную борьбу встречала отпор интернационалистски настроенных рабочих-пепезовцев, которые в русских трудящихся видели своих братьев. Такое убеждение высказал весной 1907 г. активный деятель боевой организации ППС Г. Барон: «Русский народ не является нашим врагом, а угнетателем бедного люда — это исключительно российское самодержавное правительство и его слуги», — заявил он царским судьям [13, с. 520; 12, с. 600—601].

Подобные настроения и недовольство политикой правого руководства в отношении русского революционного движения назревали в ППС давно. Еще в 1902 г. левые элементы партии («молодые») требовали солидарности с русскими революционерами и переговоров с РСДРП. Уже в первые месяцы революции 1905 г. в России они заявили, что события в Королевстве составляют ее часть и, получив после VII съезда перевес в ЦРК, стали осуществлять свой курс. ППС поддержала призыв к всеобщей стачке в октябрьские дни 1905 г., а в связи с декабрьским восстанием в Москве издала воззвание, где заявляла об одновременном выступлении на борьбу пролетариата Польши и всей России [43, с. 48, 55]; руководство партии вошло в контакт с Петербургским советом рабочих депутатов. Левые осудили «Открытое письмо» Дашиньского, упрекавшего ППС за сотрудничество с русской революцией и применение «русских» методов борьбы. На VIII съезде партии в феврале 1906 г. отмечалась «общность задач пролетариата всего государства», подчеркивалось, что всеобщие забастовки «связали в одно целое пролетариат всего Российского государства, показали мощь пролетарской солидарности». Стачка, считали «молодые», может перерасти в вооруженную революцию, которая «будет революцией пролетариата всего государства, а борьба пролетариата нашего края явится ее составной частью». Идея сепаратного национального восстания была отвергнута как чуждая идее солидарности в борьбе рабочего класса всей России [43, с. 81—82], а в ноябре 1906 г. на IX съезде ППС произошел окончательный раскол: националисты и сепаратисты были исключены из рядов партии. Возникла новая партия — ППС-левица, занявшая революционные и интернационалистские позиции, звавшая польских рабочих к укреплению русско-польского пролетарского союза для борьбы за социальное и национальное освобождение, видевшая гарантию свободы польского народа в установлении политической свободы в России, свержении царизма и создании демократической республики [43, с. 150—151]. Такая выработанная на основе революционного опыта позиция, сближая ППС-левицу с СДКПиЛ, вела к ликвидации раскола в польском рабочем движении. Уже в ходе революции в Королевстве нередко создавался единый рабочий фронт. Это завоевание 1905—1907 гг. имело огромное значение для судеб рабочего движения в Польше, для развития русско-польского революционного союза.

Расширение массовой базы союза в 1905—1907 гг. происходило и за счет втягивания в сферу совместной борьбы широких непролетарских слоев. Борьба пролетариата в таких специфических формах, как стачка, «раскачивала» массы, вовлекала их в революцию [5, т. 30, с. 311]. Участвуя в политических выступлениях, демократические слои польского народа попадали под влияние идей пролетариата, учились интернационализму, осознавали связь задач национального освобождения с борьбой против самодержавия и капитала, за демократическое преобразование России. Важную роль при этом играла пропаганда революционных рабо-

чих партий. В воззвании «Ко всему обществу!» СДКПиЛ разъясняла, что «дело, за которое пролетариат в России стоит грудью», это «также и дело польского народа», что рабочие борются и за территориальную автономию для Королевства Польского [2, с. 95]. В обращении СДКПиЛ к интеллигенции в мае 1905 г. говорилось: «Мы, кого классовое единство побратало с русским пролетариатом, вместе с ним своей кровью, своими трупами прокладываем дорогу республиканской свободе в государстве и автономии в нашем крае» [2, с. 165—166]. Требуя «равных гражданских прав для национальностей, населяющих Россию», польские социал-демократы подчеркивали, что бороться за это должны вместе русские и польские рабочие. Они не уставали напоминать, что победа революции в России дает гарантию политической свободы в Королевстве [39; 7, 1906, № 81].

Хотя эти выступления СДКПиЛ несли на себе след общих недостатков в понимании ею национальной проблемы, знаменательно, что обращаясь к рабочим и непролетарским слоям, она наряду с интернациональным моментом акцентировала национальный. В революции 1905—1907 гг. «в общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение» [1]. В Польше оно находило проявление также в сопротивлении царской администрации и полиции, в отстаивании прав родного языка, польской культуры. В. И. Ленин отмечал школьную забастовку в Королевстве в 1905—1907 гг. как пример роста национально-освободительного движения в связи с рабочим движением, когда использовались пролетарские формы борьбы [5, т. 30, с. 323]. Акция бойкота русификаторской школы охватила высшие и средние учебные заведения. Бастующие гимназисты принимали резолюции солидарности с революцией в России (например, в Ченстохове) [3, 20 III], в стачках участвовали и русские учащиеся. Студенты-русские также поддерживали польских коллег во время забастовок.

В Варшавском университете такие студенты объединялись внутри революционной группы «Вперед», в Варшавском политехническом институте действовала группа РСДРП [44; 4, с. 363]. 1 мая 1905 г. в Варшаве молодые русские шли под знаменем молодежной организации СДКПиЛ — Клуба социал-демократической молодежи. Клуб откликнулся на начало революции в России, призвав молодежь Польши присоединиться к требованиям пролетариата всего государства и поддержать его борьбу [3, 1905, 7 V; 45]. В его воззвании говорилось, что демократическая республика в России с автономией Королевства Польского гарантирует культурно-национальное развитие польского народа [3, 1905, 9 II]. Резолюции в том же духе социал-демократическая молодежь предложила 28 января 1905 г. на митингах в университете и политехническом институте в Варшаве, однако, они не прошли. В принятых резолюциях наряду с требованием свободы культурно-национального развития выдвигался лозунг права наций на самоопределение. Вероятно, здесь сказалось влияние русских студентов, принадлежавших к РСДРП, тем более, что передовая русская молодежь поддержала эти резолюции. Характерно, что в резолюции студенты университета выразили «безоговорочную солидарность с революционным движением пролетариата и его борьбой... за свержение самодержавного правления в Российском государстве и освобождение из-под общего ярма» [3, 10 III].

Под непосредственным влиянием борьбы пролетариата и в присущих ей формах развивалось национально-освободительное движение в польской деревне. Оно переплеталось с классовой борьбой крестьян и батраков. Сообщая о начавшихся в феврале 1905 г. стачках сельскохозяйственных рабочих и «сильном революционном брожении среди крестьян», «Вперед» отмечал, что «общероссийские политические вопросы достигли и сюда, в эту глушь лесных деревень, в эти хаты» [46]. Стачки и массовые (до 1500 человек) [12, с. 536] походы бастующих нередко кончались кровавыми столкновениями с войсками. С лета — осени 1905 г. росла и волна аграрных выступлений крестьян против помещиков — за уголья, а в ряде случаев и за землю; они переходили порой в партизанскую борьбу. Крестьянское движение получило большой размах в Сувалкской, Радом-

ской, Келецкой, Пётрковской губерниях. Одновременно развертывалась борьба за польский язык в гминной администрации и школе. Летом 1905 г. она охватила 200 гмин [13, с. 492]. Крестьяне и батраки участвовали в манифестациях и демонстрациях. Так, 1 мая 1905 г. было отмечено в сельской местности в Варшавской, Люблинской и Седлецкой губерниях.

В 1906 г. крестьянское движение в Королевстве усилилось в связи с подъемом аграрной борьбы в России. Печать СДКПиЛ, следившая за ее развитием, отмечала факт соединения рабочего и крестьянского движения в Прибалтике, на Кавказе. Мархлевский писал о росте революционной борьбы русского крестьянства и ставил задачу вовлечь в революцию сельский пролетариат Польши [7, 1905, № 26, 28; 1906, № 34]. На пример русских крестьян, бойкотировавших выборы в Думу, указывало Главное правление СДКПиЛ, призывая «польский рабочий люд в городе и деревне» «идти вместе с русским трудовым народом против царя, против господ, помещиков и фабрикантов польских и русских» [2, s. 339]. Czerwony sztandar в статье «Польский крестьянин ищет помощи у русского крестьянина» сообщал о посылке ходока от польских крестьян Люблинской губернии к русским крестьянским депутатам с просьбой поддержать их в борьбе с панями [7, 1906, № 69].

Этот факт отражал действительное стремление польского крестьянства опереться на пример революционных крестьян России. Польский крестьянский союз (ПКС) налаживал связь с Всероссийским крестьянским союзом, старался использовать его опыт. Орган ПКС *Życie gromadzkie* сообщал о развитии стачечного и аграрного движения в русской деревне [47, 1906, 28 VII]. Большой интерес вызывали в Королевстве дебаты в Думе по аграрному вопросу, борьба в ней «трудовиков». В мае 1906 г. делегаты ПКС ездил в Петербург, чтобы ближе познакомиться с этой стороной крестьянского дела, и затем рассказали в газете о своем пребывании там [47, 1906, 21 VI]. ПКС вел агитацию в поддержку манифеста Петербургского Совета рабочих депутатов о финансовом бойкоте правительства.

Контакты ПКС с русской революцией беспокоили польскую имущую верхушку. Она опасалась, что «в результате инспирации из России на нашей почве появятся восточные аграрные программы». И действительно, в мае 1906 г. съезд крестьян восьми губерний Королевства принял решения, аналогичные резолюциям съезда крестьянских партий России. Утвержденная в июне 1906 г. программа ПКС несла на себе след влияния программы Всероссийского крестьянского союза, обе они выдвигали требование экспроприации помещичьих земель [4, s. 232—233]. Революционизирующее влияние «с Востока», которого так боялись польские помещики, несомненно, проникло в польскую деревню.

Борьба трудящихся России и Королевства Польского в 1905—1907 гг. оказала революционизирующее воздействие и на польские земли, находившиеся под властью Германии и Австро-Венгрии. Она дала толчок активизации социальной и национальной борьбы пролетариата и всех трудящихся этих земель, укрепила чувство интернациональной солидарности.

Как только газеты сообщили о революции в России, по всей Силезии и на Познанщине прошли массовые митинги. Отвечая на призыв социал-демократии к солидарности с пролетариатом России, собравшиеся (как, например, в Катовицах 9 февраля 1905 г.) выражали «отвращение к кровавому правительству российского царизма... и полную симпатию к своим братьям в Российском государстве, которые страдают и героически борются за полагающиеся им человеческие права», обещали «поддерживать революционеров России морально и материально» [38; 4, s. 547—548].

Кампания солидарности с российской революцией ширилась. Летом 1905 г. она распространилась на 20 округов [4, s. 552]. Усиление революционных и интернационалистских настроений способствовало росту стачечной борьбы: силезские шахтеры выступили в поддержку бастовавших горняков Рурской области. Весной и летом стачки происходили также

во многих центрах Познанщины и Поморья. Осенью в авангарде движения вновь оказалась Силезия: 9 ноября в Рождзене бастовало 7 тыс. горняков. Всего же в 1905 г. в Силезии в стачках участвовало более 40 тыс. человек [13, с. 544; 4, с. 555, 557]. В 1906 г. стачечная борьба обострилась. В Нижней Силезии, на Познанщине имели место стычки с полицией. Аресты, судебные процессы, кампании протеста против репрессий стали массовым явлением. С октября 1906 г. новая волна стачек поднялась в Силезии, в середине 1907 г. она достигла большой силы. Характерным было сочетание экономических, политических, национальных выступлений. Осенью 1905 г. развернулась акция борьбы с дороговизной. В Мысловицком районе произошли выступления в защиту польского языка, приведшие к кровавым столкновениям с полицией. Но особенно яркое выражение борьба за родной язык получила в стачке польских школьников Познанщины. Она явилась реакцией на введение прусским правительством дискриминационных антипольских законов, но форму борьбы определили такие факторы, как революция в России в целом и школьный бойкот в Королевстве Польском, в частности.

С осени 1905 г. на западных польских землях активизировалось движение за проведение избирательной реформы в Прусском государстве; под лозунгом всеобщего избирательного права прошли рабочие демонстрации в Силезии. В январе 1906 г. в связи с широко отмечавшейся годовщиной «Кровавого воскресенья» на митингах солидарности с российской революцией, проходивших в Силезии, Познани, Поморье, польские и немецкие рабочие вместе выдвигали требование демократизации избирательной системы. Они вновь продемонстрировали классовое единство осенью 1907 г., когда в день открытия прусского парламента по всей Силезии прошли митинги протеста. Процесс интернационального сближения немецкого и польского пролетариата в Германском государстве в 1905—1907 гг. ускорился, так как под влиянием революции в России радикализировалось немецкое рабочее движение, усилились левые в СДПГ. Внутри ППС польских земель, находящихся под властью Германии, также выделилось левое крыло, которое, как и германские левые, выступало за революционные методы борьбы, выдвинутые пролетариатом России, и прежде всего за применение массовой политической стачки.

Это оружие пролетариата использовали, по «русскому примеру», трудящиеся Австро-Венгрии и входившей в ее состав Галиции в борьбе за демократизацию общественной жизни. И в Галиции откликом на начало революции в России стали массовые митинги и демонстрации, в которых участвовали поляки, украинцы, евреи. Крупные демонстрации состоялись в Кракове (до 20 тыс. человек), Львове, Пшемысле; происходили столкновения с полицией. Рабочая молодежь Львова приветствовала «начало открытой революционной борьбы против самодержавия как залог свободы для всех народов, которые стонут в кандалах социального и национального гнета»; она видела «в борьбе революционеров новую Россию, которая будет способствовать освобождению Украины, Польши, Литвы и других народов» [13, с. 549—550].

Такие настроения укреплялись благодаря непосредственным контактам с революционерами из Российской империи. Галиция была одним из центров революционной эмиграции, здесь проходили пути транспортировки нелегальной литературы, оружия в пределы царского государства, и галицийское население оказывало помощь в этой деятельности представителям революционных партий России и Королевства Польского.

Все формы соприкосновения с российской революцией активизировали массы в Галиции. Первомайские демонстрации 1905 г., проходившие под знаком солидарности с пролетариатом России и Королевства Польского, перерастали в кровавые сражения с полицией. Лозунг солидарности соединялся с требованиями 8-часового рабочего дня, охраны труда, демократической реформы избирательной системы. В мае — июле по всему краю прокатилась волна стачек. Особенно крупной была стачка строителей во Львове (10 тыс.), 23 июля в городе состоялась 40-тысячная демонстрация. С осени 1905 г. усилилась политическая кампания, участвовали поддержан-

ные забастовками выступления под лозунгом всеобщего избирательного права, а также борьбы с дороговизной. В них участвовали десятки тысяч человек [13, с. 551—552].

Подъем борьбы был связан с общим обострением политической обстановки в Австро-Венгерской монархии, где под влиянием российской революции развернулось широкое движение за демократизацию общественной жизни и на первый план выдвинулось требование всеобщего избирательного права. На съезде австрийской социал-демократии осенью 1905 г. отмечались завоевания революции в России, пример ее трудящихся, сделавших своим оружием всеобщую политическую стачку. Партия призвала провести в Австро-Венгрии всеобщую стачку 28 ноября. В Галиции в этот день бастовало 90% всех рабочих, во Львове и Кракове стачка была всеобщей [13, с. 552—553]. В стачках и манифестациях участвовали рабочие и широкие непролетарские массы.

В результате ноябрьской стачки трудящиеся Австро-Венгрии завоевали всеобщее избирательное право на выборах в рейхсрат. Активное участие в стачке галицийских масс, и прежде всего пролетариата, говорило о том, что они отвергли курс Дашиньского на изоляцию от российского революционного движения и отказ от «русских» методов борьбы. С этим курсом было не согласно левое крыло в самой ППСД: в листовке партии, выпущенной в момент всеобщей стачки, требование демократизации избирательной системы подкреплялось ссылкой на завоевания революции в России и Королевстве Польском [13, с. 553]. Левые отстаивали свои позиции и на X съезде ППСД во Львове в мае 1906 г. Они опирались на рабочие массы, движение которых развивалось в тесной связи с революционной борьбой пролетариата России: в 1906 г. в Галиции росла волна стачек, продолжалась борьба за демократизацию галицийского сейма. Постоянными были проявления интернациональной братской солидарности. В этом рабочие Галиции видели выполнение своего долга [13, с. 554].

В 1906 г. воздействие революции в России особенно сказалось на галицийской деревне. Для польских и украинских крестьян Галиции большое значение имел пример борьбы крестьянства в царской империи, прежде всего в соседней Малороссии. С весны начались стачки сельскохозяйственных рабочих, крестьяне требовали помещичью землю, самовольно ее захватывали. Летом 1906 г. происходили стычки батраков и крестьян с штрейкбрехерами, жандармами, войсками. Крестьянство активно участвовало и в политической кампании за всеобщее избирательное право в Галиции: в феврале 1906 г. во Львове состоялась 30-тысячная крестьянская манифестация в поддержку этого требования. Оно выдвигалось в петиции рейхсрату, подписанной крестьянами. Подписи собирали деятели Польской крестьянской партии (ПСЛ), левое крыло которой симпатизировало русской революции. Орган ПСЛ «Przyjacieł ludu» поместил обращение поэта В. Оркана с призывом к солидарности с революцией в России и Королевстве Польском, к созданию денежного фонда ей в помощь [49; 4, с. 533—534].

Влияние революционных событий в России в 1905—1907 гг. способствовало росту классовой сознательности рабочих и крестьян Галиции, усилению настроений интернациональной солидарности и революционности, ослаблению позиций реформизма. Это сказалось уже в 1907 г., когда на выборах в рейхсрат, проводившихся впервые на основе всеобщего избирательного права, ППСД и ПСЛ усилили свои позиции за счет правых партий. Импульс, данный революцией 1905 г., ощущался и в последующие годы, когда трудящиеся Галиции вели неустанную борьбу за дальнейшую демократизацию общественно-политической жизни.

1905—1907 гг. явились временем подъема революционной активности польского народа, распространения в самых широких его слоях идей интернационализма, российско-польского революционного союза. Это происходило прежде всего под воздействием революционной борьбы пролетариата России и Польши, его интернационалистских лозунгов, находивших в этой борьбе непосредственное воплощение. Рост классового и политического сознания широких народных масс, ставший одним из главных

завоеваний революции в России и Польше, был одновременно и исторической заслугой русского и польского пролетариата, результатом их революционного сотрудничества. Революция 1905—1907 гг. открыла качественно новый этап в освободительной борьбе народов Польши и России, она закрепила и развила ее лучшие традиции, в первую очередь, традиции российско-польского революционного союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. О 80-летию революции 1905—1907 гг. в России. Постановление ЦК КПСС.— Правда, 1985, 3 I.
2. SDKPiL w rewolucji 1905 r. Zbiór publikacji. Warszawa, 1955.
3. Z pola walki, 1905.
4. Rewolucja 1905—1907 roku na ziemiach polskich. Materiały i studia. Warszawa, 1955.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
6. Rok 1905. Wybór artykułów. Warszawa, 1951, s. 21.
7. Czerwony sztandar.
8. Trybuna ludowa, 1905, 17 XII, № 1.
9. Łoś F., Falkowicz S., Szewielew A. Udział klasy robotniczej Ukrainy i Polski w rewolucji lat 1905—1907.— Kwartalnik historyczny, t. LXXXIV, 1977, z. 4.
10. Начало первой русской революции. М., 1955.
11. Ленинский сборник, XXVI. М., 1934, с. 139—143.
12. Polska klasa robotnicza. Zarys dziejów, t. I, cz. 2. Warszawa, 1978.
13. История Польши. Т. II. М., 1955.
14. Пролетарий, 1905.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. М., 1983.
16. Революционное движение в России весной и летом 1905 г., ч. 1. М., 1957.
17. Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Т. 1. М., 1956, с. 800.
18. Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции. Баку, 1956, с. 185.
19. Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955.
20. Исторический архив, 1955, № 4, с. 92.
21. Socjaldemokrata, 1905, 12 XI, № 1.
22. Głos rewolucji. Jednodniówka, 1905, 5 XI, s. 10.
23. Robotnik, 1905.
24. Kurier Warszawski, 1905.
25. 1905 год в Петербурге, ч. 1. Л., 1925, с. 338.
26. Известия Совета рабочих депутатов, 1905, № 2.
27. Ярославский Е. Декабрьское восстание. М., 1925, с. 76—78.
28. Известия Московского совета рабочих депутатов, 1905, 12 XII.
29. Бюллетень боевого стачечного комитета, Екатеринослав, 1905, 22 XII, № 7.
30. Известия Харьковского федеративного совета комитетов РСДРП, 1905, 18 XII, № 5.
31. Związkowiec, 1906, 18 I, № 2.
32. Julian Marchlewski. Warszawa, 1950, s. 79.
33. Kalabiński S., Tych F. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. Warszawa, 1969, s. 385.
34. Lokaut w Łodzi, 1907, 23 III, № 3.
35. Luksemburg R. Z doby rewolucyjnej. Co dalej. Dodatek do № 24 i 25 Czerwonego sztandaru.
36. Хренов И. А. Лодзинское восстание. М., 1960, с. 95.
37. Z pola walki, 1931, № 11—12, с. 257.
38. Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, с. 129.
39. Przegląd robotniczy, 1904, № 5.
40. Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
41. О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 гг. М., 1963, с. 70.
42. Ленин и международное рабочее движение. М., 1969, с. 91.
43. PPS-Lewica. 1906—1918. Materiały i dokumenty, t. I, cz. 1. Warszawa, 1961.
44. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976, с. 375.
45. Czerwony sztandar, 1905, 24 III, № 24. Dodatek.
46. Вперед. 1905, 2(15)III.
47. Życie gromadzkie.
48. Gazeta robotnicza, 1905, 15 II.
49. Przyjaciel ludu, 1906, 8 IV. Dodatek.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКО-СЛОВЕНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ РАЗВИТИЯ

При изучении бинарных литературных связей в их развитии и исторической изменчивости возникает потребность в периодизации этого процесса, в расчленении его на временные отрезки, определяемые проявлением тех или иных особенностей и закономерностей. Необходимость периодизации ощущают и исследователи взаимоотношений между русской и словенской литературами, если предмет исследования не ограничивается хронологически узкими рамками, а охватывает большую временную протяженность.

Словенский литературовед и писатель Б. Крефт на IV Международном съезде славистов в докладе «Фрагменты из истории словенско-русских контактов», явившемся первым и до сих пор единственным не утратившим своей научной ценности обзором этих бинарных связей, предложил выделить в их истории три периода: «романтический», «реалистический» и «революционный» [1, с. 90—91]. Проблема периодизации затрагивалась здесь лишь вскользь, не указывались точно все хронологические границы периодов и лишь кратко намечались критерии периодизации. Последние в большей мере носили общественно-политический характер и меньше учитывали собственно литературные факторы. При этом принималась во внимание лишь одна сторона связей — восприятие русской культуры и отношение к России в Словении.

По мнению Б. Крефта, первый период (начало его хронологически не уточняется) характеризуется «романтической верой» в великий русский народ, в котором словенцы — малый славянский народ — видели спасителя от грозившей им германизации, а в русской истории и культуре искали опору в процессе становления своего национального самосознания и самоутверждения, что было связано с идеей славянской взаимности. При таком отношении к России естественно возникают элементы ее романтической идеализации. Второму, «реалистическому» периоду свойственно «отрезвление», разочарование в русском царизме и его политике в отношении славянских народов. Увлечение русской литературой на данном этапе было обусловлено прежде всего признанием, пониманием «мировой художественной ценности творчества русских писателей критического реализма», произведения которых в этот период в Словении усиленно переводятся [1, с. 90]. Границу между первым и вторым периодами Б. Крефт относит к последним годам XIX в. Определения «романтический» и «реалистический» по отношению к намечаемым периодам не совпадают семантически с литературоведческой терминологией и не соотносятся с соответствующими литературными направлениями, хронологический рубеж между которыми восходит к более раннему времени. Но процессы, о которых говорит автор, действительно происходили и для развития русско-словенских связей имели существенное значение.

Факторы, положенные Б. Крефтом в основу его периодизации, безусловно следует принимать во внимание, однако ограничиться только ими явно недостаточно. Пользуясь лишь предложенными Б. Крефтом критериями, вряд ли можно произвести даже такое приблизительное разграничение периодов: в словенском общественном сознании довольно длительное время сосуществовали в различных модификациях обе тенденции, характеризующие, согласно концепции Б. Крефта, как первый, так и второй периоды. Критическое отношение к русскому царизму начинает зарождаться у словенцев уже в конце 40-х годов XIX в. [2, с. 64—65], ярко и отчетливо проявляясь в 70-е годы, в частности, в трудах Ф. Целестина, виднейшего популяризатора русской литературы. С другой стороны, вера в Россию, русский народ и его освободительную миссию, получавшая в течение десятилетий очень различные идеологические оттенки [2, с. 83—98, 108—146, 247—288], полностью не угасла и в начале XX в., обретая порой новое общественно-политическое осмысление, связанное с надеждой на революционные преобразования в России. Таким образом, эти явления как бы предвосхищают следующий, согласно трактовке Б. Крефта, третий, «революционный» период, начало которого автор, по всей видимости, возводит к 1917—1918 гг. Этот хронологический рубеж в периодизации не вызывает сомнений, однако и в данном случае ощущается недостаточность, неразработанность критериев — одного фактора здесь явно мало¹. Правда, Б. Крефт не ставил перед собой задачу детальной разработки и обоснования периодизации, он лишь коснулся этого вопроса, указав попутно на «неподнятую целину» в изучении русско-словенских литературных связей [1, с. 90].

В 1981 г. словенский литературовед А. Сказа, коротко останавливаясь на появившихся в последнее время работах словенских и советских исследователей по вопросам русско-словенских литературных отношений, предлагает новую периодизацию их истории (XIX — начало XX в.), оговаривая при этом дискуссионный характер своей статьи [3, с. 135—137]. В наблюдениях автора содержится много верного и ценного, предлагаемая им схема и ее аргументация представляют несомненный научный интерес — это новый шаг в осмыслении исторически закономерного процесса восприятия русской литературы в Словении. Но все же с концепцией автора полностью нельзя согласиться. Дело в том, что он практически почти неукоснительно следует периодизации истории словенской литературы, предложенной М. Кмецлом [4], — принимается во внимание лишь одна сторона бинарных связей — восприятие русской литературы в Словении.

А. Сказа исходит из того, что в XIX в. в русско-словенских литературных отношениях роль «дающей» стороны принадлежала в основном русской литературе, а «принимающей» — словенской. Такой принцип периодизации связей имеет своих сторонников [5, с. 60], однако при этом последовательная идентификация периодизации национальной литературы и ее межнациональных отношений приводит порой к отрицанию целесообразности периодизации бинарных литературных связей вообще [6]. Но А. Сказа убежден в необходимости такой периодизации для осмысления и исследования литературных отношений как исторического процесса, и в этом он прав.

Однако при более детальном сопоставлении истории словенской литературы и ее связей с русской оказывается, что предложенная схема периодизации этих связей (идентичная периодизации национальной литературы) не всегда совпадает с реальной картиной, возникают те или иные отклонения, коррективы. Соотношения между процессом развития национальной литературы и ее закономерно возникающими при этом контактами с другими литературами находятся в более сложной диалектической причинно-следственной взаимозависимости. Характер этих контактов, как известно, во многом обуславливается уровнем развития национальной литературы, ее возможностями и потребностями; в свою очередь, обраще-

¹ Революционизирующее воздействие русской литературы, в частности Горького, начинается в Словении уже с начала XX в.

ние к более развитой литературе, активное усвоение ее опыта (на самых разных идейно-эстетических уровнях) способствует интенсификации развития «принимающей» литературы. Возникновение качественно новых явлений, знаменующих собой новый этап в истории национальной литературы, создает предпосылки для нового этапа литературных связей. С другой стороны, начиная с определенной исторической стадии, сами эти новые явления, используемые как критерии хронологического членения истории литературы, возникают не только в ходе ее саморазвития, но и подготавливаются межлитературными контактами. Поэтому иногда какой-то рубеж между этапами развития литературных связей на хронологической периодизационной шкале может оказаться несколько выше или ниже соответствующей границы периодов развития национальной литературы или обладать некоторой временной протяженностью, быть как бы размытым.

Сама по себе проблема периодизации истории национальной литературы, как известно, достаточно сложна, среди словенских исследователей до последнего времени не было единства мнений на этот счет, возникала и полемика. Особую трудность представляют те случаи, когда за основу разграничения периодов берутся собственно литературные критерии (зарождение новых направлений и стилей, хронология которых часто бывает условной из-за промежуточных, переходных явлений).

Но бывают и случаи четкого разграничения периодов — особенно тогда, когда рубежом являются важные общественно-исторические события, в результате которых литература и ее связи развиваются затем в новых условиях, обретая соответственно и новые особенности, новые качества. Такой рубеж на периодизационной шкале истории национальной литературы и ее связей может совпадать, особенно если события, определяющие этот рубеж, имеют межнациональный характер. В развитии русской литературы XX в. эпохальным рубежом явилась Великая Октябрьская социалистическая революция с ее всемирно-историческим значением. Другим звеном в той же цепи крупнейших исторических событий (как одно из последствий первой мировой войны) был распад Австро-Венгрии и образование в Центральной и Юго-Восточной Европе новых государств, в том числе Югославии (1918), что имело первостепенное значение для судьбы словенского народа и его культурного развития. Этот важный рубеж признают все историки словенской литературы, следует учитывать его и при периодизации связей.

Такие четкие эпохальные рубежи² в истории рассматриваемых нами бинарных связей единичны³, и в этих случаях также явственно проступают изменения в специфике самих связей. Собственно эта специфика и должна определять комплексные критерии их периодизации, причем они могут не совпадать с критериями периодизации истории национальных литератур [7, с. 323—349], так как предмет исследования и его задачи не адекватны (поэтому также соответственно могут не совпадать и периодизационные схемы). При разработке критериев периодизации истории бинарных связей, видимо, следует учитывать их количественные и качественные изменения; к первым можно отнести активизацию, расширение связей или, наоборот, спад, затухание, вплоть до полного их отсутствия [5, с. 61], ко вторым — появление (или утверждение) новых форм связей (переводов, творческой рецепции и т. д.).

При учете двустороннего характера связей [5, с. 60] создаются известные трудности их периодизации. Если уровень развития взаимодействующих литератур неодинаков и литературные процессы в них протекают несинхронно, то не все явления, входящие в исследуемую сферу, относящиеся к той и другой стороне, достаточно соотносимы между собой. Поэтому их взаимное сопряжение также иногда делает рубеж между периодами более протяженным [7, с. 279].

² О сближении литературной периодизации XX в. с общественно-исторической см. [7, с. 294—295, 313].

³ В периодизации русско-польских литературных отношений ориентация на исторические рубежи встречается чаще.

К сожалению, автор статьи не располагает полной библиографией переводов произведений русских писателей на словенский язык (частично не опубликованной), которой пользовался А. Сказа. И все же попытаемся рассмотреть предложенную словенским исследователем схему периодизации более подробно, попутно высказывая свои соображения и дополнения, имея в виду возможность создания периодизации словенско-русских литературных связей, учитывающей их бинарный характер.

1-й период (80-е годы XVIII в. — 1819 г.), подготовивший «основу для подлинного развития словенско-русских связей» [3, с. 136], соответствует, по мнению А. Сказы, эпохе словенского просвещения и предромантизма. Хотя автор при этом ссылается на схему М. Кмецла, однако в отличие от нее он вполне обоснованно возводит начало периода не к 1869 г., а к 80-м годам, что соотносится с деятельностью словенского просветителя, филолога Б. Кумердея (1738—1805), который в 1780—1781 гг. на немецком языке пишет свой труд «О языкознании славян и русских» и посылает его затем Российской Академии наук [1, с. 91; 12, с. 369].

Это было началом русско-словенских культурных контактов, в то время еще единичных, подменявших собой и собственно литературные связи [8], тогда еще отсутствовавшие. Возникновение этих контактов сопряжено с процессом становления национального самосознания словенцев, для которых, как уже говорилось, важное значение имела идея славянской общности и в этой связи — особый интерес к России и русскому языку, что отразилось и в труде Б. Кумердея. Наиболее отчетливо эти тенденции выражены в публицистике словенского просветителя, поэта, филолога, издателя первой словенской газеты В. Водника. Когда в 1799 г. русские войска, направлявшиеся в поход против наполеоновской армии, проходили через словенские земли, Водник в своей газете «Люблянске новице» приветствовал «старших братьев русских», в которых видел возможных защитников словенского народа в борьбе с врагами. Он писал о едином «корне» славянства, о близости словенского языка к русскому [1, с. 92—93]. Поход этот привел к живому общению с русскими солдатами, которых словенское население встречало с большим радушием. Но этот и другие случаи непосредственного общения словенцев с русскими не пробудили еще на том уровне литературного развития внимания к русской художественной литературе, хотя отстаивавшая свое право на жизнь в тяжелых условиях гегемонии иноязычной культуры молодая словенская литература развивалась не изолированно — в первую очередь она неизбежно осваивала опыт именно господствующей нации, обращаясь к развитой немецкой литературе.

Развитию русско-словенских литературных связей предшествовало установление научных контактов в области филологии, которые имели также характер личного общения. Начало им положил уже Кумердей, далее со словенской стороны их продолжил известный славист Е. Копитар (с 1808 г. живший в Вене), который в 1811 г. познакомился с Н. Н. Новосильцовым и, что особенно важно, с П. И. Кеппеном (в 1822 г.), переписывался с А. С. Шишковым, А. Х. Востоковым, позже — с М. П. Погодиным [9]. Такие контакты между словенскими и русскими учеными, общественными деятелями, литераторами естественно носили двусторонний характер, помогая восприятию русской культуры в Словении и словенской в России. Общаясь с Копитаром, Кеппен заинтересовался древнейшим словенским памятником письменности — «Фрезингенскими (Брижинскими) отрывками», с которых снял копию и затем опубликовал в транскрипции и с комментариями Востокова (1827) [10]. Так началось обращение русских ученых к словенской словесности (пока еще к древнейшей)⁴.

Хотя начало контактов Копитара с русскими учеными и общественными деятелями относится к 1810-м годам, однако более полное развитие они получили в 20-е годы, и А. Сказа относит их уже к следующему этапу русско-словенских литературных связей, который, по его мнению, соотно-

⁴ В 20-е годы XIX в. в русской печати появлялись и отдельные сведения о словенцах [2, с. 70—72].

сится с периодом романтизма в словенской литературе (1819—1854 гг. — согласно схеме М. Кмецла). 1819 г. как рубеж в периодизации словенской литературы признавался и некоторыми другими исследователями [11]⁵. Это год смерти В. Водника и видного словенского просветителя Ж. Цойса. Однако в русско-словенских литературных контактах этот год ничем не ознаменован, никаких новых явлений и существенных сдвигов тогда не было. Происходят они несколько позже, начиная со второй половины или даже с конца 20-х годов — у словенцев постепенно начинает пробуждаться интерес к русской художественной литературе. Думается, именно здесь и следует провести рубеж между соответствующими периодами русско-словенских культурных контактов, из которых только с этого времени можно выделить собственно литературные (предыдущий этап был лишь их предысторией). Такая хронологическая граница тем более оправдана, что именно в это время в России, как уже говорилось, исследуются и издаются «Фрезингенские отрывки» — проявляется интерес русских славистов к словенской письменности.

Как справедливо отмечает Б. Крефт, пробуждение внимания словенцев к русской художественной литературе прежде всего связано с деятельностью М. Чопа [1, s. 95], европейски образованного, широко эрудированного филолога, друга и литературного сподвижника крупнейшего словенского поэта Ф. Прешерна. В 1822—1827 гг. Чоп был преподавателем лицея во Львове, где он, видимо, заинтересовался русским языком и литературой, в первую очередь, творчеством Пушкина. В личной библиотеке Чопа в Любляне были пушкинские поэмы и драма «Борис Годунов» — часть произведений в подлиннике, часть — в переводах на немецкий язык [1, s. 93]. Эти издания не могли быть неизвестны литературному окружению Чопа и в первую очередь, как справедливо полагают словенские литературоведы, Ф. Прешерну [1, s. 93; 14], хотя имя Пушкина им нигде не упоминается и о какой-либо рецепции в данном случае не может быть и речи⁶.

Уже на ранних стадиях русско-словенского литературного общения возникает одна характерная особенность, наиболее отчетливо проявившаяся именно в эти десятилетия и сохранившаяся в той или иной степени до начала XX в. — информация о русской литературе часто поступала к словенцам не из первоисточников, а опосредствованно — через немецкую печать, немецкие переводы. Русские книги в Словении — окраинной провинции Габсбургской империи — были труднодоступны, если и поступали, то нередко с большой задержкой. Кроме того, представители словенской интеллигенции обычно свободно владели немецким языком, а читать русские книги в подлиннике могли лишь немногие. Таким образом, при изучении процесса восприятия русской литературы в Словении необходимо учитывать немецкое литературное посредничество, знакомство с произведениями русских писателей по немецким переводам. Думается, посредническая, информативная роль немецких изданий для словенцев была значительней, чем для других славянских народов Австро-Венгрии (чехи, хорваты, воеводинские сербы), у которых переводы из русской литературы появились раньше, и их было значительно больше.

Первые словенские переводы из русской литературы, а точнее поэзии, относятся к 1846 г. Они были еще единичны, и выбор произведений носил случайный характер. Эта новая, важная форма литературных связей на данном этапе развития русско-словенских контактов только зарождалась и еще не имела того значения, которое приобретет четверть века спустя.

Следующий этап русско-словенских литературных связей, о которых А. Сказа делает ряд верных наблюдений, полностью соотносится им (в соответствии со схемой М. Кмецла) с периодом реализма и сопутствующих ему явлений позднего романтизма в словенской литературе (1854 —

⁵ Однако по этому вопросу существуют и другие мнения. М. Рупел и Л. Легиша границу между периодами просвещения и романтизма в словенской литературе относят к 1809 г., связывая ее с изданием Копитаром его грамматики словенского языка [12]. Й. Погачник этот рубеж относит к началу 30-х годов XIX в. [13].

⁶ Из славянских литератур Прешерну, как и Чоцу, ближе всего были чешская и польская (особенно Ян Коллар и Мицкевич).

1895). Процесс становления реализма в Словении действительно создает предпосылки для восприятия творчества русских писателей-реалистов, все более получавших общеевропейское и мировое признание. Однако для определения периодов литературных связей важны не только подобные предпосылки, но и их конкретная реализация. У Кмецла и Сказы начало периода — 1854 г.⁷, видимо, связывается с выходом в свет книги Ф. Левстика «Стихотворения», а также с началом деятельности литературного кружка патристически настроенной молодежи, выпускавшей рукописный журнал «Vaје» («Упражнения»). В нашем случае интерес представляет второе явление, так как именно ваевцы с их русофильской ориентацией впервые творчески обращаются к достижениям русской литературы, осмысливают ее опыт. С. Енко и Ф. Эрьявец вводят в словенскую литературу нового «героя» — «маленького человека», приступают к изображению современной обыденной действительности, находя в ней элементы комического, а порой и неприметной на первый взгляд трагики. Словенские исследователи неоднократно сопоставляли эти новые в словенской прозе явления с творчеством Гоголя (особенно с повестью «Шинель») [17; 15, s. 237—242, 245—248], которое ваевцам могло быть известно по сербохорватским и особенно немецким переводам [15, s. 240]. Хочется еще добавить, что Енко при создании комической поэмы «Огнеплатич» (1855) мог видеть пример обращения к современной жизни в поэме Лермонтова «Гамбовская казначейша» [18].

С возникновением творческой рецепции — более сложной формы литературных связей (пусть эти случаи еще немногочисленны и не всегда четко выражены) восприятие русской литературы словенской стороной вступает в качественно новую стадию, и этот существенный момент необходимо учитывать при периодизации русско-словенских литературных отношений⁸.

Обращение к произведениям русских писателей в это время обусловлено не только процессом становления реализма в словенской литературе (т. е. собственно литературным развитием), но в какой-то мере и внешними причинами — обострением внимания к общественно-политической и культурной жизни России, что связано с историческими событиями тех лет — Крымской войной, героической обороной Севастополя. В свою очередь, после Крымской войны в конце 50-х годов усиливается интерес русской общественности к южным и западным славянам, в том числе и к словенцам. В эти и последующие годы продолжают развиваться и постепенно расширяться личные контакты между русскими и словенскими общественными деятелями, литераторами, учеными⁹. В результате таких контактов публикуется первый в русской печати довольно обширный экскурс в историю словенской литературы В. Клуна [19] (см. также [20])¹⁰. Примерно к этому же времени относятся и первые переводы словенской поэзии (народной песни [22] и двух стихотворений Прешерна [23]) на русский язык. Хотя факты эти еще единичны и формы восприятия словенской литературы в России не адекватны формам восприятия русской литературы в Словении, все же при создании периодизации этих бинарных связей можно уловить некоторую синхронную соотношенность между обеими сторонами, что в определенной мере восходит к тем процессам в общественном сознании, которые стимулировались упомянутыми

⁷ Л. Легиша и А. Слюдняк считают границей соответствующих периодов не 1854, а 1848 г., принимая во внимание важность общественно-исторических событий и социально-политических изменений в стране [15]; той же точки зрения придерживается С. Янеж [11]; М. Боршник ограничивает период романтизма серединой XIX в. [16], Погачник — серединой 50-х годов XIX в. [13].

⁸ Первая (не дошедшая до нас) редакция рассказа Ф. Эрьявца «Августин Оценек» написана в 1855 г. одновременно с поэмой Енко «Огнеплатич». «Тилка» и «Епрский учитель» Енко опубликованы в 1858 г.

⁹ Подобные контакты имели место и раньше — в начале 40-х годов Словению посетил И. И. Срезневский, в 50-е годы русско-словенские связи развиваются при посредничестве М. Ф. Раевского; в 1860 г. в Словении побывал И. С. Аксаков [2, с. 72—161].

¹⁰ Сведения Клуна были использованы А. Н. Пыпиным в «Обзоре истории славянских литератур» и «Истории славянских литератур» [21].

историческими событиями (пусть сами эти процессы в России и Словении далеко не одинаковы). Учитывая все сказанное, думается, что границу между периодами в рассматриваемом случае следует отнести ко второй половине 50-х годов XIX в.

Интенсивность и экстенсивность в восприятии русской литературы в Словении значительно возрастают в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в., когда русская поэзия и проза начинают переводиться здесь более широко и систематически, причем переводчиков привлекают произведения крупнейших русских писателей и поэтов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. Одновременно русская литература начинает освещаться на страницах словенской периодики — сначала в очерках и кратких заметках, затем все шире и подробнее. Думается, эти сдвиги в развитии русско-словенских литературных связей следует отразить и в их периодизации, подразделив рассматриваемый этап на два вспомогательных периода¹¹. Именно с этого рубежа начинается, активизируясь в 70 — 80-е годы, деятельность Ф. Целестина, крупнейшего теоретика реализма в Словении, опиравшегося в своих литературно-критических и публицистических выступлениях на достижения передовой русской эстетической мысли (особенно Белинского) и русских писателей-реалистов [26]. Активное творческое обращение к произведениям этих писателей, освоение их опыта, оказало воздействие на формирование реализма в словенской литературе — особенно необходимо отметить восприятие Тургенева (наиболее переводимого и популярного из русских писателей) Я. Керсником и другими словенскими прозаиками [27, с. 129—172], — что накладывает специфический отпечаток на важнейшую, основную типологическую разновидность словенского реализма XIX в., именуемую словенскими литературоведами, начиная с И. Приятели, «поэтическим реализмом» [27, с. 129—133, 175—195]. Во всем этом отражается активная избирательность со стороны «принимающей» словенской литературы (обращение именно к Тургеневу)¹², и в то же время проявляется потенциальная активность «дающей» литературы, ее концепционно-эстетическое и непосредственное идейно-художественное воздействие.

В поступательном развитии русско-словенских литературных связей при общей их интенсификации наблюдается некоторая неравномерность — иногда можно заметить временную заторможенность, за которой следует новый подъем. Так, после значительных достижений в распространении русской литературы в Словении в 80-е годы XIX в.¹³, в начале 90-х годов происходит небольшое замедление этого процесса, которое в конце десятилетия вновь сменяется резкой активизацией, проявляющейся в разных видах и формах связей: К этому времени (конец 90-х — самое начало 900-х годов), по-видимому, и следует отнести рубеж между соответствующими периодами¹⁴, принимая во внимание также двусторонний характер связей, что на данном этапе становится их ярко выраженной особенностью. Отчасти это обусловлено большей синхронизацией литературного процесса — ранее словенская литература несколько отставала от русской, и потому отличалась от нее по типу своего развития [7, с. 281].

Со словенской стороны активизация связей с русской литературой вызывалась как внешними причинами, так и глубинными специфическими особенностями литературного процесса. К первым можно отнести деятельность поэта А. Ашкерца в составе редакции, а затем на посту редактора ведущего словенского литературного журнала «Ljubljanski zvon», его

¹¹ Этот дополнительный рубеж совпадает и с публикацией переводов произведений десяти словенских поэтов в антологии Н. В. Гербея «Поэзия славян» [24], содержавшей и очерк о словенской литературе А. Будиловича. Годом раньше появилась работа П. Поньрко [25].

¹² Аналогичные явления наблюдаются в хорватской, словацкой, чешской литературах.

¹³ Наряду с широким обращением к Тургеневу, тогда появляются первые переводы произведений Л. Толстого (1883 г. — «Семейное счастье»), переводятся «Герой нашего времени» Лермонтова (1883), «Ревизор» (1884) и «Мертвые души» (1887) Гоголя, печатаются статьи о ряде русских писателей.

¹⁴ А. Сказа относит этот рубеж к 1895 г.

активную популяризацию и пропаганду русской литературы, особенно русского реализма [28], а также начало деятельности И. Приятеля, впоследствии видного литературоведа, популяризатора и исследователя русской литературы [29]. И. Приятель принадлежал к молодому литературному поколению того времени — так называемому «словенскому модерну». Именно в творческом формировании ведущих представителей этого направления сказались глубинные связи с русской литературой, что впоследствии закономерно подготовлялось предшествующим периодом, общей атмосферой интереса к русской литературе. Зачинатели «словенского модерна», ведущая четверка — Д. Кетте, Й. Мурн, И. Цанкар, О. Жупанчич в юности прошли через увлечение русской литературой, что в той или иной степени и форме преломилось в их художественном сознании и нашло различное отражение в их творчестве [30—33]. А. Сказа справедливо говорит об «актуализации и своеобразной реинтерпретации русских романтиков» (подразумеваются Пушкин, Лермонтов и Кольцов) в творчестве поэтов «словенского модерна» и искусства Гоголя, Достоевского, Толстого в произведениях И. Цанкара» [3, s. 137]. Восходящие к этим рецензиям идейно-эстетические и стилистические элементы вступали впоследствии в своеобразные сочетания и взаимодействия с последующим опытом зачинателей «словенского модерна», с восприятием современных западноевропейских веяний. Так возникали (каждый раз в результате глубоко индивидуального творческого акта) самобытные явления словенской литературы, непреходящие художественные ценности (например, «крестьянская лирика» Мурна). Раннее приобщение основоположников «словенского модерна» к русской классике впоследствии удерживало их — в комплексе с другими факторами (включая и социальные) — от крайностей декаданса и модернизма. Все это во многом определяло своеобразие словенской литературы, отражаясь и на ее эволюционном процессе.

Развиваются в это время и ставшие уже традиционными формы связей — публикуются переводы, научно-критические и популяризаторские статьи о русских писателях, более углубленные, чем раньше. Важно отметить обращение словенских писателей и публицистов к Горькому, ознакомление с его творчеством читателей [34] (что имело и свой революционизирующий общественно-политический отзвук). Почти одновременно словенцев привлекают А. П. Чехов и Л. Н. Толстой (переводится его «Воскресение»), продолжают интересоваться переводчиков произведения Пушкина и Лермонтова.

В России в это время происходят значительные количественные и качественные сдвиги в восприятии словенской литературы, резко возрастает объем информации о словенской литературе, обращается внимание как на классику, так и на современных писателей. Особенно знаменательно подготовленное Ф. Е. Коршем однотомное издание сочинений Ф. Прешерна с обширным предисловием и комментариями [35] (над переводами произведений Прешерна Ф. Е. Корш работал с 80-х годов). В ходе подготовки издания и позже Ф. Е. Корш переписывался с А. Ашкерцем и И. Приятелем [21, с. 200—208]. Отметим, что вообще на этом этапе личные контакты словенских и русских литераторов и ученых были разнообразны и плодотворны.

Вслед за Ф. Е. Коршем словенскую поэзию начинает интенсивно переводить Н. Н. Бахтин (Н. Нович), публиковавший свои переводы в журналах, а также отдельной книгой [36], а затем — С. Штейн, А. Сиротинин. Особенно много переводили А. Ашкерца, внимание переводчиков привлекали О. Жупанчич и другие поэты, из прозаиков — И. Цанкар [37]. Правда, в выборе произведений для перевода как в поэзии, так и в прозе тогда было еще много случайного и субъективного — нередко переводили не важнейшие, а менее значительные произведения писателей. Появляются в 1900-е годы и статьи о словенской литературе, очерки, заметки, рецензии об отдельных книгах (также не свободные от элементов случайности). Статьи писали как русские слависты и литераторы, так и словенцы. В частности, И. Приятель был не только видным популяризатором русской литературы в Словении, но и словенской в России. Ему

принадлежит наиболее обстоятельная работа по словенской литературе — обзор ее от истоков до современности, содержащий много глубоких и верных оценок [38]. Отдельные статьи пишет живший в это время в России Я. Лаврин.

В целом этот период отличается большой сложностью, многообразием литературных связей, значительным прогрессом в их развитии, хотя по-прежнему творческая рецепция присуща, за единичным, может быть, исключением, лишь словенской стороне ¹⁵.

В последние годы рассматриваемого периода — с начала первой мировой войны — русско-словенские литературные отношения становятся менее активными. Для словенской стороны это обусловлено политическими причинами: внимание к русской культуре расценивалось австрийскими властями как русофильство, приравнивалось к политической неблагонадежности. В Россию перестали поступать новейшие словенские издания — книги и журналы. Но отдельные публикации — переводы, статьи, заметки о словенской литературе в России и о русской в Словении продолжали появляться. Эти годы (вторая половина 1914—1917/1918 гг.) можно выделить в дополнительный, вспомогательный период.

Уже говорилось о важном, эпохальном рубеже — 1917—1918 гг., с него начинается следующий этап развития как русской, так и словенской литератур и соответственно их взаимосвязей, которым однако в это время свойственна большая диспропорция — при интенсивности восприятия русской литературы в Словении имела место заторможенность обратной связи. Рассматриваемый этап заканчивается также важным историческим рубежом — 1941 г., фашистской оккупацией Югославии (апрель 1941 г.) и началом Великой Отечественной войны. Восприятию русской литературы в Словении на данном этапе посвящены обзорные работы словенских исследователей, не углублявшихся в проблематику творческой рецепции [40; 41].

После образования Югославии русская культура, естественно, полностью перестает быть фактором, способствовавшим в свое время укреплению национального самосознания словенцев. Русская классическая литература продолжает жить в общественно-эстетическом сознании и культурном обиходе словенцев в своем основном качестве — как непреходящая, идейно-художественная ценность и активно действующая сила, к которой избирательно обращаются словенские литературные деятели того времени. Хотя после первой мировой войны и особенно в 20-е годы в словенской литературе преобладающим течением становится экспрессионизм, интерес к русской классической литературе не только сохраняется, но и возрастает, увеличивается число переводов, расширяется круг переводимых авторов.

Особым вниманием пользуется творчество Ф. М. Достоевского, которое у словенцев, как и в других странах, получает различные интерпретации — к некоторым его аспектам при своеобразной трактовке обращались и экспрессионисты. В 30-е годы представителям «социального реализма», ставшего в это время ведущим направлением, оказывается ближе творчество Толстого, важнейшие произведения которого к этому времени переведены на словенский язык. С середины 20-х годов и особенно в связи с широко отмечавшимся столетием со дня смерти (1937) всеобщее внимание в Словении привлекает Пушкин, публикуются новые переводы его произведений, творчество его актуализируется в современном политическом контексте (подчеркивается пушкинское жизнеутверждающее начало; гуманизм поэта противопоставляется расистским теориям фашизма) [40, s. 79—80].

Для развития словенской литературы в межвоенные десятилетия первостепенное значение имело творчество Горького, к которому обращались

¹⁵ А. Квятковский [39] полагает, что форма «Венка сонетов» пришла в русскую литературу вместе с переводом Ф. Е. Корша «Венка сонетов» Прешерна. Вопрос о том, насколько этот перевод как образец формы мог воздействовать на употребление ее в русской поэзии (Вяч. Иванов, В. Брюсов, М. Волошин, С. Кирсанов и др.), еще не исследован.

ведущие словенские писатели — особенно это сказалось на творческом формировании представителей «социального реализма». Увлечение Горьким испытал Прежихов Воранц, М. Кранец, Ф. Бевк, И. Потрч.

Притягательная сила молодой республики Советов для словенского пролетариата и передовой интеллигенции проявляется и в их живом интересе к советской литературе, и хотя произведения ее в Словении были трудно доступны, они все же проникали туда и переводились. С середины 20-х годов «Ljubljanski zvon» начинает знакомить читателей с произведениями К. Федина, Л. Леонова, Вс. Иванова, И. Эренбурга, И. Бабеля и других писателей; в 1928 г. публикуется поэма А. Блока «Двенадцать» (в переводе М. Клопчича). В 30-е годы, несмотря на ужесточение цензурных условий после установления в Югославии монархо-фашистской диктатуры (1929), знакомство словенцев с творчеством советских писателей продолжается: отдельными книгами издаются переводы некоторых крупных прозаических произведений¹⁶, получивших затем отклики в словенской периодике, немало пишется о Маяковском, становятся известными произведения Ф. Гладкова, М. Шолохова и других прозаиков и поэтов; публикуются и обсуждаются в печати материалы Первого съезда советских писателей. И хотя в эти годы происходит осмысление и усвоение передовой словенской общественностью советской литературы, вопрос о творческом восприятии ее словенскими писателями еще мало исследован (см. об этом [41]).

При широком и интенсивном распространении русской литературы в Словении как важного фактора ее культурной жизни другая сторона рассматриваемых бинарных связей характеризуется в это время значительным спадом активности и сводится на протяжении первого десятилетия лишь к единичным, незначительным публикациям с промежутками в несколько лет. Только в конце 20-х годов происходят некоторые сдвиги — в 1927—1929 гг. было опубликовано три русских перевода повести И. Цанкара «Батрак Ерней и его право» (причем, вероятно, не со словенского подлинника) [42—44], получивших отклики в печати. При обращении к повести переводчиков привлекало прежде всего ее остро-социальное содержание. В 30-е годы ознакомлению со словенской литературой способствовали находившиеся в Советском Союзе словенские политические эмигранты [45], в середине 30-х годов один из них обратил внимание А. Суркова и А. Безыменского на творчество О. Жупанчича, С. Косовела, М. Клопчича, Т. Селишкара, в первую очередь на их произведения с социальной и революционной проблематикой. Стихотворения эти были переведены и опубликованы. Незадолго до войны к переводам произведений Цанкара приступил словенец С. Урбан (Облак).

Военные годы 1941—1945 представляют собой промежуточный период в истории русско-словенских литературных связей, которые вполне естественно, сокращаются, сводятся к единичным фактам (изданиям, переизданиям), зависят от условий и потребностей тех лет¹⁷.

Начинаясь с 1945 г. послевоенному этапу рассматриваемых бинарных связей свойственна широта, многообразие и вновь ярко выраженный двусторонний характер. Происходит взаимное обращение как к классике, так и к современной литературе — эта последняя тенденция при восприятии русской стороной словенской литературы постепенно становится все отчетливей, словенской стороне она свойственна с начала периода.

Произведения русской классической литературы в Словении выходят в свет в многочисленных, разнообразных изданиях, включая школьные и массовые серии, нередко и в новых переводах. Словенцы получают прекрасно подготовленное и научно прокомментированное шеститомное изда-

¹⁶ Переводятся романы «Города и годы» К. Федина (1931), «Петр Первый» (1-я часть) А. Толстого (1932), «Ташкент — город хлебный» А. Неверова (1931).

¹⁷ В словенском партизанском театре, например, в новых переводах М. Клопчича ставились «Медведь» Чехова (20 раз) и «Предложение» (12 раз); в Советском Союзе в военные годы четырежды публиковался перевод стихотворения Ашкерца «Русский язык» — в периодике и сборнике «Удар по врагу» (Свердловск, 1942).

ние произведений Пушкина, однотомники Лермонтова и Крылова¹⁸. Издаются и переиздаются произведения Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького, Достоевского. Словенских переводчиков привлекают Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак, Ахматова, Багрицкий, Заболоцкий, Чуковский и многие другие поэты. Переводятся и крупнейшие произведения советской прозы, в первую очередь Шолохова. Обращаются словенские переводчики и к советской военной прозе, к произведениям К. Симонова и Ю. Бондарева, к драматургии В. Розова и т. д. В Словении внимательно следят за важнейшими событиями литературной жизни в СССР, о них систематически сообщается в периодике. Публикуются и исследования по русской классической и советской литературе (Б. Крефт, В. Бричич, А. Сказа).

Вопрос о творческом восприятии русской литературы словенскими писателями нашего времени еще почти не разработан. Больше всего оснований говорить о нем лишь по отношению к литературе первых послевоенных лет. В дальнейшем многие словенские писатели, особенно представители молодых поколений больше ориентируются на западные веяния, увлекаясь экзистенциализмом и некоторыми явлениями авангардистской литературы.

Послевоенный период знаменуется стремлением к систематическому ознакомлению советских читателей с лучшими достижениями словенской литературы прошлого и современности. Интенсивность публикаций особенно возрастает с конца 50-х годов. Показательно, что за послевоенное время Прешерн издается на русском языке трижды (1948, 1955 и 1970 гг.), дважды — Жупанчич (1961 и 1978); наибольшее внимание уделяется Цанкару — публиковались отдельные его произведения и трижды — избранные сочинения все в большем объеме¹⁹. Отдельными изданиями выходили переводы произведений Прежихова Воранца, М. Кранца, Ц. Космача, Ф. Бевка, А. Инголича, Б. Зупанчича, К. Грабельшека и др. Словенские классики, а еще более современные поэты и прозаики представлены в многочисленных антологиях и сборниках, сопровождаемых обычно библиографическими справками и комментариями.

Одновременно в Советском Союзе возрождается и развивается научная словенистика, особое внимание исследователей привлекает словенская литература конца XIX — начала XX в. и межвоенного периода (работы Е. И. Рябовой, Н. И. Кравцова, М. Л. Бершадской, А. Горецкого, автора данной статьи); изучаются и русско-словенские литературные связи. На этой основе между русскими словенистами и словенскими филологами, писателями, переводчиками складываются и личные контакты, советские ученые и литераторы посещают Словению, а словенские — Советский Союз.

Послевоенный этап, видимо, следует расчленить на вспомогательные подпериоды, но для этого нужны предварительные исследования хотя бы на уровне более подробных библиографических обзоров с элементами анализа (особенно это касается словенской стороны).

Итак, имея в виду двустороннюю действительность связей, предлагаем свой вариант схемы периодизации бинарных русско-словенских литературных отношений:

1 период. Начало 80-х годов XVIII в. — конец 20-х годов XIX в. Предыстория собственно литературных связей. Начало культурных контактов (еще единичных) — случаи личных контактов словенских и русских филологов; возникновение интереса и симпатий словенцев к русскому народу (как проявление славянской общности).

2 период. Конец 20-х — вторая половина 50-х годов XIX в. Пробуждение у словенцев интереса к русской художественной литературе, появление первых, единичных переводов произведений русской поэзии (выбор произведений носит еще случайный характер); информация о русской литературе часто поступает через немецкое литературное посредничество.

¹⁸ Заслуга эта принадлежит М. Клопчичу.

¹⁹ Сочинения Цанкара издавались в 1945, 1958 и 1981 гг.; последнее издание — двухтомное.

Продолжение контактов словенских и русских филологов. Интерес в России к древней словенской письменности (издание «Фрезингенских отрывков»).

3 период. Вторая половина 50-х — конец 90-х годов XIX в., начало 900-х годов. Подпериоды: а) вторая половина 50-х годов — конец 60-х, начало 70-х годов XIX в. Начало творческого восприятия русской литературы словенскими писателями; в России — первые статьи о словенской литературе и первые переводы словенской поэзии (постепенно число их будет возрастать); б) конец 60-х, начало 70-х годов XIX в. — конец 90-х, начало 900-х годов. В Словении растет интенсивность освоения русской литературы, в центре внимания переводчиков и журналистов-популяризаторов творчество крупнейших русских писателей; воздействие русского реализма на формирование реалистического направления в словенской литературе (особое значение восприятия Тургенева).

На протяжении всего периода постепенно усиливается интерес русской общественности к словенской литературе, в России появляются статьи о ней, отдельные переводы произведений словенских писателей, к концу периода намечается известная синхронизация литературных процессов, связи приобретают двусторонний характер.

4 период. Конец 90-х, начало 900-х годов — 1917—1918 годы. Подпериоды: а) конец 90-х, начало 900-х годов — 1914 г. Активизация бинарных связей, их многообразие, сложность, четко выраженный двусторонний характер. Все более глубокое и широкое вхождение русской литературы в общественное и эстетическое сознание словенцев, чему способствует увеличение количества переводов и круга переводимых авторов, освещение русской литературы в печати. Более усложненные и разнообразные проявления творческой реценции (в частности у ведущих представителей «словенского модерна»), что косвенно отражается на литературном процессе. С русской стороны — возрастающее внимание к словенской литературе, увеличение числа переводов, статей, рецензий, отдельные издания словенской поэзии — словенская литература в определенной мере входит постепенно в культурный обиход. Плодотворное продолжение личных контактов между словенскими и русскими литераторами и учеными; б) 1914 г. — 1917, 1918 гг. Некоторое ослабление культурных взаимоотношений после начала первой мировой войны.

5 период. 1917, 1918—1941 гг. Развитие бинарных связей в новых исторических условиях, их определенная диспропорция. В Словении — еще более широкое освоение русской классики и обращение к советской литературе (переводы, рецензии и т. д.). Существенна роль Горького в творческом формировании ведущих представителей «социального реализма». С русской стороны — отдельные переводы произведений словенской литературы. Число переводов возрастает в конце 20-х годов, и особенно в 30-е годы (обращение к революционной и социальной лирике видных словенских поэтов).

6 период. 1941—1945 гг. Ослабление литературных связей в военные годы.

7 период. 1945 г. — последующие послевоенные годы. Вновь отчетливо выраженный двусторонний характер связей, их широта, многогранность. Взаимный интерес к классике и современной литературе. В Словении выходят более полные издания и многочисленные переиздания русской классики (часто в новых, более совершенных переводах) и произведений советской литературы; освещается в печати литературная жизнь Советского Союза; ведутся исследования русской литературы и словенско-русских литературных связей. В Советском Союзе прилагаются усилия к систематическому ознакомлению читателей с лучшими достижениями словенской литературы прошлого и современности, происходит развитие научной словенистики. Плодотворные личные контакты русских и словенских литераторов, ученых, деятелей культуры.

Схема эта, естественно, не является окончательной, она будет уточняться, а возможно, и изменяться по мере более подробного изучения русско-словенских литературных связей на разных этапах их истории.

1. *Kreft B.* Fragmenti o slovensko-ruskih stikih.— Slavistična revija, 1.XI, 1958, № 1—2.
2. *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и России. М., 1978.
3. *Skaza A.* Nekateri aktualni problemi primerjalnega proučevanja ruske in slovenske literature 19 in začetka 20 stoletja.— Jezik in slovstvo, l. XXVI, 1981, № 4.
4. *Ктецл М.* Shema književno zgodovinske periodiziranosti slovenskega slovstva. Slovanski jezik, literatura in kultura. Informativni zbornik. Ljubljana, 1974, s. 209—210.
5. *Кишкин Л. С.* О периодизации процесса литературных связей.— Советское славяноведение, 1983, № 3.
6. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, с. 219.
7. *Неупокоева И. Г.* История всемирной литературы. М., 1976.
8. *Кишкин Л. С.* О факторах, обуславливающих литературные связи.— Советское славяноведение, 1978, № 4, с. 67.
9. *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.
10. *Кенпен П. И.* Собрание словенских памятников, находящихся вне России. СПб., 1827.
11. *Janež S.* Zgodovina slovenske književnosti. Maribor, 1957.
12. Zgodovina slovenskega slovstva, knj. I. Ljubljana, 1956.
13. Zgodovina slovenskega slovstva, knj. III. Maribor, 1969.
14. *Paternu V.* France Prešeren in njegovo pesniško delo, knj. 2. Ljubljana, 1977, s. 148—149.
15. Zgodovina slovenskega slovstva, knj. II. Ljubljana, 1959.
16. *Boršnik M.* Pregled slovenskega slovstva. Maribor, 1962, s. 151—291.
17. *Paternu V.* Slovenska proza do moderne. Koper, 1957, s. 42.
18. *Рыжова М. И.* Симон Енко и М. Ю. Лермонтов.— In: Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1982, s. 223—227.
19. *Клун В.* Словенцы. Очерк истории их словесности.— Русская беседа, 1859, № 1, с. 87—114; № 2, с. 95—125.
20. *Клун В.* Словенцы. Этнографический очерк.— Русская беседа, 1857, № 3, с. 65—122.
21. *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979, с. 97.
22. «Молодая Бреда».— Русская беседа, 1857, № 2.
23. «Поминок юности», «Розамунда» — В кн.: *Петровский М. П.* Отголоски славянской поэзии. М., 1861.
24. *Гербель Н. В.* Поэзия славян. СПб., 1871.
25. *Поньрко П.* Словенская литература, обнимающая три главные эпохи.— Филологические записки, 1870, вып. IV, с. 75—100.
26. *Boršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana, 1951.
27. *Barbarič S.* Turgenjev in slovenski realizem. Ljubljana, 1983, s. 129—172.
28. *Рыжова М. И.* Антон Ашкерц и русская литература.— Литература славянских народов, вып. 6, 1961.
29. *Zadravec F.* Ivan Prijatelj in ruska literatura.— In: Prijatelj zbornik. Ljubljana, 1975.
30. *Крефт Б.* Иван Цанкар и русская литература.— В кн.: Русско-югославские литературные связи. М., 1975, с. 284—302.
31. *Рыжова М. И.* Йосип Мурн и русская литература.— В кн.: Русско-югославские литературные связи. М., 1975, с. 212—259.
32. *Рыжова М. И.* Русская поэзия первой половины XIX в. в творческом восприятии Оттона Жупанчича (ранние этапы).— В кн.: Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л., 1983.
33. *Dragotin Kette* in ruska literatura.— Slavistična revija, 1974, № 2.
34. *Taufel V.* Prvi odmevi Maksima Gorkega v slovenski javnosti.— Slavistična revija, 1961—1962, № 1—4.
35. Стихотворения Франца Преперна. Со словенского и немецкого подлинников перевел Ф. Корш. М., 1901.
36. *Нович Н.* Словинские поэты. СПб., 1904.
37. *Veljajeva J.* Ivan Sankar v ruski kritiki na začetku 20 stoletja.— Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi, knj. II. Ljubljana, 1983.
38. *Приятель И.* Словенцы и их литература.— Славянские известия, 1904, № 1—6; 1905, № 8; 1906, № 1.
39. *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966.
40. *Zadravec F.* Položaj slovanskih, romanskih in germanskih literatur pri Slovencih v obdobju med 1918 in 1941.— In: X seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1974.
41. *Vrnčič V.* Odmevi ruske sovjetske književnosti pri Slovencih v letih 1917—1941.— Slavistična revija, l. XV, 1967, № 1—2.
42. *Цанкар Я.* Бартоло и его право. М., 1927.
43. *Цанкар Я.* Правда батрака. М., 1929.
44. Батрак Бартоло. М.—Л., 1929.
45. *Регент И.* Революционная литература словенцев.— Литература мировой революции, 1931, № 11—12.

ОХРИМЕНКО И. П., ОХРИМЕНКО О. И.

ТРАДИЦИИ И ОТЗВУКИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Наиболее известным и самым жизнеспособным произведением древней литературы восточных славян является «Слово о полку Игореве». Созданное в конце XII в., оно до сих пор не потеряло своей актуальности и способности воздействия на литературный процесс, прежде всего русского, украинского и белорусского народов.

«Слово о полку Игореве» явилось логическим завершением стремительного литературного развития древнерусской народности Киевской Руси, оставившей богатое культурное наследие сформировавшимся на ее основе трем братским восточнославянским народам. В то же время это гениальное произведение, представляющее вершину первого — общего — периода художественной письменности восточных славян, оказалось блестящим прологом собственно русской, украинской и белорусской литератур, важным стимулом их развития, вплоть до нашего времени.

Следует признать довольно прочно обоснованным в последние годы (в частности на научных конференциях, посвященных 800-летию «Слова», которые состоялись в 1983 и 1984 гг. в г. Сумы) утверждение о том, что это необычайное по идейно-художественной сущности и воздействию произведение возникло в летне-осенний период 1185 г. на Чернигово-Северской земле [1; 2]. Не случайно именно в этом обширном регионе и сопредельных с ним районах — на стыке этнических границ русского, украинского и белорусского народов, где активнее всего бытовало в древние времена «Слово о полку Игореве», раньше всего и наиболее интенсивно проявилось его воздействие на последующую литературу. Это же касается и тех древних районов, более или менее отдаленных от Чернигово-Северщины, в которых были хорошо известны списки «Слова» (к ним относятся прежде всего Галицко-Волынская земля, Псковщина и Новгородщина, а также частично Курщина, Брянщина и Гомельщина).

Действительно, уже в первый период исторического пути собственно русской, украинской и белорусской литератур, охватывающий время с середины XIII до начала — второй половины XVI в., «Слово о полку Игореве» так или иначе получило отклик в ряде произведений Чернигово-Северского региона и соседних с ним земель, а также в районах нахождения его списков. Об этом свидетельствуют такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли», повесть о разорении Батыем Рязани, «Слово о Меркурии Смоленском», житие черниговского князя Михаила и его боярина Федора, «Галицко-Волынская летопись», и др. В них по-разному отразились идейно-художественные традиции «Слова». Так, «Слово о погибели Русской земли», созданное в конце 30 — начале 40-х годов XIII в., близко к нему и в идейном отношении, и по поэтическому строю [3, с. 109—113]. Вполне возможно, что автор этого произведения творчески

ориентировался на «Слово о полку Игореве». Его идейное воздействие ощущимо в повести о разорении Батыем Рязани, «Слове о Меркурии Смоленском», житии Михаила и Федора. Патриотический пафос «Слова» отозвался и в ряде других произведений начального периода формирования восточнославянских литератур. Несомненна также стилистическая общность ряда мест Галицко-Волынской летописи и «Слова о полку Игореве», что отмечено многими исследователями (Вс. Миллером, А. Орловым, Л. Черпниным, Н. Гудзием и др.) [4, с. 228—253; 5, с. 210—212].

Названные произведения выросли непосредственно на традициях литературы Киевской Руси, прежде всего «Слова о полку Игореве» и «Повести временных лет». Национальные особенности в них только намечались, поэтому в ряде случаев они относятся не к одной, а к двум, а то и трем литературам. Это усиливало освоение «Слова» зарождавшимися восточнославянскими литературами и в то же время содействовало сближению их.

Особенно четко сказалось влияние «Слова о полку Игореве» на произведениях Куликовского цикла [6], в первую очередь на «Задонщине» [7, с. 84—107; 8, с. 292—343] и «Сказании о Мамаевом побоище» [9, с. 385—439; 10, с. 440—476], чему посвящено много специальных исследований. Автор «Задонщины», воспевая первые большие успехи объединенных русских сил в борьбе с захватчиками, сознательно подражал «Слову», автор которого только мечтал о таком объединении. При этом создатель «Задонщины» широко воспользовался и поэтическим планом, и образами, и художественными приемами своего непосредственного образца, что не лишило это произведение самостоятельных поэтических достоинств, а его идейное содержание — мобилизующего значения. Не случайно оно вместе со «Словом» в свою очередь оказало влияние на «Сказание о Мамаевом побоище» — одно из самых популярных произведений Куликовского цикла, распространявшихся в многочисленных рукописях с конца XIV до XVIII в. включительно, причем как в России, так и на Украине и в Белоруссии, где это произведение приобрело «западнорусскую» редакцию в виде перевода-переработки под названием «Книги о побоище Мамаея» [11, с. 54—57; 12, с. 35—37]. В таких случаях традиции «Слова о полку Игореве», в прямом или отраженном виде, не только продолжали свою литературную жизнь в течение столетий, но и содействовали развитию литературного единения русского, украинского и белорусского народов [13, с. 4—6].

Со времени открытия «Слова о полку Игореве» (в конце XVIII в.) и его первой публикации (1800) начался новый период жизни этого знаменитого памятника, а также его освоения братскими восточно-славянскими литературами, прежде всего русской и украинской, а затем и белорусской [14, с. 69—92; 15, с. 164—178; 16, с. 304—313; 17, с. 126—138; 18, с. 35—59]. Оно шло по двум основным направлениям: путем художественных переводов и переложений и путем творческого использования идейно-художественных богатств «Слова» при создании оригинальных произведений целым рядом писателей.

В конце XVIII — первой половине XIX в. «Слово о полку Игореве» активнее всего осваивалось русской литературой [19—21]. Это во многом объясняется тем, что новая русская литература является самой развитой в числе восточнославянских литератур, а кроме того, именно в России был открыт список «Слова», там же появилась первая его публикация и началось разностороннее исследование этого памятника. Эти обстоятельства содействовали активному его творческому освоению новой русской литературой.

Первый — прозаический — перевод повести-поэмы о походе Игоря Святославича на половцев принадлежит А. Мусину-Пушкину, открывшему список «Слова». Этот перевод сопровождал копию данного списка, сделанную для Екатерины II; он же опубликован и в первом издании «Ироиической песни о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича», но в переработке А. Малиновского. Кроме того, мусин-пушкинский перевод «Слова» дошел до нас еще в трех списках кон-

да XVIII в., что подтверждает интерес к нему современников [14, с. 72]. Таким образом, утверждение И. Еремина о том, что перевод А. Мусина-Пушкина никого не удовлетворил, не соответствует действительности [18, с. 35]. К нему обращаются и в наше время.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в русской литературе появилось около тридцати преимущественно стихотворных переводов и переложений «Слова о полку Игореве» и «Плача Ярославны». За переложением «Слова» И. Серякова (1803) последовали стихотворные интерпретации этого произведения А. Палицына (1807), Н. Язвицкого (1812), И. Левитского (1813), Я. Пожарского (1818), Н. Грамматина (1821), а затем М. Деларю (1839), Д. Минаева (1846), Л. Мея (1850), Н. Гербея (1854) и др. К ним примыкают стихотворные переложения «Плача Ярославны» Ф. Глинки (1816, переложение неполное), А. Белюстина (1819), И. Козлова (1821), П. Шкляревского (1821), М. Загорского (1825), Н. Берга (1848), Ф. Миллера (1848). Кроме того, в первой половине XIX в. были осуществлены и некоторые прозаические переводы, переложения и пересказы «Слова»: А. Шишкова (1805), В. Капниста (1809—1813), Н. Карамзина (1816), Н. Грамматина (1823), А. Вельтмана (1833). Над его переводом работали также К. Рылеев (в поэзии) и В. Белинский (в прозе). Особое место в этом ряду занимает поэтический перевод «Слова», осуществленный В. Жуковским. Многие из названных интерпретаторов этого памятника были одновременно и его исследователями (Н. Карамзин, В. Капнист, Я. Пожарский, Н. Грамматин и др.).

Перечисленные писатели, обращаясь к «Слову о полку Игореве», рассматривали его, — как отметил И. Еремин, — прежде всего сквозь призму поэтических систем своего времени» [18, с. 39]. Их работы, за немногими исключениями, еще далеки от художественных переводов. Они представляют собой преимущественно примерные переложения «Слова» или вариации на тему «Плача Ярославны». Многие из них испытали влияние классицизма, сентиментализма или романтизма. Так, И. Серяков, под влиянием сентиментальной поэзии, вводя в свое переложение много «нежных» слов, риторических вопросов и восклицаний, заметно отошел от своеобразного стиля «Слова», органически сочетающего лирику и эпiku. А. Палицын в ряде случаев ориентировался на приемы классицистов, что, однако, способствовало передаче некоторых героических сцен подлинника. Н. Грамматин в самом начале своего переложения в духе сентименталистов заявил, что сущность «Слова» — это «повесть жалости достойная и вечных слез». А. Белюстина в «Плаче Ярославны» привлекли главным образом печаль, тоска и скорбь, а гражданско-патриотический его пафос остался им незамеченным, что характерно и для большинства поэтов, обращавшихся к этому «плачу», причем не только первой, но и второй половины XIX в. М. Загорский настолько отклонился от идейного смысла «Плача Ярославны», что свое переложение превратил по сути в романс, так и назвав его «Ярославна — романс». Разумеется, подобные опыты далеки от подлинного перевода.

Тем не менее в лучших русских переводах и переложениях «Слова» и «Плача Ярославны», относящихся к первой половине XIX в., заметно стремление сохранить основные особенности оригинала. Это свойственно Н. Язвицкому, в меньшей мере А. Палицыну, И. Козлову. Последний, перелагая «Плач Ярославны» в духе романтической школы, умело используя народно-песенные приемы, достиг легкости и музыкальности, а главное — не упустил гражданско-патриотических ноток «Плача». Это обеспечило его переложению — лучшему среди аналогичных попыток XIX в. — большой успех. Еще более глубоким проникновением в сущность «Слова» отмечены прозаические переложения В. Капниста и Н. Карамзина. В. Капнист только начальные строки перевел стихами (считая их запевом в духе Бояна), перейдя далее на прозу, отличающуюся простотой и эпичностью, а в таких местах, как «Плач Ярославны» — большой лирической насыщенностью и подъемом. К сожалению, этот удачный перевод долгое время (до 1950 г.) оставался в рукописи. Карамзинский же пересказ-перевод «Слова», выполненный для третьего тома его «Истории государства

Российского» (1816) увидел свет своевременно, способствуя более глубокому пониманию этой повести-поэмы.

Еще большую ценность представляет собой стихотворный перевод «Слова», выполненный в 1819 г. В. Жуковским, но опубликованный только в 1882 г. [14, с. 80—81]. Это первый русский собственно художественный перевод повести-поэмы о походе Игоря, который не потерял своего значения до нашего времени. Он относится к лучшим переводам «Слова» в восточнославянских литературах XIX в., отличается точностью и настоящей поэтичностью, к чему стремятся и ныне переводчики этого шедевра.

Заметную роль в освоении «Слова» русской литературой середины XIX в. сыграли стихотворные переложения Д. Минаева, Л. Мея и Н. Гербеля. В целом они не отличаются высоким уровнем, так как Д. Минаев вольно обращался с текстом оригинала, делал свои обширные вставки, нередко в романтическом духе; Л. Мей пытался «уложить» «Слово» в «сказочный размер», что не отвечало его сущности, а Н. Гербель произвольно разбил текст переводимого произведения на двенадцать песен с различными стихотворными размерами [14, с. 82—83]. Все же эти переложения, в частности Н. Гербеля, в свое время пользовались определенным успехом, способствуя популяризации «Слова».

В конце XVIII — первой половине XIX в. в русской литературе, наряду с переводами и переложениями «Слова о полку Игореве» шло его довольно активное освоение в оригинальном творчестве многих писателей. Первенство в этом отношении принадлежит М. Хераскову, который во втором издании поэмы «Владимир», появившемся в 1797 г., упомянул «Игореву песнь» и ее «незнаемого» автора («писателя») как талантливое продолжателя Бояна, что прозвучало как бы поэтической реминисценцией из «Слова». В самом начале XIX в. к нему обратился А. Радищев. «Слово» послужило для него стимулом изображения героического прошлого русского народа в незаконченной поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам», которая имеет эпиграф, как указано автором, из «Песни на поход Игоря на половцев». В прозаическом предисловии к этой поэме упоминается Боян, характеризуемый в духе «Слова», у которого Радищев просит помощи в воспевании прошлого и будущего своего народа. Затем образ Бояна, нередко с реминисценциями и образами «Слова», появляется снова у М. Хераскова (в поэме «Бахариана») и у многих других писателей — В. Жуковского («Певец во стане русских воинов»), А. Пушкина («Руслан и Людмила»), поэтов-декабристов К. Рылеева («Боян», «Владимир Святой», «Рогнеда»), Н. Языкова («Боян к русскому воину...», «Песнь барда...», «Песнь Бояна...», «Услад») и т. д. В их творчестве образ Бояна приобретает устойчивые черты талантливейшего мастера слова, главным образом певца героических деяний, певца-гражданина и патриота. Это стало традицией, которая развивается и в нашу эпоху.

Те или иные отзвуки «Слова о полку Игореве» слышатся, кроме того, во многих произведениях русских писателей первой половины XIX в., таких как «Письма к другу» и стихотворение «Сетование русской девы» Ф. Глинки, «Повесть о Мстиславе I Владимировиче» Н. Львова, «Славянские вечера» В. Нарезного, романы «Кощей бессмертный» и «Святославич» А. Вельтмана, «Аскольдова могила» М. Загоскина и др. Во многих из них встречаются простые стилизации и подделки «под старину», а в творчестве прогрессивных писателей, в особенности у поэтов-декабристов (К. Рылеева, А. Бестужева, близкого к ним Ф. Глинки), звучат в основном героические и гражданские мотивы «Слова». Это же касается творчества Н. Гнедича (конкретнее, набросков поэмы о Васильке Теревольском), А. Пушкина, Н. Гоголя (прежде всего как автора «Тараса Бульбы»), М. Лермонтова [21, с. 142—210].

В первой половине XIX в. довольно активно стало осваиваться «Слово о полку Игореве» и в украинской литературе. По отношению к нему на Украине в этот период возникла примерно та же ситуация, что и в России, усиленная еще тем, что «Слово» возникло на юге Руси, вошедшем впоследствии в пределы Украины, а также его близостью к былинам и особенно

украинским думам, на что одним из первых обратил внимание М. Максимович, поддержанный В. Белинским [15, с. 166—167; 22, с. 98—99].

Если в русской литературе интерес к «Слову» проявился в начале его освоения в мусин-пушкинском прозаическом переводе, то в украинской литературе он обнаружился чуть позже — в самом начале XIX в. — в творческом восприятии И. Котляревского как автора последних частей прославленной поэмы «Енеїда» [15, с. 166, 174; 23, с. 14]. Белецкий полагает, что такие стихи ее четвертой части, как

Не хмара сонце заступила,
Не вихор порохом вертить,
Не галич чорна поле вкрила,
Не буйний вітер се шумить:
Се військо йде всіма шляхами,
Се ратне брязкотить збруями.,

могли быть навеянными строками «Слова»: «Не буря соколы занесе чрезь поля широкая; галици стады бѣжать к Дону великому...» [15, с. 166]. Обращение к героико-патриотическим мотивам этого памятника восточнославянской старины стали традиционными не только для русской, но и украинской, а затем и белорусской литературы.

Вскоре появились также первые украинские переводы «Слова о полку Игореве», в чем инициаторами выступили писатели Западной Украины, члены «Руської трійці» М. Шашкевич и И. Вагилевич. К сожалению, их переводы были опубликованы с большим опозданием, как и ряд других работ этих украинских писателей XIX в.

Имеются сведения о том, что М. Шашкевич в 1833 г. полностью перевел «Слово» ритмической прозой, но сохранился только «Плач Ярославны», увидевший свет в 1904 г. Этот перевод на украинский язык отличается поэтичностью и близостью к оригиналу. Эти качества присущи и прозаическому переводу «Слова» того же времени, осуществленному (правда, на более низком художественном уровне) И. Вагилевичем и опубликованному только в 1884 г. Совершенно иной характер имеют переложения этого произведения галицких москвофилов (И. Левицкого, Б. Дидицкого и др.), пользовавшихся «язычием» — искусственным славяно-русско-украинским языком со значительными элементами полонизмов.

Вполне естественно, что отголоски «Слова о полку Игореве» так или иначе звучат в оригинальном творчестве его украинских переводчиков, начиная с М. Шашкевича и И. Вагилевича. Так, в ряде стихотворений Шашкевича исторического и романтического характера («О Наливайку», «Болеслав Кривоустий...», «Згадка», «Сумрак вечерній») и в его сказке «Олена» встречаются реминисценции и образы «Слова», о чем говорят, например, такие выражения стихотворения «О Наливайку», как «Вдовж списами городили зелені байраки», «дим в'єсь по болоні. Від розсвіту аж до смерку ржуть бистрії коні», «орють копитами і т. п. То же следует сказать о творчестве И. Вагилевича, в частности о таких его произведениях, как поэма «Мадей». В ней имеется немало строк, представляющих собой реминисценции из «Слова» (например, «Кіньми зорю долиноньку, /Засію стрілами», «Шумлять тучі срібних стрілок/Та мечі бряжчать»). Кроме того, И. Вагилевич в предисловии к народным песням, опубликованным в сборнике «Русалка Дністровая» (1837), упоминает о древних «Боянах», которые «пускали по десять соколів на стадо лебедей, а з уст виливали почесну славу витязів хоробрих і уми поострювали мужеством». Нетрудно заметить, что это — перифраз «Слова». С этого времени образ Бояна как идеал поэта-певца прочно вошел в украинскую литературу.

Отзвуки «Слова» обнаруживаются и в творчестве других западноукраинских писателей первой половины и середины XIX в., таких как А. Могильницкий («Скит Манявський») и М. Устиянович («Смерть князя Романа...», «Ужас на Русі...», «Похід Русі на Царгород»), многие строки которых отражают стилистическое влияние «Слова».

Неоднократно к «Слову» обращались романтики Западной и Восточной Украины. Это касается в первую очередь А. Метлинского («Козача смерть»)

и Н. Костомарова. Так, последний в поэме «Ластівка» «обыгрывает» известное выражение повести-поэмы о походе Игоря «испити шеломомь Дону», а также по-своему трансформирует сцену битвы и воспевание победы со ссылкой на отклики иноземцев [23, с. 14—15].

В середине XIX в. из украинских писателей большое внимание «Слову о полку Игореве» уделили Т. Шевченко, А. Афанасьев-Чужбинский, М. Максимович, П. Кулиш, С. Руданский [15, с. 169—170; 24, с. 20—23]. Особенно ценный вклад в освоение украинской литературой этого древнего произведения внес Шевченко [25, с. 400—409]. Он собирался перевести все «Слово», но не смог осуществить этого намерения, оставив только два блестящих поэтических переложения — «Плач Ярославны» и «З передсвіта до вечора» (1860). Шевченковский «Плач Ярославны» известен в двух редакциях — от 4 июня 1860 г. — более пространной и от 14 сентября 1860 г. — сжатой (незавершенной). Стихотворение «З передсвіта до вечора» является художественным переводом-переложением картины боя на Каяле. Эти два наиболее ярких эпизода «Слова» привлекли творческое внимание Шевченко, в их переложениях его талант органически сочетается с гением создателя повести-поэмы.

В 1857 г. опубликовал свой перевод «Слова» «на народну мову Малоросії» М. Максимович — известный исследователь этого произведения, а также один из его переводчиков и на русский язык (1837) [26, с. 283 — 293]. Работа М. Максимовича в основном является поэтическим переложением, ибо он не ставил своей целью передать ритмическое своеобразие и оригинальную поэтику оригинала. При этом легкость и доступность данного перевода-переложения, впервые своевременно дошедшего до украинских читателей в условиях социального и национального гнета, обеспечили ему немалый успех в дооктябрьской литературе Украины.

Еще раньше (около 1854 г.) А. Афанасьев-Чужбинский осуществил украинский перевод «Слова», высоко оцененный критикой, но не опубликованный [15, с. 169; 24, с. 20]. Долгое время не был известен и перевод-переложение С. Руданского, подготовленный еще в 1860 г., а напечатанный лишь в 1896 г. Его автор, подобно Максимовичу, тщательно работал над «Словом» и как исследователь. Он тоже тесно связывал это произведение с фольклорной поэтикой, ссылаясь на Белинского, и работу по его интерпретации выполнил как «співомовну». Его перевод-переложение «Слова» относится к лучшим достижениям украинской литературы середины XIX в. [24, с. 21—22; 27, с. 136—139].

Из украинских писателей середины XIX в. к «Слову о полку Игореве» чаще всего обращался П. Кулиш [15, с. 174—175; 23, с. 19—21]. Его отношение к этому памятнику было сложным и противоречивым. Он начал с механического использования «Слова» в поэме «Україна», затем более творчески подошел к нему в романе «Чорна рада», вдохновлялся образом Бояна («До Гани Барвінок», пролог к «Царю Наливаю»), который был им искажен в позднейшей поэме «Грицько Сковорода». Противоречия мировоззренческой позиции Кулиша отразились и на его отношении к «Слову».

Как видим, новая украинская литература дореформенного периода в освоении «Слова о полку Игореве» достигла, подобно русской литературе, значительных успехов. По верному замечанию А. Белецкого, начиная уже с этого времени, «оно не раз питало» украинскую литературу, вплоть до нашего времени, «своими темами, образами, эмоциями, стилистическими оборотами», став «в некоторой мере... одним из факторов» ее поступательного движения [15, с. 174].

Во второй половине XIX в. процесс освоения «Слова о полку Игореве» восточнославянскими литературами получил дальнейшее развитие. Если раньше в этом процессе заметно впереди шла русская литература, то в данный период с ней сравнялась литература украинская. Только новая белорусская литература все еще не включалась (до начала XX в.) в освоение «Слова».

Заметным фактом в русской литературе второй половины XIX в. является художественный перевод «Слова», сделанный А. Майковым

(«Заря», 1870, № 1) и отличавшийся, помимо поэтических достоинств, высоким научным уровнем [14, с. 81—82]. А. Майков, работая над переводом, тщательно изучил оригинал, снабдил свой труд ценными «предварительными замечаниями» и примечаниями, не потерявшими своего значения и в наше время. Перевод «Слова», принадлежащий А. Майкову, относится к лучшим в истории поэтических переложений этого произведения.

Ближайшими продолжателями А. Майкова в поэтической интерпретации «Слова» выступили Н. Алябьев (1873), Н. Бицын (1874), А. Скульский (1876), Словесник (1879). Однако они допускали стилизацию в плане чуждых этому памятнику жанров: Н. Алябьев перелагал «Слово» в духе «Причитаний Северного края» Е. Барсова, А. Скульский — в ритмах «Песни про купца Калашникова» М. Лермонтова и стихотворений А. Кольцова, Словесник — в стиле старых «русских» стихов, якобы былинного склада, и только Н. Бицын придерживался наиболее соответствовавшей оригиналу ритмической прозы [18, с. 47].

В 1890 г. увидела свет адаптация «Слова» И. Хрущева, предназначавшаяся «для народа». Наивная упрощенность текста была призвана, по мнению автора, приблизить великое творение к уровню понимания народных масс.

Таким образом, никто из интерпретаторов «Слова» в новой русской литературе не смог пойти дальше В. Жуковского и А. Майкова, чьи переводы остаются во многом образцовыми и в наше время.

Во второй половине XIX в. «Слово о полку Игореве» продолжало воздействовать на ряд оригинальных русских произведений, например, А. Толстого, К. Ушинского и др. В этом отношении показательное мастерское использование его образов в «Песне гусяров» из пьесы А. Островского «Снегурочка» (1873). Здесь встречаются наиболее яркие поэтические образы «Слова»: вещи рокочущие струны («Струны боянов греметь не престанут»), картины битвы («Прыцут стрелы дождем», «Гремят мечи о шелома стальные»), метафоры печали («Тугою поникли деревья и травы»), а главное — яркое противопоставление войны мирному труду («Миром красна Берендея держава», «Слава в роды и роды блюстителю мира!»), что свидетельствует о глубоком проникновении А. Островского в идейную сущность «Слова» [14, с. 84].

Все более глубокое проникновение в идейно-художественное содержание «Слова о полку Игореве» — характерная черта процесса освоения памятника восточнославянскими национальными литературами. Традиция, ведущая свое начало от Радищева, поэтов-декабристов, украинских прогрессивных романтиков и Шевченко, ярко проявляется и в нашу эпоху.

Отмеченное весьма характерно для украинской литературы второй половины XIX в. В ней появились новые переводы и переложения «Слова» Ю. Федьковича (середина 60-х годов), И. Франко (1873), В. Кендзерского (1875), К. Шейковского (1885), Панаса Мирного (1883, публикация 1896 г.), М. Чернявского (1894), из которых два последних относятся к лучшим достижениям в освоении этого произведения на Украине. «Плач Ярославны» и эпизод побега Игоря из плена ритмической прозой переложил (в середине 60-х годов) В. Мова. Прозой и стихами перевел «Слово» (1885) Б. Гринченко, стремясь приблизить его к пониманию простого народа, продолжая этим линию М. Шашкевича, М. Максимовича, Ю. Федьковича.

В оригинальном творчестве перечисленных украинских писателей, работавших над освоением «Слова о полку Игореве», оно оставило весьма явные отзвуки. Это касается прежде всего Ю. Федьковича, часто обращавшегося к образу Бояна («Оскресни, Бояне!», «До руського боянства», «До нашого батька Могилиницького», «Празник у Такові») и давшего блестящее поэтическое переложение «Плача Ярославны». Его перу принадлежит и полная реминисценций, почерпнутых из «Слова», незаконченная поэма «Слава Ігоря» [28, с. 62—63]. Особенно часто и плодотворно обращался к этому памятнику древности и как исследователь, и как поэт И. Франко [24, с. 24—26; 23, с. 21—22]. Об этом свидетельствуют его поэмы «Бунт Митуси», «Ольга», «Євшанзілля», «Кончакова слава», драмы

«Три князі на один престол», «Сон князя Святослава», повесть «Захар Беркут», особенно цикл стихотворений «На старі теми» и многие другие произведения. В них обычно мотивы и образы «Слова» служат поэтическому воплощению современных писателю актуальных проблем. Такой творческий подход к источнику — вершина осмысления «Слова» в дооктябрьской литературе. В значительной мере он характерен и для некоторых других украинских писателей, в частности Панаса Мирного, И. Манжуры, М. Чернявского.

В конце XIX — начале XX в. к «Слову» в русской литературе обращались сравнительно редко. Более активно оно входило в орбиту интересов украинских писателей этого времени. Это произведение стало привлекать творческое внимание и белорусских писателей.

В данный период в русской литературе появились новые переложения «Слова» таких поэтов, как Г. Вольский (1908), А. Кичеев (1911), Н. Бибииков (1913), П. Соболев (1914). Они интерпретировали это произведение в духе исторических баллад А. Толстого или поэзии С. Надсона [29, с. 223—225]. Зато плодотворным было творческое использование поэтических богатств «Слова» в ряде произведений И. Бунина (стихотворение «Ковыль», рассказ «На Донце» [14, с. 85—86]); К. Случевского — «Ты не гонишь за рифмой своенравной...», в котором обращение к плачущей Ярославне подчिनено мысли о непреходящей ценности поэзии; это же следует сказать об отклике на названное стихотворение — об «Ответе на „Плач Ярославны“» В. Соловьева, а также о стихотворении В. Брюсова «Певцу Слова», в котором образ Ярославны выступает вечно живым, прекрасным воплощением образа русской женщины [14, с. 86]. Отдельные поэтические места произведений А. Блока тоже восходят к поэтике «Слова» («Скифы», цикл «На поле Куликовом», «Новая Америка» [14, с. 86—87]). Многие почерпнул из этого нестаряющего произведения и С. Есенин [30, с. 71—87]. Совершенно иной характер имеют обращения к «Слову» футуристов. Так, Н. Гейрихсен под видом его перевода (1914?) фактически дал инсценировки его сюжета, где фигурирует какой-то древнерусский вельможа, пирующий с князьями и дружиной, которому некий «бай-певец» исполняет «песню-былину» про «Игоря лихого». Этот замысел далек от духа «Слова», извращает его смысл [18, с. 49].

В конце XIX — начале XX в. украинская литература обогатилась новыми переводами и переложениями «Слова о полку Игореве», обладающими значительными поэтическими достоинствами. Они принадлежат И. Стеценко (первый вариант 1899 г.), К. Зинькивскому (1907; полностью его перевод напечатан только в 1967 г.), В. Шурату (1907) и др. Поэтическое переложение «Плача Ярославны» удачно выполнил, опубликовав его в 1901 г., М. Вербицкий (М. Белокопытый). Много аналогичных работ появилось на Западной Украине, хотя в ряде случаев они не отличаются высоким качеством [23, с. 8—9]. В общем эти переводы и переложения популяризовали «Слово» не только среди интеллигенции, но и среди более широких масс.

Многие украинские писатели конца XIX — начала XX в. обращались к «Слову о полку Игореве» как к неиссякаемому источнику вдохновения, тем, образов и самобытной поэтики, творчески переосмысляя их в собственном искусстве. Об этом свидетельствуют, например, стихотворение «Князь Ігор» и поэтический цикл «Донецькі сонети» М. Чернявского, книга «Княжі часи» А. Олеса, такие исторические повести, как «Князь Ярослав Осмомисл» О. Назарука и «Шеломи в сонці» К. Гриневичевой (в последнем произведении очень заметно орнаментально-декоративное использование художественных средств и мотивов «Слова» [15, с. 176—177]), некоторые новеллы В. Стефаника и Марка Черемшины (особенно удачной является вариация темы «Плача Ярославны» в новелле последнего «Туга») и целый ряд других [23, с. 22—26]. Возникновение подобных произведений свидетельствовало о том, что процесс освоения «Слова» в украинской дооктябрьской литературе все больше усиливался. Он содействовал повышению идейного и эстетического уровня целого ряда произведений украинских писателей.

В начале XX в. в процесс освоения «Слова о полку Игореве» постепенно включилась и белорусская литература. Особое место принадлежит здесь талантливейшему поэту М. Богдановичу. Он основательно знал мировую и прежде всего восточнославянскую литературу, начиная с художественной письменности Киевской Руси. В частности, его внимание привлекли главным образом те места «Слова», которые так или иначе связаны с Белоруссией. На основе одного из таких эпизодов М. Богданович создал стихотворение «Песня пра князя Ізяслава Полацкага». Оно имеет подзаголовок, указывающий на источник: «З „Слова о полку Ігореве“». Здесь отчетливо проявляется не только идейно-тематическое, но и стилистическое влияние «Слова»:

Даўнымі часамі
Аб літоўскія шаломы
Пазваніў мячамі...
І улёгся нерухома
На траве крывавай
Пад чырвонымі сваімі
Роднымі шчытамі.

Конец стихотворения прямо перекликается с известным местом «Слова», в котором говорится о результатах княжеских раздоров, — о том, как «унылы голасы, нониче веселіе, трубы трубяць городеньскіі»:

Засмуцілася выселосць,
Песні замаўкаюць,
І жалобна, сумна трубы
У Гародні граюць.

Это стихотворение М. Богдановича близко к аналогичным русским и украинским поэтическим переложениям «Слова» и его отдельных частей. В то же время это в целом самостоятельное произведение, созданное на основе творческого освоения древнего источника, написанное по его мотивам. Это уже высшая ступень освоения «Слова», которой достигли восточнославянские писатели к началу XX в. Данная линия успешно продолжена в советской литературе, в таких ее образцах, как «Свиснув Овлур за рікою» М. Рыльского, свидетельствуя о преемственности традиций.

В советскую эпоху началось качественно новое освоение «Слова о полку Игореве» восточнославянскими литературами. Оно идет, как прежде, по линии переводов и переложений, а также по линии творческого использования неисчерпаемых идейно-художественных ценностей этого произведения, но в целом на более высоком уровне с более глубоким проникновением в его сущность. Названные линии освоения советскими восточнославянскими литературами «Слова» развиваются параллельно. Исключительно «высоковольтными» они становятся в периоды юбилеев этого памятника (1938, 1985) и его первого издания (1950, 1975).

Уже в первые революционные годы ряд советских русских писателей обратился к образам и поэтике «Слова» с целью более яркого описания борьбы за советскую власть. Так, в повести Б. Лавренева «Кровный узел» (1919) ощутимо его воздействие в описании природы, батальных сцен, а также в символике художественных образов. В этой повести белогвардейская конница рисуется как половецкие орды, летевшие «от Дона, от моря Тмутараканского к живой сердцевине страны», на знаменах которых «ширляла черноперыми острыми крыльями когтящая Дивптица с двумя коронованными головами». Удачно используется образная система «Слова» также А. Малышкиным в «Падении Даира» (1921), Н. Никитиным в «Бунте» (1923) и др. [14, с. 87—88; 31].

В русской советской поэзии первых периодов ее развития воздействие «Слова» можно обнаружить в таких произведениях, как поэма Э. Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926), в частности, в ее картинах природы, слитой с людьми и описываемыми событиями («Брешут рыжие лисицы на

чумацкий лагерь»), упоминании зловещего Дива («Див сулит полночным кликом/Гибель Поднестровью») и т. п.

Из украинских советских писателей к «Слову о полку Игореве» одним из первых обратился Павло Тычина в двух стихотворениях под названием «Плач Ярославни» (1923). В первом из них этот образ своеобразно трансформирован в духе идей периода революционных событий; во втором — творчески использован известный мотив «Слова» в картине бегства разгромленного белого войска:

Що шумить—дзвенить верхами?
Що там трусить порохами
Вранці на зорі?
То тікаючи туманять
Королі й царі...

В молодой белорусской советской литературе обращение к «Слову» впервые ярко проявилось в переводе его на национальный язык Янкой Купалой, осуществленный вначале прозой (1919), а затем и стихами (1921). В последнем И. Еремин видит «печать его собственного (Я. Купалы. — П. О., О.О.) поэтического стиля» [18, с. 58], хотя в общем он относится к лучшим художественным переводам этого памятника в советское время.

С этого же времени стали появляться переводы «Слова» русских и украинских его исследователей (А. Ордова, С. Шамбинаго, В. Ржиги, Н. Гудзия, И. Еремина, Л. Тимофеева, Д. Лихачева, М. Возняна, Н. Грунского и др.). Они отличаются близостью к оригиналу, в ряде случаев приближаются к «объяснительным» работам и ведут свое начало от первого — мусин-пушкинского — перевода этого памятника.

В советское время первые художественные переводы и переложения «Слова» (Г. Шторма и С. Шервинского) были опубликованы в 1934 г. К 750-летию этого знаменитого произведения (1938) и в последующие годы появился ряд новых работ такого рода (И. Нэвикова, С. Басова-Верхоаянцева, М. Тарловского, Д. Семеновского и др.), лучшими из которых являются переводы В. Стеллецкого, А. Югова и Н. Заболоцкого. Большинство из них выполнено ритмической прозой, что способствовало сохранению близости к подлиннику. Это характерно и для переложений «Плача Ярославны» С. Городецким и В. Звягинцевой.

Следует отметить, что переводы В. Стеллецкого и А. Югова увидели свет в период Великой Отечественной войны (в 1944 и 1945 гг.), а Н. Заболоцкого — в первый послевоенный (1946) год. Это отразило обостренный интерес к героическому прошлому народа, в частности к описанным в «Слове» событиям, в напряженный военный период.

В украинской советской литературе тоже имеется много переводов и переложений «Слова» (В. Свидзинского, Л. Гребинки, А. Коваленко и др.), среди которых лучшими признаны работы М. Рыльского и Н. Забили. Кроме них, имеется ряд переводов и переложений «Плача Ярославны» (А. Коржа, И. Лукьяненко, И. Земнухова, Р. Чумака) и других эпизодов «Слова» (например, «Тоді по Руській землі...» П. Тычины) [24, с. 31—35]. В творчестве как переводчиков, так и многих украинских советских писателей «Слово» оставило свой неизгладимый след. Сказанное касается прежде всего М. Рыльского (стихотворение-вариация «Свиснув Овлур за рікою», «Слово про рідну матір»), а также М. Бажана (стихотворение «Слово о полку», поэма «Данило Галицький»), И. Кочерги (драма «Ярослав Мудрий»), А. Хижняка (роман «Данило Галицький»), С. Скляренко (романы «Святослав» и «Владимир»), П. Загребельного (романы «Диво», «Первоміст», «Смерть у Києві», «Свипраксія») и других, в том числе таких представителей «крылатой» (с романтическим уклоном) прозы, как А. Довженко, Ю. Яновский, О. Гончар [23, с. 26—46].

С особой силой проявилось идейно-пафосное воздействие «Слова о полку Игореве» на советскую литературу периода Великой Отечественной войны. Этому времени созвучны были прежде всего его героические мотивы, отразившиеся в таких произведениях, как «Слово про рідну матір»

М. Рыльского, «Слово» Н. Болотовой, и образ Ярославны — любящей жены и патриотки. Этот образ переосмыслился в новом плане еще в предвоенный период («Ярославна» А. Прокофьева, «Ярославна» В. Звягинцевой, «Плач Ярославни» А. Малышко, «Плач Ярославни» Л. Первомайского) и особенно часто в военное время, о чем свидетельствуют стихотворения «Ярославна» Л. Татьянической, цикл стихотворений П. Антокольского «Ярославна», стихотворения «Мати», «Ярославно, Ігор знову кличе», «Дружили, радились недавно», сборники «Слово о полку» и «Ярославна» А. Малышко, стихотворение «Похідна», поэма «Ярославна» П. Воронько, стихотворение «Вірність» А. Ющенко, поэма «Сцяг бригады» А. Куляшова, стихотворения «Словаприсягі» П. Глебки, «Курган» П. Панченко и др. Ярославна обычно выступает в поэзии военных лет как символ женской верности и терпеливости, как образ бесстрашной женщины-патриотки, идущей рядом со своим возлюбленным или помогающая мужу, сыну в годину тяжелых испытаний.

В послевоенное и последующее время интерес к «Слову о полку Игореве» у писателей восточнославянских литератур не снизился. Это подтверждается появлением новых русских и украинских его переводов и переложений С. Ботвинника (1957), Н. Рыленкова (1962), А. Чернова (1979), И. Шкляревского (1980), В. Шевчука (1982), В. Малыка (1983), С. Пушика (1984) (два последних перевода даны с попыткой реконструкции текста оригинала), а также «Плача Ярославны» Е. Куниной (1961), В. Соболевского (1961; на русском и украинском языках) и др.

В восточнославянских литературах этого периода тоже в ряде случаев слышны отзвуки «Слова о полку Игореве». Для примера можно сослаться на стихотворения белорусского поэта К. Киреенко «Ты — мая Яраслаўна» (1953) и русского поэта Н. Рыленкова «Ярославна» (1961), где снова переосмыслиется древний образ героини «Слова»; стихотворный цикл В. Сосноры «По мотивам „Слова о полку Игореве“» (1962); стихотворение М. Танка «На Нямізе» (1967), в котором автор бессмертной повести-поэмы призывается «з-пад кургана векавога ўстаць нанова», чтобы посмотреть на обновленную землю; поэму В. Гончарова «За Русскую землю» (1970), представляющую собой перевод-пересказ «Слова» [32, с. 111—112]; поэму Л. Татаренко «Гром с Путивля» (1980), стихотворение молодого поэта-сумчанина А. Педяша «Ярославна» (1981) и др. Сами названия этих произведений говорят об их ориентации на «Слово».

Бесспорно, 800-летие «Слова» (1985) способствует подъему новой волны интереса к памятнику не только в научной области, но и в сфере художественного творчества, о чем свидетельствуют упомянутые работы Ш. Шкляревского, В. Малыка, С. Пушика, А. Педяша и др.

Особое место занимают произведения восточнославянских литератур, посвященные автору «Слова о полку Игореве» и походу Игоря Святославича на половцев. Таковыми в русской литературе являются «Ироический сказ о походе на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича» Г. Шторма (1926), повести «Сын тысяцкого» И. Новикова (1938) и «Иду на вы» Г. Троицкого (1939), пьеса Е. Пермяка «Шумите, ратные знамена» (1941) [33, с. 45—46], частично роман-эссе В. Чивилихина «Память» (1980—1984); в украинской литературе — пьеса Г. Хоткевича «О полку Игоревім» (1925) и роман В. Шевчука «Велесич» (1980). В названных произведениях явственно выступает влияние «Слова», а также летописей древней Руси.

Таким образом, даже этот далеко не полный обзор свидетельствует о большом и важном идейно-художественном воздействии «Слова о полку Игореве» на русскую, украинскую и белорусскую литературы. Оно явилось важным ферментом развития и в то же время стимулом их сближения на всем историческом пути. Среди традиций художественной письменности Киевской Руси в русской, украинской и белорусской литературах первое место занимает «Слово о полку Игореве» [34, с. 46—54; 35, с. 19—21], оставаясь эталоном произведения словесного искусства.

1. Актуальные проблемы «Слова о полку Игореве». Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 800-летию «Слова». Сумы, 1983.
2. «Слово о полку Игореве» и Чернигово-Северщина. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 800-летию «Слова». Сумы, 1984.
3. Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Русской земли». — ТОДРЛ, т. XV. Л., 1958.
4. Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки АН СССР, т. XII. М., 1941.
5. Гудзий Н. К. История древней русской литературы, изд. 7. М., 1966.
6. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.
7. Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». — Русская литература, 1964, № 3.
8. Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.
9. Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.
10. Дежкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.
11. Ахрыменка П. П., Ларчанка М. Р. Старажытная беларуская літаратура. Мінск, 1968.
12. Охрименко П. П., Охрименко О. П. Взаимосвязи древних русской и белорусской литератур. — Вопросы русской литературы, вып. 2 (14). Львов, 1970.
13. Охрименко П. П. Русско-украинско-белорусское литературное единение. Сумы, 1982.
14. Дмитриев Л. «Слово о полку Игореве» и русская литература. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Л., 1967.
15. Білецький О. І. «Слово о полку Ігоревім» та українська література ХІХ—ХХ ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Т. І. Київ, 1959.
16. Панышева Ю. В. «Слово о полку Игореве» в русской и украинской поэзии ХІХ—ХХ веков. — Ученые записки Ленинградского ун-та, серия филолог. наук, вып. 4, 1939.
17. Ларчанка М. Р. «Слова аб палку Ігаравым» і беларуская літаратура. — В кн.: Беларуская літаратура і літаратуразнаўства, вып. 4. Гомель, 1976.
18. Еремін І. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Ученые записки Ленинградского ун-та, серия филолог. наук, вып. 13, 1948.
19. Сиповский В. В. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины ХІХ в. — Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР, т. III, кн. 1. М., 1930.
20. Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца ХVІІІ — начала ХІХ в. — В кн.: «Слово о полку Игореве». М., 1947.
21. Прийма Я. Ф. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети ХІХ в. Л., 1980.
22. Головеченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955.
23. Пивчук С. П. «Слово о полку Игореве» и украинская литература ХІХ—ХХ вв. Киев, 1971.
24. Мазновець Л. У віках безсмертне. — В кн.: «Слово о пльку Ігоревѣ» та його поетичні переклади і переспіви. Київ, 1967.
25. Попов П. Н. «Слово о полку Игореве» в переводе Т. Шевченко. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М. — Л., 1950.
26. Данилов В. В. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М. — Л., 1950.
27. Охрименко П. Дослідник і перекладач «Слова о полку Ігоревім». — В кн.: Степанові Руданському. Одеса, 1968.
28. Охрименко П. П. Відгуки «Слова» у творчості Ю. Федьковича. — В кн.: Юрій Федькович. Чернівці, 1984.
29. Шамбинаго С. Художественные переложения «Слова». — В кн.: «Слово о полку Игореве». М. — Л., 1934.
30. Двинышинов Б. Традиции «Слова о полку Игореве» в поэзии Есенина. — В кн.: Сергей Есенин. М., 1967.
31. Ершов Л. Ф. Русский советский роман. Национальные традиции и новаторство. Л., 1967.
32. Дмитриев Л. Поэтическая жизнь «Слова о полку Игореве» в русской литературе. — В кн.: «Слово о полку Игореве». М., 1923.
33. Дмитриев Л. А., Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Л., 1952.
34. Охрименко П. П., Охрименко О. П. Традиции и отзвуки литературы Киевской Руси в русской, украинской и белорусской литературах. — Советское славяноведение, 1982, № 5.
35. Охрименко П. П. Оригинальность и своеобразие памятников литературы Киевской Руси и ее значение в единении восточных славян. Сумы, 1982.

БЕНДА КЛЕМЕНТ

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

В раннем средневековье, когда во многих областях Европы в сфере монументального искусства из-за социально-политических потрясений наступил длительный период упадка, изделия разных отраслей художественного ремесла заменили отсутствующие произведения живописи и скульптуры. Они по существу являются единственным источником для изучения не только возникавшего средневекового искусства, но и культурных традиций, торговых и культурных связей. В то же время, будучи предметами материальной культуры, они позволяют делать выводы о социальных отношениях в отдельных догосударственных и государственных образованиях так называемых варварских этно-социальных групп в период их перехода от военной демократии к классовому обществу.

Великоморавское прикладное искусство не составляет в этом отношении исключения. Расцвет его относится к IX в., но своими корнями оно уходит в VIII в., а сильное влияние его можно проследить еще в первой половине X в. на западных окраинах бывшей Великой Моравии, прежде всего в Чехии.

Начало художественного творчества у моравских славян можно наблюдать уже во второй половине VIII в. — в период распада аварского каганата, в состав которого они входили, и возникновения нового, славянского государственного образования. Этот процесс завершился в первой трети IX в. объединением Моравского и Нитранского княжеств. Новые социальные явления — прежде всего, основание городищ как центров определенных земледельческих областей, появление нового похоронного обряда — захоронение несожженных трупов с постепенным отказом от трупосожжения и устройство могил знати с богатыми дарами под высоким насыпным курганом — свидетельствуют о глубокой социальной дифференциации и совершенно ином по сравнению с аварским типе политической и административной организации. По мнению чешских археологов, возникновение большинства городищ можно отнести к концу VIII в. [1, s. 177]. Рост славянских политических объединений как в Моравии, так и в других окраинных областях аварского каганата — в Каринтии, Штирии, Словении и Хорватии, — значительно ускорили два военных похода Карла Великого против авар в 791 и 796 гг., в результате которых каганат был полностью разгромлен [2, S. 749]. Одновременно моравские славяне попадают в круг влияния культурных традиций и художественных форм Франкской империи. Особенно ярко это проявилось в первой половине IX в. в развитии прикладного искусства древних мораван, основу которого составлял придунайский или позднеаварский стиль второй половины VIII в. Анализ этого раннего периода целесообразно предварить небольшим историческим экскурсом.

С 796 г., когда на территории современной Нижней Австрии состоялся церковный синод, называемый в источниках того времени «синодом на бе-

регах Дуная», в Моравию, Паннонию и в славянские области к северу от Дуная проникает христианство. Одновременно в Моравии возникают первые памятники монументального искусства — каменные церкви, построенные миссионерами [3, s. 174; 4, s. 29]. В настоящее время известно около двадцати этих небольших по размеру сооружений. Памятники художественного ремесла раннего периода развития великоморавской культуры обнаружены, во-первых, в крупных городищах, служивших племенными (в Чехии) или областными (в Моравии и Словакии) центрами, во-вторых, в курганах захоронения знати, сооруженных неподалеку от этих городищ, в-третьих, в могилах на кладбищах, при старейших христианских церквях, построенных непосредственно на городищах или вблизи от них.

В культурных слоях самых древних моравских и чешских городищ археологи находят чаще всего бронзовые литые изделия (наконечники поясов, различные бляшки, предназначавшиеся для декорирования снаряжения воинов и конской сбруи), украшенные орнаментом из полушальметок и их производных [5; 6, s. 44; 7, s. 105; 8, s. 40]. Редко встречаются такие же наконечники и бляшки в древнейших захоронениях вокруг христианских церквей¹. Тысячи экземпляров этих литых изделий обнаружены в погребениях Карпатской котловины аварского периода. Характерно, что несмотря на свою многочисленность, они почти всегда составлены в определенном порядке. Социальное и магическое значение отдельных частей этих украшений, в частности декора поясов, исследовали главным образом венгерские ученые, в частности Д. Ласло [9]. К моравским славянам путем обмена или в качестве добычи попадали только отдельные экземпляры аварского художественного ремесла. Производство литых бронзовых изделий прекратилось на рубеже VIII—IX вв. с падением аварского каганата, поскольку оно осуществлялось в центральных мастерских при главном лагере кагана или в центрах отдельных племен или областей [10]. В среде моравских славян изделия позднеаварского периода представляют древнейшие художественные памятники вообще. Их распространение можно отнести к последней четверти VIII — первой четверти IX в. Однако отсутствие полной гарнитуры украшений, восприятие моравскими славянами только отдельных аварских изделий прикладного искусства свидетельствует о резком различии славянской и аварской культурных сфер.

С начала IX в. к моравским славянам попадает роскошное каролингское оружие, прежде всего мечи — короткие, так называемые «саксы» и длинные тесаки с острием на одной стороне — «скрамасаксы» [11, илл. 59, 60, 63, 67, 68, 71; 12, табл. XLVIII, I]. Мечи относятся, по общепринятой классификации Я. Петерсена, чаще всего к простому типу X, а также к более редким типам *K*, *M*, *D*. Почти все они происходят из Рейнской области [13, S. 215; 14, s. 73]. С Запада проникают в моравскую и словацкую среду также шпоры, которых авары не знали, самые древние их формы с крючками, а также младший тип с удлинненными плечами. Последние были выкованы из железа и украшены медью путем дамаскирования. Встречаются также бронзовые литые изделия. Мечи почти все, за редкими исключениями, ввозные. О шпорах можно с уверенностью сказать, учитывая их декоративные элементы, что они во многих случаях сделаны в моравской славянской среде. Видный чехословацкий ученый академик Эйсер был убежден в том, что после разгрома каганата аварские мастерские опустели и мастера перешли частично к придунайским славянам [15, s. 328]. Действительно, моравские изделия первой половины IX в. большей частью отлиты из бронзы. По форме и характеру растительный орнамент и другие элементы декора, например, маски с мотивами человеческого лица, функция которых была несомненно охранной, частично исходят из аварской традиции, но в то же время уже отражают новые импульсы, пришедшие с европейского Запада (рис. 1).

Франкское влияние проявилось в изменении пропорций металлических наконечников поясов, в форме тыльной их части; аварские же тради-

¹ Например, Модра, могила № 22, Микульчице, могила № 108.

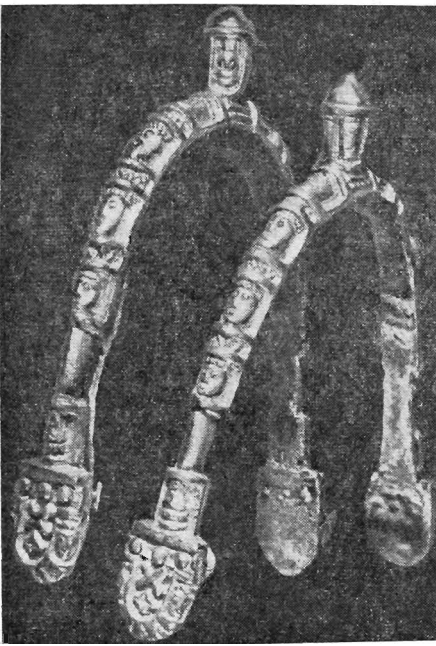

Рис. 1

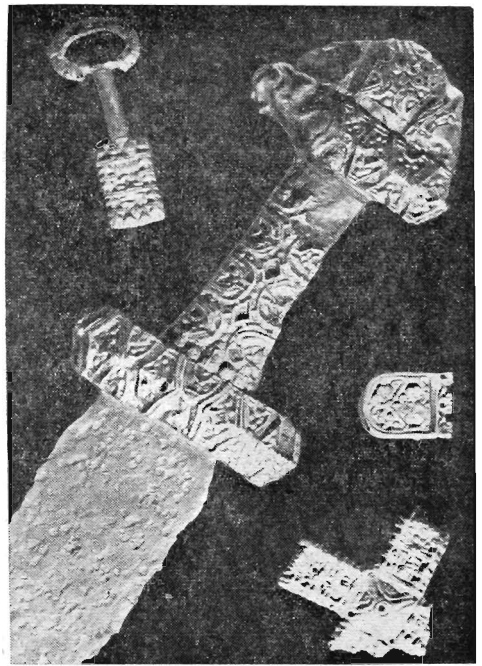

Рис. 2

дии — в массивной обработке окружной части наконечников, в пунктирном фоне, в абстрактном растительном орнаменте. В декоративном мотиве масок можно различить два антропологических типа, — европеоидный и монголоидный.

В первой половине IX в. из бронзы отливались также женские украшения, в том числе и легкие серьги. К самым древним их типам принадлежат простые кольцообразные с тремя шариками в нижней половине. Они также относятся к памятникам придунайского направления. Самые роскошные украшения довеликоморавского периода были найдены в кургане с погребением вельможи в с. Блатница близ г. Мартина (Словакия), а также в городище «Валь» у с. Микульчице (Южная Моравия) в могилах вокруг древнейшей церкви [11, s. 280; 16, s. 39]. Поэтому некоторые исследователи, в том числе И. Поулик и Я. Декан, ввели в свое время в литературу термин «блатницко-микульчицкий стиль» [16, s. 43; 17, s. 288; 18, s. 118, 126]. Независимо от того, прием ли мы этот термин для определения характера прикладного искусства довеликоморавского периода (т. е. до объединения Моравского и Нитранского княжеств после 830 г.) или нет, найденные в этих двух погребениях изделия свидетельствуют о том, что на территории древней Моравии и в западной Словакии происходил своеобразный процесс художественного синтеза элементов двух различных культур — придунайской (аварской) и западноевропейской (франкской). Этот синтез несомненно осуществлялся в славянской среде. Политическая нестабильность Великой Моравии и ее гибель в начале X в. являются важнейшей причиной того, что из этих многообещающих основ не развился самостоятельный региональный стиль, который мог бы стать важнейшим вкладом в создание своеобразной раннесредневековой чешской и словацкой художественной культуры.

В блатницком кургане вельможа был похоронен с мечом рейнского производства, принадлежащим к типу *D* по Петерсену. Рукоять меча украшена серебряной и медной инкрустацией, которая образует с одной стороны геометрический узор, а с другой — маленькие маски охранного назначения (рис. 2). В Норвегии в кургане близ с. Вааге в провинции Гудбрандсдален еще в прошлом веке был найден точный двойник блатницкого меча, описанный тогда И. Ундсетом [19, т. 1]. Мечи из Вааге и Блатницы

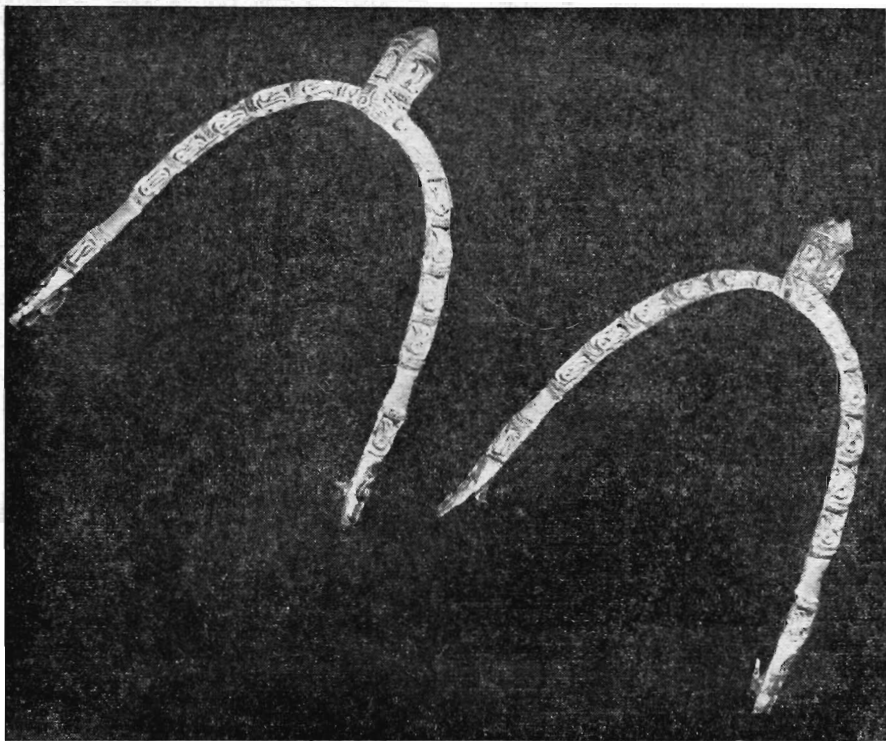

Рис. 3

принадлежат к числу старых находок — курганы привлекали внимание археологов-любителей уже в первой половине XIX в., а иногда и раньше. Содержимое блатницкого кургана поступило в коллекцию Венгерского Национального музея в 80-х годах прошлого века [20, s. 199]. В нем главный интерес представляют бляшки с гравированными пальметовидными узорами на гладком и пунктирном фоне, а также бронзовые литые части конской сбруи, украшенные несколькими вариантами мотива маски.

Мотив маски повторяется на шпорах каролингского типа из могилы № 44 миккульчицкого детинца (рис. 3). Исходя из общности техники производства обеих находок и повторения декоративного мотива, И. Поулик выработал скорее искусствоведческое, чем археологическое определение блатниcko-миккульчицкого стиля. В упомянутом погребении найдены кроме шпор несколько пряжек, наконечники поясов. Все изделия из литой бронзы с позолотой и декорированы тем же мотивом маски. Здесь же найдены были великолепные серебряные с позолотой пуговицы-привески, так называемые «гомбики». По данным антропологического анализа в кургане был похоронен мужчина лет тридцати. В других могилах с богатыми дарами, в том числе с дорогими наконечниками ремней, шпорами были похоронены мальчики в возрасте 3—6 лет. Для археологов этот факт является важнейшим доказательством не только существования в древне-моравском обществе слоя вельмож-дружинников, но и того обстоятельства, что принадлежность к нему является уже наследственной, демонстрируемой определенными внешними атрибутами-символами [11, s. 292; 16, s. 39; 21, s. 136].

На территории Нитранского княжества более длительное время сохранялась традиционная техника отливки украшений в славянско-аварском стиле. Даже в производстве женских украшений, как правило, быстро реагировавшем на новые импульсы, литье изделий сохраняется вплоть до второй половины IX в., что демонстрируют находки из могильника в Нитре-Лупке [22, s. 175].

Среди литых изделий первой половины IX в. выделяются два больших наконечника поясов из Миккульчиц (могилы № 100 и № 240). Оба они доку-

Рис. 4

ментируют своим декором пережитки языческих представлений наряду с новыми, уже христианскими мотивами. Они существенно отличались от украшений аварских и германских воинов: их функция носила охранный, магический характер. Лицевую сторону наконечника из могилы № 100 украшают две защитные маски: верхнюю, круглую, с раскосыми глазами можно отнести к восточному типу, нижнюю, удлиненную — к европеоидному. Техника серебряной отливки сочетается с инкрустацией, дамаскированием. На оборотной стороне выгравирована фигура священника с поднятыми руками в древнем жесте оранта. На плечах у священника изображен подвесной греческий крест (рис. 4). Охранный христианский символ на одном и том же предмете соседствует с защитным символом языческой эпохи (аналогия изображения Даниила во рву львином на наконечниках поясов германских воинов VI—VII вв.) [11, s. 309; il. 91, 92; 23, s. 86].

Мастер, создавший массивный литой наконечник из могилы № 240, подражает технике насечки (высокого рельефа), распространенной еще со времен поздней античности. Сплав содержит кроме меди примесь свинца. На лицевой стороне изображено фантастическое животное, которое одни считают «лягушкой», другие «медведем» (рис. 5). Оно, скорее всего, олицетворяло силы зла. Такой мотив среди современных моравских, а также германских находок пока единичен. Определенные аналогии можно наблюдать только в произведениях прикладного искусства Британских островов позднесаксонского периода [24, p. 117, 66, 135]. На оборотной сто-

Рис. 5

роне выгравирована фигура женского пола с поздне римским флажком и ритонном в поднятых руках на пунктирном фоне (мы предполагаем, что это восточный элемент). Как нам представляется, значительно стилизованная фигура на этом наконечнике — римская богиня победы Виктория. Те же атрибуты в изображении богини можно наблюдать на монетах IV в., чеканившихся в монетном дворе в Тициниуме (позднее Павия, столица королевства лангобардов в северной Италии). Стилистически этому изображению на наконечнике пояса очень близка сцена на лобной пластинке шлема лангобардского короля Агилульфа (590—614), хранящегося в музее Баргелло во Флоренции. Здесь изображены две фигуры Виктории с теми же атрибутами и надписью *victuria* и ритонном [23, il. 2, 2]. Оба наконечника из миккульчицкого детинца несомненно местного производства и свидетельствуют о синкретичности представлений древних мораван и контаминации стилистических элементов в великоморавском искусстве. Здесь очевидно заимствование, хотя и опосредствованное и, вероятно, не вполне понятое, иконографических схем римских триумфальных мотивов.

Хотелось бы обратить внимание на другой, более выразительный пример. В Братиславском замке в начале 70-х годов во время археологических исследований находившегося здесь великоморавского городища был найден отпечаток в смолонидной массе с изображением триумфальной сцены (так называемый мотив Дексилея): всадник в развевающемся плаще вонзает копьё в лежащих на земле разгромленных врагов [25, s. 110, il. 58].

Аналогичное изображение императорского триумфа мы встречаем на монетах константиновской династии IV в. Пластинкой из смолы мастер по всей вероятности пользовался как матрицей при чеканке сцены в серебре. Само изделие — медальон или фалера — не сохранилось. Оттиск, однако, верно передал все тончайшие детали не дошедшего до нас изделия — пунктирный фон, характер стилизации растительных элементов и пр. Исходя из этих признаков, возникновение медальона можно датировать второй половиной VIII в. Но в то же время само местонахождение (высотное городище с остатками каменных построек довеликоморавского и великоморавского периода, в том числе храмов) говорит в пользу IX в.

Позднеримские триумфальные мотивы встречаются также на литых бронзовых украшениях позднеаварской эпохи. Их детально проанализировала Д. Дмитриевич [26, s. 53]. Авары, вероятнее всего, перенимали иконографические схемы из римских монет IV в., бывших в обращении в Паннонии до падения здесь римской власти после событий 375 г. Через позднеаварскую культурную среду эти мотивы, утратив свое первоначальное значение, были заимствованы великоморавскими ювелирами.

Античное наследие присутствовало в древней Моравии и в виде римских гемм и камней II—IV вв. н. э. Геммы, найденные здесь, вырезаны чаще всего из красной яшмы, а камень из кургана у с. Желенки близ Духцова (северо-западная Чехия) — из оникса, трехслойная. Великоморавские ювелиры украшали геммами серебряные подвески и наконечники поясов из серебряного листа. До нас дошли три экземпляра таких украшений: гемма из могилы № 3 у церкви в Модре близ Велиграда с изображением Эроса и пегаса, две из могил № 433 и № 490 микульчицкого городища [27, s. 283; 28, s. 172]. Примечательно, что на микульчицких поясных наконечниках римские геммы с изображением в первом случае Юпитера, его символа орла, и портрета скульптора Фидия, во втором — Меркурия, вставлены изображением внутри наконечника. Это обнаружено было только во время реставрации украшений. Причинами такой необычной вставки могли быть верования, согласно которым талисман будет действовать сильнее, если его скрыть от нежелательного взора, или просто непонимание ценности и красоты античного художественного произведения. Но можно сделать и другое предположение — геммы были вставлены изображением внутрь наконечников из страха перед осуждением церкви — ведь на них были изображены языческие боги.

Стилистическую раздвоенность великоморавского прикладного искусства можно наблюдать также на примере большого наконечника пояса (высота 8 см) из листового серебра, украшенного на лицевой стороне кабошонами из самоцветов по каролингским образцам. Обратная сторона его декорирована чеканеными стилизованными листьями аканта на пунктирном фоне. Этот прекрасный наконечник был найден в могиле № 96/AZ в Старом Месте. Его обнаружил археолог-любитель А. Зельницус на территории обширного могильника IX в. в 30-х годах, а описал основатель славянской археологии в Чехии Л. Нидерле [29]. Декор лицевой стороны этого украшения полностью соответствует декору каролингских наконечников, найденных во Франции в с. Шатору (находятся в музее в Клюни) или наконечникам Доисторического музея в Амстердаме [13, il. 30, t. 58, 3 a, 3; 10, tab. CXIV, 4, 4a]. Декор обратной стороны говорит о принадлежности изделия к придунайскому стилю. Наконечники из листового серебра мы склонны датировать второй половиной IX в. В первой половине IX в. появляются и чеканные изделия — типично моравские украшения одежды, большие шарообразные пуговицы-привески, так называемые «гомбики» (название «гомбик» позднее, диалектное, моравско-словацкое венгерского происхождения) (рис. 6). Привески-«гомбики» состоят из двух полушарий, прессованных и чеканенных из тонких пластинок на железной матрице (один экземпляр такой матрицы был найден М. Шолле в Старой Коуржми, племенном городище зличан в восточной Чехии) [30, s. 458, il. 10, 41]. Полушария мастера соединяли серебряным припоем. Внутренняя полость «гомбика» заполнялась смоловидной массой, которая должна была предохранять тонкие стенки привески от продавливания. «Гомбики»

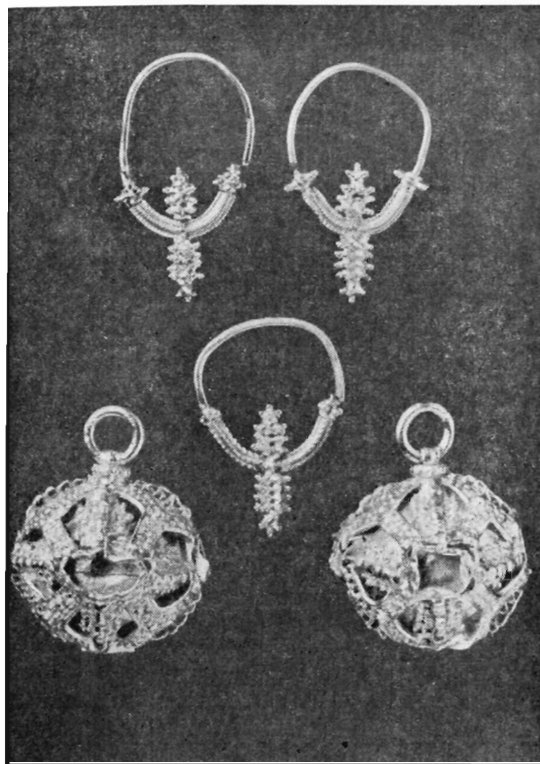

Рис. 6

бывают чаще всего серебряные или бронзовые с позолотой, но есть и экземпляры из золотого листа (Микульчице, Желенки у Духцова). Декорированы они как правило абстрактными пальметообразными мотивами. Орнамент выступает над пунктирным фоном. Некоторые «гомбики» украшены мотивом стилизованных птиц, иногда встречается изображение сасанидского грифа с птичьей головой (паскудж) [31, s. 421]. Этот мотив яснее всего свидетельствует о связях Великой Моравии с весьма отдаленными областями Востока. Именно мотивы декора великоморавских привесок-«гомбиков» послужили В. Даркевичу в качестве примера самого дальнего проникновения постсасанидских стилистических элементов на Запад [32, с. 167—176, табл. 2, 55]. Абстрактный растительный орнамент «гомбиков» возник путем дальнейшего развития так называемого позднеаварского, придунайского стиля, самым значительным памятником которого является, по нашему мнению, клад из 23 золотых сосудов, найденный в 1799 г. в с. Нодьсентмиклош в Трансильвании (хранится в Музее истории искусств в Вене) [33; 34, с. 115—132]. Некоторые сосуды клада, прежде всего кувшины, были созданы или в Средней Азии на территории Согда, или, по крайней мере, среднеазиатскими мастерами во второй половине VIII — начале IX в. в Подунавье. На бордюрах медальонов, по краям и горлышкам кувшинов № 2, № 6, № 7 клада встречаются те же пальметообразные мотивы, что и на великоморавских «гомбиках», в том числе полупальметка с круглыми листьями, миндалевидные лепестки, варианты так называемой расстрепанной пальметки (термин В. И. Маршака) [35, табл. 71, а также пунктирный фон.

К тому же восточному направлению относится и серебряная фалера диаметром 4,4 см с изображением всадника на соколиной охоте [36; 37]. Сцена создана техникой высокого рельефа с фоном из кольцеобразных пуансонов. Всадник передан фронтально, в иератической трактовке. Эта небольшая фалера, нашитая на кожаный ремень, была найдена в нартексе великоморавского храма в Старом Месте «На Шпиталках» в детском захоронении. По стилю и технике чеканки фалере близка серебряная прямо-

угольная двусторонняя подвеска, составная часть пышного ожерелья, украшенного финалом сцены сказочной охоты, когда сокол нападает на оленя². Подвеска происходит из предполагаемого погребения княгини племени лемузов у с. Желенки близ Духцова. В этом кургане найдены также другие украшения, большинство моравской работы, например, золотые «гломбики». Через Моравию в западную Чехию попала также серебряная подвеска.

Самым великолепным украшением из погребения лемузской княгини является камей римской работы второй половины IV в. в золотой оправе с портретом императора Константина, или одного из его сыновей (рис. 7). Оправа сделана была уже в средние века [38, s. 173—174].

К восточному стиливому направлению можно отнести также большинство роскошных золотых и серебряных серег — гроздеобразных, с подвесками в виде корзинок, барабанчиков, столбиков и др., образцы которых попали в Моравию скорее всего из Причерноморья (рис. 8). Л. Нидерле определял их еще в 20-х годах как «византийско-восточные» [39, s. 150; 40, s. 20]. Вопрос о существовании так называемых понтийских, причерноморских мастерских в раннем средневековье остается до сих пор открытым. Аналоги великоморавских форм известны из некоторых археологических памятников Украины, например, Келегейского Хутора (Херсонская обл.). Археологический материал херсонского некрополя представляет раннюю стадию развития моравских форм, с которой мы встречаемся в придунайских захоронениях славяно-аварского периода VII—VIII вв. [41, с. 248, 260, рис. 143, 179, 180]. Однако появление в Моравии серег с корзинками и шариками (барабанчиками) нельзя объяснить вне связи с упомянутым уже восточным течением, истоки которого предположительно нужно искать в центральноазиатских областях халифата.

Роскошная золотая серьга из Левого Градца, пржемысловского городища в центральной Чехии, относится уже к позднему X в. Своими тремя ажурными шариками она очень близка серьгам так называемого киевского типа, которые все чаще появляются на территории Чехии в течение X — первой половины XI в., хотя и в более скромных формах [42, s. 154; 43, s. 171]. Серьга из Левого Градца вновь свидетельствует о том, что некоторые типы великоморавских серег имеют восточное происхождение, причем Киев был здесь скорее посредником, чем исходным пунктом. В Старой Коуржими, племенном городище зличан, М. Шолле удалось найти в захоронении IX в. на княжеском кладбище железный дамаскированный серебром топорик явно хазарского типа. Аналогичные находки сделаны советскими археологами в Билярске близ Чистополя. Они свидетельствуют о связях Великой Моравии с весьма отдаленными восточными странами и о направлении этих связей [30, s. 383, il. 42, 43].

Серьги вместе с другими ювелирными изделиями второй половины IX в. подтверждают, что в этот период в Моравии вновь возрождается античная техника, что не было исключительным явлением в раннесредневековой Европе. Но сам факт наличия античных традиций не может внести ясность в определение места возникновения отдельных типов изделий. Чаще всего моравские мастера пользовались зернью, очень редко встречается настоящая филигрань³, обычно ее заменяет имитация посредством насечкой проволоки [42; 38, s. 168]. Весьма распространена техника инкрустации стеклом и драгоценными камнями, плакирование медью. Серебряные изделия часто бывают позолочены посредством техники горячего амальгамирования.

Во второй половине IX в. в великоморавских и чешских поселениях встречаются ввозные изделия с каролингского Запада, хотя восточная

² Интересно, что на серебряном блюде сибирского происхождения из Эрмитажа, описанном в свое время академиком Я. И. Смирновым и вновь В. П. Даркевичем, мы находим как бы предшествующий момент этой темы — охотник выпускает сокола, олень находится рядом [32, табл. 55, 7; 37, табл. LXXXVIII, 159].

³ Настоящая филигрань — Угерске Градиште-Сады, могила № 20/59. Изделие грубее, по мнению Л. Нидерле, форма филигранны восточная. Филигрань встречается также на фрагментах золотой капторги, найденной в погребении знатной женщины в г. Колине-над-Лабой.

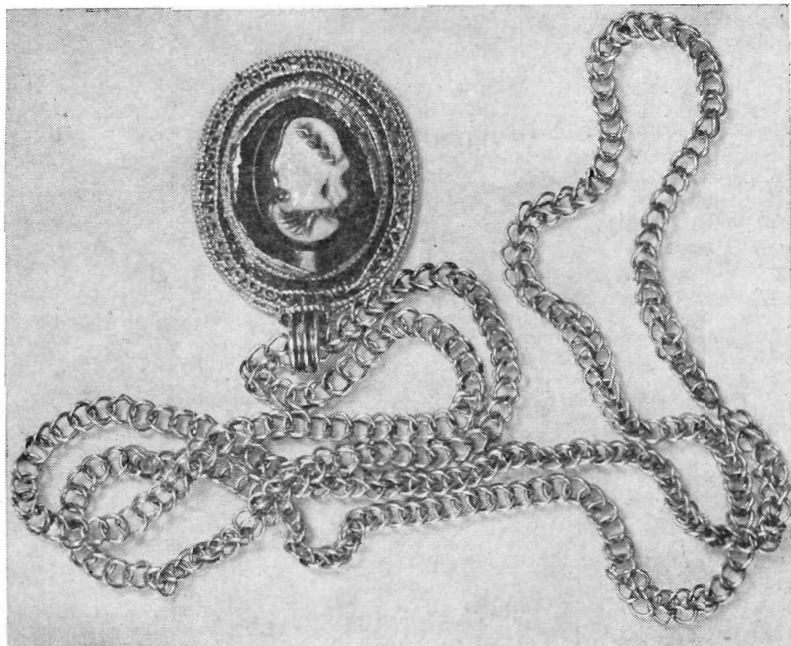

Рис. 7

Рис. 8

ориентация в ювелирной продукции была преобладающей. При этом следует подчеркнуть, что чисто византийские изделия среди украшений великоморавского периода отсутствуют. В течение трех десятилетий обширных археологических исследований не было найдено ничего типично византийского, кроме двух-трех монет. Это же мнение подтвердила в беседе с автором статьи в Москве в мае 1979 г. профессор А. В. Банк, крупный специалист по византийскому прикладному искусству, просмотрев снимки великоморавских находок.

В отношении каролингских ввозных изделий хотелось бы привлечь внимание к роскошным ножнам кинжала и принадлежавшей к ним гарнитуре золотых пряжек и наконечников из крепления кинжала к поясу. Ножны, пряжки и наконечник украшены медальонами, выполненными

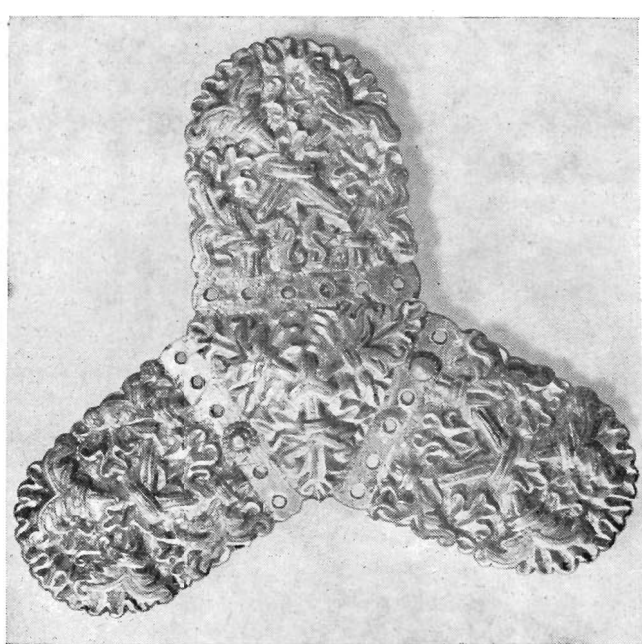

Рис. 9

в технике перегородчатой эмали, где синие и зеленые поля образуют вазу с двумя цветами. Те же самые мотивы вазы есть и на двух известных ранне-средневековых произведениях ювелирного искусства: на так называемой железной короне лангобардских королей, хранимой в соборной сокровищнице в Монсе, и на так называемом алтаре Вольвиния в миланском соборе. Вышеуказанная гарнитура найдена была в захоронении № 23/48 обширного некрополя в Старом Месте. Происходит она скорее всего из Рейнской области [44, s. 173, tab. 54; 45, tab. 47].

Роскошные ювелирные изделия рейнской работы второй половины IX в. найдены были случайно во время добычи глины у г. Колина-над-Лабой в Чехии в 1864 г. Тогда обнаружены были две могилы — вельможи-князя и его жены [46, s. 715—727; 47, s. 98, tab. 18—28]. Среди богатых даров выделяется чаша тончайшей работы из серебра с позолотой, край которой имитировал античный ким. Уже это говорит о том, что она не относится к Каролингскому ренессансу. Ножка чаши была изменена в XIX в. [47], первоначальная форма ее была по всей вероятности конической⁴, напоминала она ножку известного потира баварского князя Тассило (до 788 г.). В коллинских княжеских захоронениях найдены были также железный меч и серебряная гарнитура для крепления его на поясе (рис. 9). Гарнитура литая из массивного металла, декор составляют пластические листья аканта, обрамленные ленточками в технике «нелло». Э. Х. Циммерман пишет, что орнаментация гарнитуры тесно связана с миниатюрами дарохранительницы епископа Дрогона из Меца (Лотарингия), созданной в 50-х годах IX в. [48, S. 63]. В то же время среди находок из коллинских погребений обнаружены также типично моравские изделия, например, большие позолоченные привески-«гомбики» и металлические бусы. Двойная культурная и стилистическая ориентация с преобладанием восточного влияния сохраняется в Великой Моравии вплоть до ее падения в начале X в. под ударами венгров и баварских феодалов.

⁴ Долгое время историки и археологи, например, Я. Э. Воцел, считали, что удалось найти могилу известного гуситского полководца Прокопа Великого, павшего в битве у Ыпан (у Колина) в 1434 г., так как среди богатых даров в погребении найден был потир (Прокоп был также гуситским священником). Чашу присвоила протестантская община г. Колина и отдала на реставрацию известному пражскому ювелиру, полностью изменившему форму ножки потира. Только в конце прошлого века эта ценная находка поступила в пражский Национальный музей.

Как складывалась судьба великоморавского художественного ремесла после появления в Дунайской котловине венгров? Мастерские, находившиеся в крупных городищах (Микульчицах, Нитре, Победиме, Старом Месте) исчезли. Но еще до этого, судя по находкам в самых древних погребениях в Старой Коуржиме (например, могила № 55), уже в самом начале второй половины IX в. изделия моравских мастерских проникают в самые отдаленные области Чехии — на Пражский Град, Будеч, Левый Градец (территория племени чехов), в Либицу (чешское племя хорватов), Старую Коуржимь (зличане), а также к предполагаемому племени лимузов или лемузов на северо-западных окраинах Чехии (Желенки). Собственное производство изделий великоморавского типа процветало несомненно в Коуржиме и в Праге. Гроздеобразные серьги из погребений вокруг храма Девы Марии в западной части Пражского Града и из могильника близ Манежа, в северной части Града немногим отличаются от великоморавских образцов: они литые, грубые, грануляция лишь имитируется литьем [42, s. 176; 49, il. 9; 50, s. 386]. Коуржимские украшения несколько отличаются от моравских. Очень часто встречаются типы серег с цепочками, на дуге некоторых прикреплена маленькая фигурка лошади, овцы (рис. 10). Здесь найдены даже трапециевидные капторги из листового серебра, а также браслеты и бусы. Изделия из золота и бронзы встречаются реже. Большая часть коуржимских украшений датируется уже первой половиной X в. [43, s. 147]. Они относятся не к моравскому юго-восточному направлению, а к северо-восточному округу кладов так называемого рубленого серебра, в Чехию попадают по новому торговому пути, возникшему только после вторжения венгров в Подунавье, когда дорога к Черному морю через Карпатскую котловину была закрыта. Новый торговый путь связывал Майнц, Регенсбург с Краковом и Киевом и проходил через Чехию [51, s. 471]. Серебряные изделия, которые по этому пути ввозились в Чехию, в некоторых случаях происходят из восточных областей халифата. В этом можно убедиться по найденным саманидским дирхемам в двух крупнейших кладках из Чпштейн (восточная Чехия) и Кельча (северная Моравия) [42, s. 213—214, 240—241, 275; 52, s. 159].

Произведения прикладного искусства этого периода отличаются от великоморавских массивностью. Среди находок, встречаются литые бронзовые кресты-складни [53, s. 130; 54, с. 43]. Приток восточных вещей прекратился к середине XI в., ибо восточные рудники иссякли. В то же время искусство Чехии в соответствии с церковной и политической ориентацией воспринимает интернациональный романский стиль, включаясь в искусство европейского Запада.

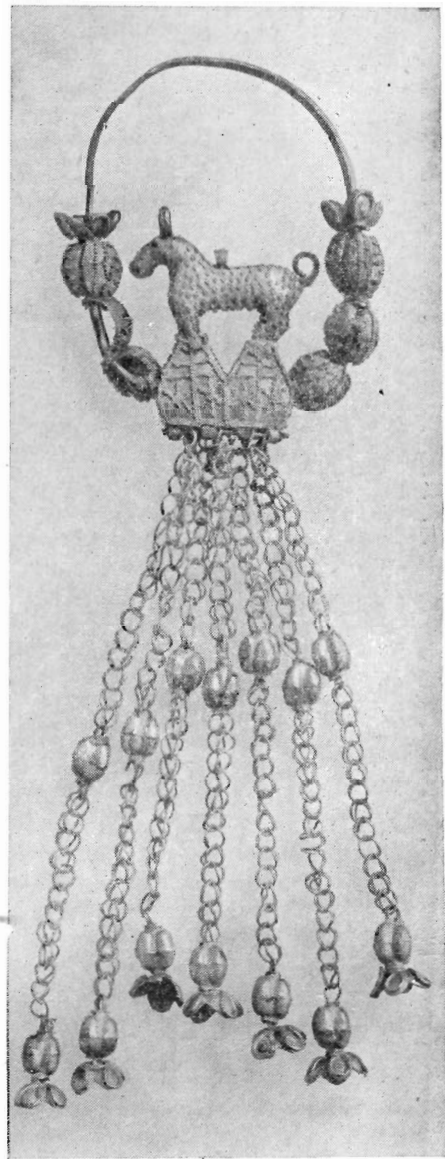

Рис. 10

1. *Böhm J.* K otázce o vzniku feudalismu v českých zemích.— Český lid, 1951, № 6.
2. *Deer J.* Karl der Große und der Untergang des Awarenreiches.— Karl der Große, I. Düsseldorf, 1965.
3. *Cibulka J.* Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu a začátky křesťanství na Moravě. Praha, 1958.
4. *Vavřínek V.* Církevní mise v dějinách Velké Moravy. Praha, 1963.
5. *Skutil J.* Avarské nálezy na Moravě. Litovel, 1937.
6. *Novotný B.* Kování avarského typu z Čech.— Obzor prehistorický, 1946, t. 13.
7. *Poullík J.* Jižní Morava země dávných Slovanů. Brno, 1950.
8. *Poullík J.* Velkomoravské středisko Staré Zámky u Brna.— Archeologické rozhledy, 1949, t. 1.
9. *László G.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. Budapest, 1955.
10. *Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937.
11. *Poullík J.* Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti Valy u Mikulčic, I, Památky archeologické, 1957, t. 48.
12. *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravský Velehrad. Praha, 1965.
13. *Arbman H.* Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937.
14. *Petersen J.* De norske vikingesverd. Kristiania, 1919.
15. *Eisner J.* Devínská Nová Ves, slovanské pohřebiště. Bratislava, 1952.
16. *Poullík J.* Dvě velkomoravské rotundy v Mikulčicích. Praha, 1963.
17. *Dekan J.* O genéze výtvarného projevu Velké Moravy.— Výtvarný život, 1963, № 8.
18. *Dekan J.* Vel'ka Morava, doba a umenie. Bratislava, 1976.
19. *Undset I.* Til kundskab om vor yngre jernalder.— Forhandlingar i videnskabs-selskabet i Christiania, 1890, № 3.
20. *Benda K.* Karolinská složka blatnického nálezu.— Slovenská archeológia, 1963, t. 11.
21. *Poullík J.* Mikulčice, sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.
22. *Chropovský B.* Slovanské pohrebisko v Nitre na Lupke.— Slovenská archeológia, 1962, t. 10.
23. *Benda K.* Mikulčický orans.— Památky archeologické, 1973, t. 64.
24. *Wilson D. M.* Anglo-Saxon Ornamental Metalwork 700—1100. Catalogue of Antiquities of the Later Saxon Period. I, British Museum, 1964, № 1.
25. *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad v 9.—12. storočí. Bratislava, 1975.
26. *Dmitrijevič D.* Der Fund von Zemun Polje im Lichte der spätawarenzeitlichen Problematik.— Archeologia Jugoslavica, 1966, t. 7.
27. *Frel J.* Podobizna Feidia, nalezená v Československu.— Umění, 1966, t. 14.
28. *Benda K.* Antické dědictví na Velké Moravě. Listy filologické, 1978, t. 101.
29. *Niederle L., Zelnitius A.* Slovanské pohřebiště ve Starém Městě u Uherského Hradiště.— Zprávy Státního archeologického ústavu. Praha, 1929, № 1.
30. *Solle M.* Knižecí pohřebiště na Staré Kouřimi.— Památky archeologické, 1959, t. 50.
31. *Klanica Z.* Velkomoravský gombík.— Archeologické rozhledy, 1970, t. 22.
32. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
33. *Mavrodinov N.* Le trésor protobulgare de Nagyszetmiklós. Budapest, 1943.
34. *Маєродинов Н.* Старобългарското изкуство, изкуство на първото българско царство, София, 1959.
35. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. М., 1971.
36. *Benda K.* Stříbrný terč se sokolníkem ze Starého Města u Uherského Hradiště.— Památky archeologické, 1963, t. 54.
37. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
38. *Schránil J.* Několik příspěvků k poznání kulturních proudů v zemích českých v 10. a 11. věku.— Obzor prehistorický, 1925, t. 4.
39. *Niederle L.* Příspěvky k vývoji byzantských šperků ze IV.— X. století. Praha, 1930.
40. *Schránil J.* Čechy za doby knížecí. Praha, 1932.
41. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.— Л., 1959.
42. *Turek R.* Čechy na úsvitě dějin. Praha, 1963.
43. *Solle M.* Stará Kouřim a projevy velkomoravské kultury v Čechách. Praha, 1966.
44. *Hrubý V.* Staré Město — velkomoravské pohřebiště Na valách. Praha, 1955.
45. *Benda K.* Mittelalterlicher Schmuck.— Slawische Funde aus tschechoslowakischen Sammlungen und der Leningrader Ermitage. Praha, 1966.
46. *Piř J. L.* Archeologický výzkum ve středních Čechách.— Památky archeologické, 1892, t. 15.
47. *Piř J. L.* Starožitnosti země České III/1, Čechy za doby knížecí. Praha, 1909.
48. *Riegl A., Zimmermann E. H.* Die spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich-Ungarn, II. Wien, 1923.
49. *Borkovský I.* Pražský hrad v době přemyslovských knížat. Praha, 1969.
50. *Smetanka Z., Hrdlička L., Blajerová M.* Výzkum slovanského pohřebiště za jízdnou Pražského hradu.— Archeologické rozhledy, 1974, t. 26.
51. *Benda K.* K otázce počátků Prahy.— Umění, 1973, t. 21.
52. *Eisner J.* K dějinám našeho hradištního šperku.— Casopis Národního musea, 1947, t. 116.
53. *Květ J.* Enkolpion městského musea v Lounech.— Obzor prehistorický, 1925, t. 4.
54. *Кондаков Н. П.* Русские клады, т. I. СПб., 1896.

НИКОЛАЕВА Т. М.

СЛАВЯНСКИЕ ЧАСТИЦЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

I. В общезыковедческой таксономии термин «частица» употребляется в четырех значениях. Самое старое понимание относит к «частицам речи» служебные слова в целом, противопоставляя их словам полнозначным, знаменательным, «частям речи». Согласно второй трактовке, частицы — это не слова, а неизменяемые компоненты, присоединяемые к полнозначным словам; таким образом, речь идет о частицах формообразующих: *-ся, бы, -то, -либо, -нибудь, -жа* и т. д. Третье употребление термина связано с традицией изучения древних индоевропейских языков [1—6]. Многие слова, относимые этой традицией к числу частиц, в применении к современным языкам называли бы союзами (именно так называет их Е. Дограммаджиева, говоря о соединительных средствах старославянского и греческого языков [7]); при анализе древнеиндоевропейских фактов их иногда удачно называют «коннекторами» [8]. Со временем частицы подобного рода могут становиться формообразующими: так, аугмент *ε* в древнегреческих формах аориста и имперфекта соотносится с *э* в русской частице *это* и демонстративе *этот* и с изолированной частицей *ê* в значении 'вон, глянть' в сербохорватском, *e* в болгарском языке [9; 10]. Наконец, в четвертом значении термин «частица» применяется только к группе слов, выполняющих в высказывании функцию передачи различного рода коммуникативных характеристик сообщения; это слова типа русск. *вот, же, только, даже, еще, уж* и т. д. [11]. Подобные слова часто называют модальными, акцентирующими, выделительными, экспрессивными частицами и т. д.

Во всех этих пониманиях «частицы» сохраняют один общий признак — неспособность изменяться. Этот признак может, на первый взгляд, объединять в один класс такие лишённые самостоятельного значения компоненты, как *-ва* в *покудова*, *отселева*, *-ча* в *давеча*, *теперича* и сложные коммуникативные комплексы типа *ведь только и*, *ведь вот, даже и* и т. д. С другой стороны, понятие «частицы речи» обычно считается устаревшим, поскольку таксономические достижения лингвистики как будто позволяют отличить частицы от союзов, от междометий, от наречий, их вместе от местоимений и т. д.

Между тем оказывается, что при обращении к данным всего славянского континуума, во-первых, и к данным индоевропейской диахронии, во-вторых, средства точного разграничения не всегда эффективны. Так, упомянутое *-ва* в *покудова* и *отселева* оказывается родственным др.-инд. *va* 'даже' [9, т. I, с. 262], т. е. собственно модальной частице, а *-ча* в *давеча* соотносится др.-инд. *sa* 'и', греч. *τε*, лат. *que*, называемыми то союзами, то частицами [12; 13].

Выясняется далее, что не так легко различить между собой классы «частиц речи» (вводятся «гибридные», переходные классы: «частицы-союзы», «частицы-наречия», «гибридные союзы», «синтаксические части-

цы», «союзные частицы» и т. д.). Наиболее ясно ситуация была обрисована Л. В. Щербой: «Всегда остается какое-то количество слов, которое никуда не подходит. Их относят либо к наречиям, либо к частицам, являющимся своего рода складочными местами, куда сваливают вперемешку все лишнее, что никуда не подходит, — значит они действительно не подводятся нами ни под какую категорию» [14]. Даже очевидное междометие — русск. *ну* в сопоставлении с союзом *но* и с польск. *no* оказывается не столь очевидным: польск. *no*, во многом эквивалентное русск. *ну*, описывается как частица, соответствующая англ. *well* [15], которое описывается в свою очередь именно как частица [16], но переводным эквивалентом имеет русск. *ну*. Точно так же нем. *aber* 'но' присутствует во всех списках немецких частиц, каким бы различным их состав ни был в разных исследованиях (ср. [17; 18]).

Таким образом, у всех четырех толкований слова «частица» отчетливо прослеживается пересекающаяся часть.

В славянских языках при обращении к частицам (даже в самом узком понимании) выявляется их относительно легкая разложимость на компоненты: *да—же*, *у—же*, *не—же—ли*, *не—у—же—ли*, *э—то*, *и—бо*, *ли—бо*, *и—же*, *то—ли—ко*, *э—ва*, *у—бо* и т. д. Эти компоненты, далее неразложимые, удобно назвать *п а р т и к у л а м и* (или субпартикулами). Если выйти за пределы синхронии, то разложимыми на партикулы оказываются и такие частицы, как *вот*, *вон* [19, sv. 2, s. 548]. Каждая из партикул может быть самостоятельным словом в том же языке (*а*, *и*, *ли*, *то*), в истории языка (ср. *у* из *уже* и ст.-слав. *оу* 'теперь, уже'). Они могут иметь разный статус в родственных языках (при отсутствии русск. *ле налицо словацк. 'только', чешск. *le* 'и, но, однако'); при отсутствии русск. *нуже как слитной частицы — чешск. *luže*, польск. *luže*. В одном языке комбинация партикул устойчива и контактна, в другом — дистантна и неустойчива (ср. болг. *дали* и русск. *да придешь ли ты наконец?*). Как в детской игре «конструктор», из заданного числа компонентов возникают самые разнообразные комбинации, являющиеся языковыми единицами.

Выявить типологию этих комбинаций, определить формальную и содержательную структуры ядра партикулярного пласта в славянских языках и является целью настоящего исследования.

Необходимо предварительно коснуться ряда теоретических вопросов. Один из них связан с отношением партикул, составляющих собственно частицы (*э—то*, *да—же*, *у—же* и т. д.), и партикул, возможно тождественных, конструирующих не собственно частицы, а местоимения, наречия и пр. (*э—тот*, *здесь* < *сь—де—сь* и др.) Может возникнуть впечатление, что «конструктор» из партикул охватывает почти весь язык и тогда сама идея соотносительности этих формальных компонентов с частицами окажется бессмысленной. Но это не так. Как мы постараемся показать далее, построение из партикул характерно в основном для местоимений, частиц, дейктических показателей — т. е. для слов с «шифтерным» значением.

Для ответа на другой вопрос — первичны или вторичны частицы в наиболее архаичном ядре «конструктора», необходимо занять определенную позицию по отношению к проблемам языковой эволюции.

С одной стороны, существует теория, по которой архаическое ядро частиц восходит к тому периоду развития языка, когда сложившихся частей речи, морфологии в современном смысле слова еще не существовало и частицы-партикулы могли быть и междометиями, и собственно частицами, и местоимениями. Ср. заключение Т. Я. Елизаренковой о том, что в ведийском специальных союзов еще нет и их функции осуществляют частицы, местоименные формы и наречия, между которыми нельзя провести четкой грани [6]. К. Е. Майтинская пишет о том, что наиболее древние частицы образовались на материале звуковых комплексов междометийного характера, что общность указательных частиц с указательными словами объясняется первоначальной недифференцированностью дейктических слов — они были местоимениями, местоименными наречиями и указательными словами [20, с. 124, 152].

Этой идее противостоит другая — утверждения многих этимологиче-

ских словарей о том, что частицы самого первичного состава восходят к «застывшим» формам и.-е. местоимений. Например, *da* < и.-е. указ. мест. **do/*to*; е- < указ. мест. *e; *i* < *ei (локатив от указ. мест. *e*). Таким образом, предполагается, что частицы, т. е. основные слова коммуникативно-модального пласта языка, вторичны, а их появлению предшествует существование мощно морфологизованного языка с разветвленной системой падежей дейктических местоимений (т. е. с очень сильной текстовой анафорикой), но — без частиц и без союзов.

Напротив, в рамках первой теории (см. точки зрения Т. Я. Елизаренковой и К. Е. Майтинской) первичное назначение коммуникативно-дейктических компонентов представляется грамматически диффузным, с поздней их морфологизацией и распределением по частям речи. Именно выбор этой позиции дает основания в данной работе привлечь при сопоставительном анализе партикулярного пласта славянских языков и данные местоимений и наречий, а не только собственно частиц.

II. Основой для исследования послужил материал Этимологического словаря славянских служебных слов [19]. Все приведенные там лексемы были обработаны по специальной анкете. Общий состав пласта партикулярных лексем славянских языков определялся как состоящий из трех групп.

1. Основной пласт образовался из фонда коммуникативных слов славянского континуума. Инвентарь этих партикул был выделен на основе следующих критериев:

а) каждая партикула должна употребляться хотя бы в одном славянском языке изолированно со своей собственной семантикой и функциональной сферой;

б) партикула не должна разлагаться на компоненты, которые в свою очередь могут употребляться изолированно и со своей собственной семантикой;

в) каждая партикула должна быть зафиксирована в составном сложном комплексе, куда она входит в качестве составной части. По своему значению такие комплексы должны относиться к кругу коммуникативных, «шифтерных» слов (комплексы иной семантики, например, русск. *ледащий* < *ле* + *да*, где *ле* 'только', а *да* имеет значение опатива — не включались в рассмотрение).

2. Второй пласт коммуникативных слов, обозначенный в работе индексом N_1 (т. е. не-конструктор 1). Это слова коммуникативного значения, не восходящие генетически к лексемам партикулярного пласта. Возможны следующие пути формирования этого класса:

а) включается непосредственно слово непартикулярного класса, без изменений (русск. *просто* в *Он просто голову потерял*, *пускай* в *Пускай меня объявят старовером*) или с определенными фонетическими преобразованиями (например, укр., русск. диал., словацк. диал. *наче*, *паще* из *иначе*).

б) включается одна из форм слова непартикулярного класса (словенск. *baje* 'якобы' от глагола *bajati* в форме 3 л. ед. ч.; русск., укр., белор. *чуть* от *чутти*);

в) форма лексемы непартикулярного класса сопровождается одной из партикул основного пласта (ст.-польск. *awiem* 'не правда ли' от *a* + *wiem* 'знаю');

г) включается форма словоизменения от слов, которые генетически восходят к партикулам основного пласта (словацк. *kým* 'пока не' — инстр. от *къ* + *jb*).

3. Третий пласт коммуникативных слов, обозначенный в работе индексом N_2 (т. е. не-конструктор 2). Это частицы, заимствованные из неславянского окружения, например, словен. *javaľne* 'наверяд ли' из нем. *Ja wohl nicht*, болг. *макар* 'хотя бы' из греч. *μαχαρι*, *медер* 'наверно' из турецк. *međer* и т. д.

Всего было выявлено 2955 партикулярных лексем, из которых 66 было представлено во всех славянских языках. О распределении остальных по славянскому континууму дают представление следующие подсчеты.

Подсчет первый. Общее число партикулярных лексем в каждом славянском языке. Приведем иерархию количества партикулярных лексем в порядке убывания: русск. — с.-х. — чешск. — польск. — болг. — словацк. — укр. — словенск. — ст.-сл. — белор. — мак.

Эта разница в общем количестве частиц в системе языка достаточно характерологична. Так, Э. Косериу в специальной работе выделяет как частицеобильные немецкий и древнегреческий языки [21], отмечая одновременно и другие сходства между системами именно этих двух языков. В. Хайнрихс таким частицеобильным языком считает русский [17]. Показательным является и другой признак — употребительность частиц: например, Ю. Г. Скиба показывает, что число служебных слов в русском тексте вдвое превосходит число их в польском переводе и в полтора раза — в болгарском [22].

Подсчет второй. Число партикулярных лексем, представленных только в данном языке. Этот подсчет, по нашему мнению, должен свидетельствовать о специфичности отдельных славянских языков в этом аспекте. Иерархия количества индивидуальных лексем: словенск. — русск. и с.-х. — чешск. — болг. — укр. — словацк. — польск. — ст.-сл. — белор. — мак.

Таким образом, максимально индивидуализированным является словенский язык, в этом отношении как бы находящийся на славянской периферии.

Подсчет третий. Отношение числа индивидуальных партикулярных лексем к общему числу лексем этого пласта в данном языке. Иерархия такова: словенск. — словацк. — польск. — с.-х. — русск. — чешск. — болг. — ст.-сл. — белор. — мак.

Подсчет четвертый. Количество лексем с индексом H_1 , т. е. слов типа *ведь, лишь, пусть, пускай*, в каждом славянском языке. Полученные данные: словенск. — чешск. и русск. — словацк. — с.-х. — белор. — польск. — укр. — болг. — ст.-сл. — мак.

Таким образом на одном полюсе располагается словенский, на другом — максимально «конструкторные» старославянский, а также македонский с болгарским, т. е. языки без активного морфологического развития. Как представляется, этот простой подсчет в некоторой степени дает ответ на вопрос, восходят ли частицы к «застывшим» формам местоимений: процесс морфологического образования частиц оказывается поздним.

Подсчет пятый. Доля пласта H_1 среди индивидуальных партикулярных лексем данного языка. Этот показатель характеризует степень индивидуальности языка в отношении этого пласта. В принципе возможно, что большое число H_1 окажется характерным для языка вообще, а доля индивидуального списка H_1 будет невелика, и тогда он во многом объединится с другими языками.

Результаты: словенск. — русск. и чешск. — словацк. — с.-х. — белор. — польск. — укр. — ст.-сл. — болг. — мак.

Подсчет шестой. Число заимствованных частиц (индекс H_2): с.-х. — мак. и болг. — словенск. — чешск. — словацк. — польск., укр., ст.-сл. — русск., белор.

Подсчет седьмой. Число заимствованных лексем, обнаруживаемых только в данном славянском языке: словенск. — с.-х. — словацк. — болг., мак. — чешск. — ст.-сл., укр. — белор., польск., русск.

На этом этапе выделяются южнославянские языки — с большим числом неславянских заимствований; минимальное число заимствований дает восточнославянская область, а также польский язык.

В связи с проделанными подсчетами небезынтересными представляются три типологических замечания.

Прежде всего, может быть отмечено особое положение сербохорватского языка. Он выделяется совокупностью показателей — в нем представлено почти максимальное число партикулярных лексем (после русского), много индивидуальных лексем (после словенского), значительное число H_1 (инновации) и в то же время значительное число H_2 (заимствования). Как видно будет и далее, сербохорватский язык оказывается в анализируемом

аспекте как бы близким всем славянским языкам, сохранившим общие модели и впитавшим инновации.

Второе относится к особому положению словенского языка, индивидуализированного в наибольшей степени (см., например, его специфические лексемы *amrak* 'но', *anti* 'ведь', *lendi* 'вот там', *seveda* 'конечно', *točikar* 'вот только', *toda* 'но', *ve* 'здесь' и многие другие).

Третье обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, это практическое отсутствие заимствований в русском языке. Напротив, именно русский язык является основным источником заимствованных частиц в финно-угорских языках, как это показывает К. Е. Майтинская: мокш. *вдѣ* < *ведь*, коми *кѳтъ* < *хоть*, коми *жѳ* < *же*, морд. *а* < *а* и др. [20, с. 121].

Вне компетенции автора остается интереснейший вопрос о том, почему так много заимствований частиц в языках славянского юга, балканских, и так мало повлиял в этом отношении столь необычайно богатый частицами в системе и узусе язык, как немецкий. Интересно также поставить и другую проблему: почему и на каком этапе перестает работать основной порождающий конструктор (первый пласт славянских частиц), хотя явно не все его порождающие возможности оказались исчерпанными.

III. Сказанное выше относилось к отдельным славянским языкам. Между тем числовые данные говорят о том, что общими для всех языков являются 66 лексем, а индивидуальными — в сумме по всем языкам — 441 лексема. Таким образом, 2448 партикулярных лексем, т. е. 83% общего количества в разных комбинациях распределяется в пределах общеславянского континуума. Одна и та же (с фонетическим пересчетом) частица может функционировать в двух, трех и более славянских языках. Существенно выяснить при этом дистрибуцию таких частиц по языкам — охватываются ли изоглоссами языки, более близкие генетически или смежные по территории, или же распределение по сути необъяснимо. Наконец, важно установить, какие именно лексемы партикулярного пласта совпадают: «конструкторные», H_1 или H_2 .

Для каждой пары языков определялись следующие количественные показатели: 1) какова доля партикулярных лексем, общих с языком Y , среди всех партикулярных лексем языка X ?; 2) то же для класса H_1 в языке X ; 3) какова доля партикулярных лексем, общих с языком X , среди всех партикулярных лексем языка Y ?; 4) то же для класса H_1 в языке Y . Пример. У польского и украинского языков всего совпадает 136 партикулярных лексем, из них по классу H_1 — 46. В украинском языке всего обнаруживается 244 лексемы этого типа, из них H_1 — 76; в польском же языке всего 293 лексемы, из них H_1 — 68. Получаем следующие четыре отношения: 1) $136/244$; 2) $46/76$; 3) $136/293$; 4) $46/68$. Первые два показателя говорят о месте совпадений с польским в пределах украинского языка, вторые два — о месте тех же совпадений в пределах польского языка.

Не приводя всех полученных показателей, отметим, что для славянского континуума в целом существенны четыре параметра:

- 1) давность или новизна традиции литературного языка;
- 2) вхождение в одну или в разные ветви славянских языков;
- 3) территориальная близость или удаленность;
- 4) различие основного пласта-«конструктора» и класса H_1 .

На основании собранных данных получается, что по основному пласту сходство обнаруживается у языков более древних литературных традиций, а по классу H_1 языки объединяются по вхождению в одну группу и/или по территориальной близости. Это еще раз говорит о более позднем процессе появления частиц из знаменательных слов, а не из основного «конструктора».

Однако необходимо отметить три обстоятельства, требующих принятия во внимание при оценке всех проделанных подсчетов.

1. Все количественные данные основываются на обработанном по определенной схеме материале чешского «Этимологического словаря служебных слов», поэтому возможна их корректировка при привлечении других материалов. 2. Не проводилось тотального разграничения данных со-

временных языков и данных этих же языков на ранних этапах, хотя соответствующие пометы в анкете делались. Так, нами выявлено 86 партикулярных лексем, объединяющих старославянский и древнерусский (но не современный русский). Тотального разграничения не проводилось, так как было очевидно, что составители Словаря не располагали такими подробными данными по всем славянским языкам. 3. Не проводилось специального отбора, который бы учитывал, что иногда та или иная лексема в одном языке присутствует в общекодифицированном свободном узусе, в другом же она представлена только во фразеологизированных оборотах. Например *ей* 'да' в старославянском языке встречается повсеместно: *разоумѣсте ли все си. глаголаша ѹмоу еи господи; бжди ж слово ваше еи еи и ни ни*. Ср. также в староболгарском: *обѣдалъ ли си? Еи, обѣдалъ*. В русском же языке это слово встречается в фразеологизмах: *ей-же-ей, ей-ей, ей-богу* и под.

Рассмотренные в совокупности, все данные попарных совпадений дают возможность поставить вопрос о том, какой язык имеет наибольшее число совпадений с остальными и, напротив, какой из славянских языков в наименьшей степени включен в общий континуум. Этот показатель для каждого языка определялся как дробь, в числителе которой была сумма совпадений с каждым из других языков по отдельности, а в знаменателе — все число имеющихся в нем неиндивидуальных партикулярных лексем. Как и в других случаях, различались данные по основному пласту и по H_1 .

Первый показатель был наибольшим для старославянского языка — 5,5, т. е. в той или иной степени его партикулярные лексемы соотносятся со всеми славянскими языками. По второму показателю (для H_1) результаты распределялись в диапазоне между 5,6 (македонский язык) и 2,2 (словенский язык).

Таким образом, словенский язык обладает максимальным количеством H_1 , к торые он мало разделяет с другими, напротив, македонский, обладающий минимальным числом H_1 , во многом совпадает по этому критерию с остальными языками¹.

IV. Выявление основного пласта партикул-«конструктора» позволяет поставить вопрос о формальной (фонетической) структуре этого конструктора, о смысловой его структуре и о соотношении форм и смыслов по славянским языкам. Анализ затруднен особенностями функционирования частиц в речи, связанными с синхронным существованием континуума звук-смысл, где сходство звука подчеркивает сходство смысла и наоборот. У частиц это дополняется сосуществованием разных диахронических явлений, как бы спроецированных на одну плоскость; так, в болгарском *же* соотносится с этимологически родственными *-гъ-*, *-го-* в *негли* (русск. *нежели*), *него*, *кога*, *когато*, *тогава*, а также с конечной частицей *зи* (по ветхой палатализации) — *този*, *тези*, *онзи*. Таким образом, *же*, *-г-*, *-зи* восходят к одной частице, родственной греч. $\gamma\epsilon$ [23].

«Перетекание» смыслов и форм можно легко увидеть на примере шести славянских партикул: I, A, NO, DA, ANO, TAK. Первые четыре односложны и минимальны, ANO интересна как комбинация A + NO, TAK интересна из-за многократно обсуждавшегося вопроса о совмещенности-различении DA и TA. В целом указанные частицы имеют следующие основные значения: 1) соединения — 'и', 2) противопоставления — 'но'; 3) подтверждения — 'да'; 4) указания на способ действия — 'так'. Анализ примеров, включая диалектный и архаический материал, показывает, что в с е э т и з н а ч е н и я для каждой из частиц в той или иной форме есть в каждом славянском языке. Приведем лишь некоторые примеры. A в значении 'и': др.-русск. *От рыдания а слез его скрачашеся глать его*; в значении 'да': русск. *Ты ведь его сделал, а?* DA в значении 'но': с.-х. *Не како ја хођу, да како ти*; в значении 'так': укр. *Так той котик як по-*

¹ Важно заметить, что при подсчетах не принимались во внимание данные «малых» славянских языков. Между тем очевидно, что значительная доля именно индивидуальных лексем характерна для обоих серболужицких языков; частой пометой является также $\gamma\epsilon$ (отмечено в полабском).

губ, да догнав лисичку. I в значении 'но' — ст.-сл. *Рѣхъ вамъ юже и не слышасте*, болг. *Знаеш и не ма обаждаш*. NO в значении 'и': с.-х. *Пошто су се напојили вина, но да рече*, польск. *Skoro już pragnie się zi tobie zobaczyć, no to może odź*. ANO в значении 'но': русск. диал. *Поехал ан не успел*, ст.-чешск. *Rád be se byl nasytil mláta, ano jemu nedadiechu*; в значении 'так': болг. *Зашто не го штеш? Ано не ми е прилика*. ТАК в значении 'да': болг. *Написа ли писмото? Така*. (Примеры приводились специально на не общеизвестные употребления.)

Это «перетекание» смыслов при формальных различиях мешало построить четкую схему корреляции форм и смыслов у славянского партикулярного пласта. Однако фонетика этого пласта оказалась доступной для схематизированного описания.

Консонантный состав описывается через 13 консонантов: v, s, j, ž, b, t, d, c, č, k, m, n, l. В этом наборе обращают на себя внимание доминирование передне- и среднеязычных звуков, отсутствие р и — что можно считать наиболее значительным фактом — отсутствие г. Общая фоника партикулы определяется открытостью исхода, тенденцией к вокальному окончанию, отсутствием сочетаний согласных, даже тех, которые были допустимы в общеславянскую эпоху. Спорным оставался вопрос о компоненте -qd(a) (ср. ot-sqd, do-sqd, ot-kqd, tqd, kqd и т. д.). Он не был включен, так как не удовлетворял первому критерию (возможность изолированного употребления).

Указанные фонетические особенности противопоставляют частицы (партикулярные слова) предлогам, фонетика которых не обладает перечисленными признаками; ср. славянские примеры, взятые подряд: *prama, predi, predmet, prema, přěmimo, přěmo, pri, přěčo, prijē, prijedku, pro, prosci, proč, pro-medju, proti, protiva/o, proz, prýmiž, přodci* [19, sv. I, s. 208—227].

К этому же противопоставлению можно отнести выбор b для частиц и p — для предлогов (с b в пределах славянского фонда собственно предлогов можно назвать только один предлог — *bez*). Наконец, предлоги и частицы противопоставлены и функционально: предлоги ориентированы на денотативный аспект высказывания, частицы — на коммуникативный.

Следующим этапом описания фонетики партикулярного пласта было выявление дистрибуции фонем. Для консонантизма было обнаружено следующее существенное ограничение (не совсем понятное, но очевидное): в качестве опорного согласного партикулы, занимающей первую позицию в комплексе, не встречаются — в отличие от других согласных — губные v, b, m (если отвлечься от вторичной протезы *voť, vonь*).

Перечень засвидетельствованных комбинаций «согласный + гласный» (по всем позициям в лексемах партикулярного пласта) приведен в следующей таблице:

Таблица

Согласный	Гласный					Ъ	Ь
	А	О	У	Е	И/У		
V	tuva	odonovo	—	tamve	jedvy	sicevъ	—
B	ba	bo	—	—	—	—	—
M	koľma	ovamo	—	—	toľmi	tamъ	—
S	nu-ka-sa	—	—	nužse	—	nu-s	zdesъ
C	—	—	—	sice	zdajci	—	—
N	na	no	nu	ne	ni	onъ	haň
L	—	nalo	—	jele	ili	—	koľ
Č	-ča	—	—	če	čili	—	—
Ž	—	—	—	že	—	—	—
T	tako	to	tu	te	ti	tъ	ačet'
D	da	do	kqdu	kъde	kudy	sad	ted'
J	jako	—	juze	jedva	—	—	i
K	-ka	koje	kudy	—	—	kъto	—

Из 91 возможных комбинаций (13 × 7) реализованными оказались 54. Существенным можно считать факт полного заполнения рядов t, d, n, т. е. именно тех t-овых, d-овых и n-овых партикул, которые отмечаются как основные не только для индоевропейских языков [20].

V. С каждым рядом общеславянских партикул с той или иной консонантной опорой можно связать определенную семантику. Поэтому возникает задача: 1) описать основные значения, связанные с тем или иным рядом партикул, 2) попытаться хотя бы схематично наметить грамматику порядков семантического плана, т. е. определить, какая сема «побеждает» на синтагматической оси при линейном расположении партикул.

1. Партикулы с опорой на N (имеют наибольшее число значений):

- А. Значение указательности (неблизкого дейкиса): опъ, јьлъ, тьлъ и т. д.
- Б. Значение адверсативности: по, нь.
- В. Значение неопределенности: нѣ.
- Г. Значение отрицательности: ni, ne.

2. Партикулы с опорой на T:

- А. Значение указательности (определенности): ть, та, то, тьтъ, тьъ и т. д.
- Б. Значение неопределенности (позднее): — to.

3. Партикулы с опорой на D:

- А. Значение соединения: da.
- Б. Значение временного и местного локализатора: da/dy/de.

4. Партикулы с опорой на K:

- А. Указание на нечто реальное, но не совсем ясное и потому подлежащее выяснению, т. е. синкретичная сема вопроса, неопределенности и определенности: ko, kogda, koj, koliko, koter.
- Б. Значение побуждения: -ka, -ko.
- В. Значение определенной, идентифицированной адвербиальности: jako, kako, tako, ovaко, onavaко.

5. Партикулы с опорой на V:

Имеют дейктическую сему с элементом характеристики: русск. *таковъ*, болг. *сицевъ, това*, укр. *туткива*, ст.-сл. *овъ*, русск. *эва*.

6. Партикулы с опорой на B:

- А. Значение разделительности: alebo, alibo, ibo, libo, nebo.
- Б. Значение пояснительности: bo.

7. Партикулы с опорой на M:

Общее значение адвербиальности: русск. *там, сям, с.-х овамо, онамо*, ст.-сл. *камо*.

8. Партикулы с опорой на S:

- А. Значение определенности: съ, sej, se.
- Б. Значение неопределенности: кѣтоси, кѣдеси.

9. Партикулы с опорой на Ž:

Значение определенности, подтверждения: že.

10. Партикулы с опорой на L:

- А. Значение разделительности: li, ili.
- Б. Значение вопросительности: li, ali, oli.
- В. Значение единственности: le, lě, ledva.

Представляется, что эти семы повлияли: первая, на возникновение конструкции типа *кто-либо* (вместо *кѣто-любо*), последняя — на появление *лишь* (*ли-шь*) в значении «только».

11. Партикулы с опорой на J (jъ > i):

Указательное значение: i.

12. Партикулы с опорой на Š:

Значение вопросительности: šъto.

13. Партикулы с опорой на C.

Не имеют своих собственных значений, пересекаясь с K-партикулами.

Итак, обобщая все отмеченные семы, можно сказать, что все партикулы входят в синкретичное поле определенности — неопределенности, где одни тяготеют к указательности-определенности (включая относительность-определенность: J-, V-партикулы), другие совмещают друг с другом определенность и неопределенность (T-, S-партикулы), третьи соединяют определенность с неопределенностью и отрицательностью (N-

партикулы²⁾, четвертые — определенность с неясностью (К-партикулы), пятые — неопределенность с выделением, разделительностью (L-партикулы).

Таким образом в основном ядре общеславянских коммуникативных слов категория определенности-неопределенности в широком смысле (тот — не тот? какой же?), пожалуй, является единственно важной. Все те значения, которые теперь связываются с частицами, а не собственно партикулами, на раннем этапе не выявляются, все они связаны со скрытой семантикой нормы, оценки, характеристики, с указанием на другие события, с пресуппозитивным фондом знаний и т. д. Весь этот мир коммуникативных аллюзий связан, видимо, с позднейшим этапом эволюции коммуникативного речевого обмена, а нагрузка, доставшаяся в этом плане именно частицам, объясняется, во-первых, их как бы заданной коммуникативной размытостью, и, во-вторых, стремлением говорящего повысить многоканальность информации речевого отрезка, не увеличивая его протяженности.

В основном фонде некоторые партикулы оказываются партикулами сильной семантики, сохраняя ее при всех комбинациях и перестановках, ср. сильное значение определенности у S- и T-партикул. Эта определенность побеждает, в частности, при сочетании с *li*. *Li* обладает не такой сильной семантикой (неясность, разделение), которая сохраняется в изолированном положении и в комбинации с *-бо*, где *ли* в первой позиции, но сочетание с *тъ* выражает определенность (с.-х. *толи*: *Но тмаста толи није, да не може девојка бит познана*), хотя имеем *али*, *дали*, *или*, где *ли* сохраняет свое значение. Точно так же T побеждает неопределенность K в так: *Так поступайте, а не иначе*.

Некоторые комбинации приобретают в свою очередь устойчивое единое значение, например, *-лико* — количественное значение: *селико*, *толико*, *колико*; *-амо* — значение направленности: *тамо*, *овамо*, *онамо*; *-ак(о)* — способа действия: *оако*, *тако* и т. д.

VI. При выявлении типологических расхождений между славянскими языками в выборе той или иной частицы (партикулы) важным оказывается следующий вопрос: можем ли мы говорить о случайности в историческом процессе выбора (элиминирования) той или иной частицы? Не наблюдается ли при этом какого-либо отчетливого предпочтения? И какого именно — чисто фонетического?, фонетико-семантического?, чисто семантического? Например, всеславянский комплекс *koliko* представлен ст.-сл. *колико*, чешск. *kolik*, словацк. *kol'ko*, словенск. диал. *koliko*, с.-х. *колико*, мак. *колку*, болг. диал. *колко*, польск. *kilka*, белор. *кольки*. Но в русском и украинском мы имеем наращение *с*: русск. *сколько*, русск. диал. *скоко*, укр. *скільки*, укр. диал. *скілько*.

Подобный разброс, наращения и опрощения можно практически отметить для каждой партикулярной лексики общеславянского фонда. (См. у А. А. Зализняка о сосуществовании двух моделей местоимений с частицами-релятивизаторами: *кѣто же* и *кѣто то* и о распределении этих моделей по славянским языкам [24].)

Всегда ли подобные расхождения объясняются историко-фонетическими законами данного языка, даже если речь идет о двух выборах: выборе самой партикулы из синонимического ряда и выборе фонетического облика этой партикулы? Возможность такого выбора наличествует и в настоящее время — это показывают диалектные данные славянских языков.

Однако некоторые черты зонального распределения можно увидеть и в нашем материале. Например, различаются зоны /*јако*/ — /*како*/. Зона /*јако*/ представлена на западе: укр. *як*, белор. *як*, польск. *як*, чешск. *як*, словацк. *јако*. /*Како*/ характеризует южнославянские и русский язык: русск. *как*, с.-х. *како*, мак. *како*, словенск. *како*, болг. *как*. Но тут необходимо признать, что в древних памятниках тех же языков наблюдаются и обратные факты: ст.-польск. *како*, ст.-чешск. *како*, но др.-русск.

² Такое же совмещение у *n*-овых показателей финно-угорских языков, где отрицательное значение появляется позже, отмечает К. Е. Майтинская [20].

яко, ст.-серб. јако. Сходным образом различаются и адъективные образования той же семантики: чешск. jakú и русск. какой, каков, с.-х. какав и т. д. Из этих фактов можно было бы сделать вывод о том, что западнославянские языки предпочитают йотацию в начальной позиции партикулярных лексем. Что это не совсем так, убеждает распределение вариантов другой лексемы — jedv-/ledv-. Начальная йотация отмечена в ст.-сл. *кѣѡва*, русск. *едва*, чешск. *jedva*, с.-х. *једва*, словацк. *jedva*; вариант с l-, считающийся вторичным, отмечается для белор. *ледзь*, *ледзьве*, укр. *ледве*, словацк. *ledva*, польск. *ledwie*. Определение второго варианта как вторичного не объясняет причин выбора, поскольку все эти языки знают йотированные инициалы.

Подлинный ответ на все поставленные вопросы о причинах и фактах типологической дистрибуции частиц в славянском континууме можно получить лишь в том случае, если каждую славянскую частицу проанализировать так, как проанализировал во Ярослав Бауэр [25]. Составленная им схема демонстрирует не только дистрибуцию, прерывность, типологию распределения, но и обратное — непрерывность славянского континуума, удивительным образом в этом пласте слов сочетающуюся с избирательностью. В целом ситуацию можно характеризовать как «и + или» одновременно (недаром *и* включается в *и-ли*).

В целом же можно говорить о некотором предпочтении для южнославянской зоны консонантного ряда v, m, n, d, для западнославянской зоны — s, ž. См. южнославянские *еѡај*, *еѡаки*, *еѡако* (с.-х.), *inivo* (словенск.), *ионако*, *инамо* (с.-х.), *каконо* (с.-х., болг., мак.), *камо* (словенск., с.-х., мак., болг.), *нака* (словенск., болг.), *нали* (мак., болг.), *етаѡако* (с.-х.), *некамолѡ* (с.-х.), *нели* (словенск, мак., болг.), *некамо* (словенск., с.-х.), *оданле* (с.-х.), *одаѡде* (с.-х., мак.), *одаѡле* (с.-х.), *оле* (мак., болг.), *онако* (словенск., с.-х., мак., болг.), *онамо* (словенск., с.-х., мак., болг.), *оѡамо* (словенск., с.-х., мак., болг.), *оѡо* (с.-х. мак., болг.), *оѡолико* (с.-х., болг.), *ѡакако* (с.-х.), *ѡако* (с.-х.), *ѡали* (с.-х., мак., болг.), *ѡано* (с.-х., болг.), *ѡури* (мак.), *ѡори* (болг.) и др. Таким образом, можно высказать гипотезу, что южнославянским языкам свойственна большая соноризация, что определяет выбор.

Несмотря на высокую частотность *же* именно в старославянском языке [23], к местоименному исходу эту частицу широко присоединяют западнославянские языки — *týž*, *tenže* (чешск.), *tenže* (словацк.), *tenże* (польск.), в этих же языках неопределенные местоимения образуются присоединением *si* (*ś*). Таким образом, в западнославянских языках сильнее тенденция к предпочтению фрикативных шумных — z, s, ž (это соответствует обывательскому представлению об обилии «шипящих» в этих языках).

Русский язык предпочитает Т-партикулы и даже их редуцирует (*кто-то* и т. д.). В то же время Т-партикула является основой болгарского и македонского артикля, а также релятивизатора: болг. *които*, *когато*, *като*, *където* и т. д. Таким образом, одна и та же партикула явилась источником как русской неопределенности, так и болгарской определенности. Это еще раз подтверждает тезис о первоначальной синкретичности, амбивалентности показателей неопределенности и определенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Josephson F. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972.
2. Carruba O. Die satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma, 1969.
3. Denniston J. D. The Greek particles. Oxford, 1954.
4. Blomkvist J. Greek particles in hellenistic prose. Lund, 1969.
5. Blomkvist J. Das sogenannte καί adversativum. Uppsala, 1979.
6. Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.
7. Дограмаджиева Е. Структура на старобългарското сложносъчинено изречение. София, 1968.
8. Dressler W. Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax.— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Bd. 85, 1971, Hf. 1.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964; Т. II. М., 1967; Т. III. М., 1974; Т. IV. М., 1973.

10. *Ivanov V. V.* The relation between different grammatical levels in the linguistic evolution.— *Die Sprache*, 1977, v. 23, № 1.
11. *Русская грамматика*. Т. I. М., 1980, с. 723.
12. *Gonda J.* The history and original function of the Indo-European particle **k^ue*, especially in Greek and Latin.— *Mnemosyne*, 1954, v. VII, fasc. 4.
13. *Fischer K.*—*D.* Das Auftreten von — *que* im Pferdebuch des Pelagonius und seine Bedeutung für die Quellenkritik.— *Philologus*, 1981, Bd. 125, Hf. 1.
14. *Шерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 24.
15. *Wierzbicka A.* Particles and linguistic relativity.— *International review of Slavic linguistics*, 1976, v. 1, № 2—3.
16. *Lakoff R.* Language and context.— *Language*, 1972, v. 48, № 4.
17. *Heinrichs W.* Die Modalpartikeln im Deutschen und Schwedischen. Tübingen, 1981.
18. *Opalka H.* Zum syntaktischen Verhalten der Abtönungspartikeln *aber, ja* und *vielleicht* in Satzkonstruktionen mit prädikativen Ergänzungen.— In: *Aspekte der Modalpartikeln*. Tübingen, 1977.
19. *Etymologický slovník slovanských jazyků*. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Praha, 1973; Sv. 2, Praha, 1980.
20. *Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.
21. *Coseriu E.* Partikeln und Sprachtypen.— In: *Wege zur Universalien Forschung*. Tübingen, 1980.
22. *Скиба Ю. Г.* Русские предлоги, союзы, частицы. Опыт системно-исторического исследования. Автореф. докт. дисс. Черновцы, 1980.
23. *Добрев И.* Към историята на старобългарската морфема *же*.— *Известия на Института за български език*. Кн. 8. София, 1962.
24. *Зализняк А. А.* Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском.— В кн.: *Балто-славянские исследования*. 1980. М., 1981.
25. *Bauer J.* Slovanské spojky с — *bo*.— In: *Studie ze slovanské jazykovědy*. Praha, 1958.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БОБРОВА С. П.

И. Н. БОРОЗДИН КАК ИСТОРИК-СЛАВИСТ

В одной из своих центральных славистических работ — статье, посвященной Н. П. Грацианскому, И. Н. Бороздин писал: «Сравнительно короткий период деятельности Грацианского охватывают его славянские штудии, но они дали чрезвычайно много для науки» [1, с. 6]. Первая часть этого высказывания вполне применима и к творчеству Ильи Николаевича Бороздина (1883—1959), но значимость его вклада в славистику еще предстоит определить. Настоящую статью мы рассматриваем как сильную попытку восполнить этот пробел в истории советской славистики.

И. Н. Бороздин родился 4 ноября 1883 г. в Ярославле, но большая часть его жизни была связана с Москвой. Получив образование в 3-й московской гимназии, будущий ученый в 1902 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, после окончания которого преподавал историю в Медведниковской гимназии и одновременно читал лекции в Народном университете. В 1903 г. были напечатаны первые статьи студента-второкурсника под заголовком «Поездка в Грецию», а в 1906 г. — первая книга молодого исследователя «Очерки по истории социального движения во Франции в XIX в.» [2, с. 5]. И. Н. Бороздин формировался как специалист по всеобщей истории [3, с. 198]; его учителями были П. Г. Виноградов, В. И. Герье, В. О. Ключевский, М. К. Любавский, Н. И. Стороженко. Среди работ Ильи Николаевича — исследования по археологии, истории древнего мира, средних веков, нового времени, отечественной истории и историографии. Он писал о Т. Н. Грановском, В. О. Ключевском, М. М. Ковалевском, Н. П. Павлове-Сильванском, Г. В. Форстене и др. После Октябрьской революции И. Н. Бороздин был профессором всеобщей истории Военно-педагогического института, Института востоковедения, входил в состав редколлегии журнала «Новый Восток» (редактор исторического отдела), в 1933—1935 гг. возглавлял кафедру древней истории в МГПИ им. В. И. Ленина. Обладая разносторонними дарованиями, ученый выступал и на литературно-критическом поприще, главным образом, в области многонациональной литературы народов СССР. С 1934 г. — он член Союза писателей СССР.

Но славянские темы в сочинениях И. Н. Бороздина в полную силу зазвучали сравнительно поздно — в ашхабадский период его деятельности (1943—1949), когда в местной и центральной печати появилась серия статей и рецензий историка: «Роль великого русского народа в вековой борьбе славян с немецкой агрессией» (1945), «Москва и славянство» (1947), «Неправильное освещение русско-болгарских связей» (1947), «Вклад советской науки в изучение истории славян» (1948) [2, с. 24—25]. Этими работами и особенно монографической статьей «Н. П. Грацианский как историк славян» (1947) И. Н. Бороздин зарекомендовал себя как глубокий и вдумчивый исследователь славянской проблематики.

Постановка самых различных вопросов славяноведения (русско-болгарские культурные связи, славяно-германские отношения, историография), свободная ориентация в источниках и литературе свидетельствовали, что история славян давно входила в круг интересов И. Н. Бороздина. Студентом МГУ он поддерживал тесные контакты с М. К. Любавским (учеником Н. А. Попова) и позднее не потерял связи с учителем, посвятив его творчеству ряд работ. Внимание молодого ученого к славянской тематике стимулировали и события первой мировой войны, судьба Сербии, ставшей объектом агрессии австрийских Габсбургов. В научно-популярной работе «Россия и Турция» (1915) Илья Николаевич в сжатой форме воссоздает историю восточного вопроса, составной частью которого была борьба России за освобождение славянских народов [4]. Расширение круга научных интересов после Октябрьской революции, о чем И. Н. Бороздин писал в автобиографии [5], приводит его к видению новых перспектив в изучении русско-славянских отношений. В рецензии на книгу А. Ельницкого «Роза Люксембург» ученый подчеркивал роль Красной Розы в укреплении русско-польского революционного сотрудничества [6, 1925, № 15, с. 256].

Наконец, в становлении И. Н. Бороздина-слависта немаловажную роль играли личные связи с В. И. Пичетой (1878—1947), Н. П. Грацианским (1886—1945), Н. С. Державиным (1877—1953). Письма, бережно хранимые женой историка П. А. Бороздиной (за возможность знакомления с ними автор статьи выражает ей глубокую благодарность), дают представление об интенсивном научно-информативном обмене между учеными. Контакты с В. И. Пичетой, окончившим МГУ шестью годами ранее (его учителем также был М. К. Любавский), установились еще до первой мировой войны [5]. С середины 20-х годов И. Н. Бороздин вел оживленную переписку с Н. С. Державиным. Среди его корреспондентов в ашхабадский период был и акад. Ю. В. Готье, читавший в течение ряда лет в Московском университете курс истории южных славян. Они представляли ту часть русской интеллигенции, которая отдала свои знания, педагогический дар, организаторский талант победившему в Октябре народу. Этих историков сближала и работа в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам (здесь же учился в аспирантуре С. А. Никитин, но тесное общение с ним началось несколько позже), в издательствах, учебных заведениях (например, совместная с Н. П. Грацианским работа в МГИИ им. В. И. Ленина).

Немалый интерес представляет переписка с Н. С. Державиным, прилагавшим значительные научные и организационные усилия, чтобы вывести советскую славистику 20-х — начала 30-х годов на передовые рубежи. Он постоянно держал Илью Николаевича в курсе главных славистических новостей. 1 января 1925 г. ленинградский ученый сообщал о подготовке своей книги «Русский абсолютизм и южное славянство» [5], увидевшей свет через три года. В письме от 29 ноября 1929 г. он делился впечатлениями о поездке в составе советской делегации на Пражский славянский съезд: «Съездил я в Прагу, — писал Николай Севастьянович, — с большой пользой и для себя и, надеюсь, для СССР... Всюду я встречал огромные симпатии к нам, огромный интерес к СССР, жажду приехать к нам, установить нормальные с нами культурные и хозяйственные связи. Чехословакия — богатейшая индустриальная страна с огромным производством и перепроизводством. Она нуждается в рынке. Это лежит в основе той задушевности, с которой была на Съезде встречена Советская делегация. Наши здраво понятые интересы буквально диктуют нам некоторые шаги для того, чтобы углубить и упрочить это настроение, царящее не только в Чехословакии..., но и у всех славян. Исходя из этого я предложил в своих официальных докладах... 1) создать Научно-исследовательский Славянский институт, 2) усилить в наших университетах преподавание славяноведения, 3) созвать в 1931 г. всесоюзный этнолого-лингвистический Съезд с приглашением на него в качестве гостей западноевропейских и славянских ученых» [5]. Прилагая большие усилия для осуществления этого плана, в 1931 г., накануне открытия Института славяноведения

в Ленинграде, Н. С. Державин раскрывал перед Ильей Николаевичем перспективы и особенности работы нового учреждения: «В его задачу кроме изучения славян я включил также и культурно-исторически смежные с ними Византию, Грецию, Албанию, Румынию и Молдавию. Надеюсь, что мои многолетние устремления получают, наконец, свое завершение» [5].

Подобные письма можно было адресовать только человеку, весьма и весьма неравнодушному к судьбам советского славяноведения. И как не случаен был интерес И. Н. Бороздина к славяноведению, так не случайным было и время его обращения к специальному исследованию славянской проблематики. Возраставшая политическая, общественная и научная значимость славяноведения накануне и в период второй мировой войны привела к ряду важных организационных мероприятий, обеспечивших не только подготовку молодых научных кадров, но и привлечение известных исследователей, интересы которых включали также историю славян. К когорте пришедших в славистику представителей «старой гвардии» (В. И. Пичета, Н. П. Грацианский, Ю. В. Готье и др.) принадлежит и И. Н. Бороздин.

Свое первое крупное славистическое исследование Илья Николаевич посвятил, как уже указывалось, Н. П. Грацианскому, но обращение к анализу его трудов не было только данью памяти безвременно ушедшего из жизни соратника по науке. Подзаголовок «Страница из истории советского славяноведения» четко определял историографическую задачу статьи: рассмотреть творчество ученого как один из аспектов развития советской исторической науки. Советская славистика в 40-е годы только обретала своих историографов [7; 8] и нуждалась как в итоговых обзорах пройденного пути, так и в оценке научного наследия ее флагманов, опыт которых должен был стать хорошей школой для молодого поколения исследователей. Небольшая статья В. И. Пичеты, посвященная Н. П. Грацианскому-слависту [9], не исчерпывала темы, но предопределила появление работы И. Н. Бороздина.

Илья Николаевич подошел к изучению наследия Н. П. Грацианского во всеоружии исторических и историографических знаний. Он выясняет методологические и научные истоки творчества Н. П. Грацианского, раскрывает процесс его перехода в славистику, значимость анализируемых историком вопросов, динамику их разработки. Кратко обозначив основные вехи исследовательской биографии Н. П. Грацианского, И. Н. Бороздин связывает становление ученого с усвоением лучших традиций русской дореволюционной исторической науки, получившей мировое признание. Автор подчеркивает закономерность возрастающего интереса медиевиста к славянской тематике: «Историк, изучающий средневековье в широком охвате, не может не уделять необходимого места рассмотрению судеб славянских народов», — пишет он [1, с. 6]. От занятий историей славян, связанных с подготовкой лекционного курса, охватывающего весь период средних веков, ученый, указывает И. Н. Бороздин, переходит к более детальному исследованию судеб средневекового славянства.

Непреходящая заслуга Н. П. Грацианского в области славяноведения — воссоздание научно-обоснованной, целостной картины славяно-германских отношений в средние века, определение причин и этапов агрессии немецких феодалов, выяснение истории героического сопротивления славянских народов. Рассмотрение этого круга вопросов имело большое научное и общественное значение в период, когда германский фашизм, готовя агрессию против славянских народов, взял на вооружение престолвную теорию «*Drang nach Osten*». Поэтому тезис об ответственности историка перед обществом и наукой стал стержнем статьи И. Н. Бороздина.

Первый этап в изучении славяно-германских отношений исследователь связывает с идейной борьбой советской науки конца 30-х годов против попыток искажения истории славяно-германских отношений. Анализ статьи Н. П. Грацианского «Немецкий *Drang nach Osten* в фашистской историографии» позволил отметить политическую значимость, полемическую заостренность, документальную обоснованность выводов советского

историка, разоблачившего псевдонаучные построения, нацеленные на оправдание натиска на Восток: теорию о германцах как первых обитателях славянской территории, культурной миссии завоевателей и т. д. Сам опытный полемист, И. Н. Бороздин был полностью согласен с блестящей и строго обоснованной критикой тенденциозных извращений немецкой националистической историографии. Статья, считает он, «явилась как бы введением к целому ряду работ русского ученого, посвященных прошлому славяно-германских отношений» [1, с. 6, 9].

Новая группа работ Н. П. Грацианского по славистике, центральное место среди которых принадлежит книге «Борьба славян с немецкой агрессией в средние века» (о ее скором выходе автор сообщал И. Н. Бороздину 28 октября 1943 г. [5]), появилась в разгар военных действий на советско-германском фронте и причислена историографом к «мастерским обзорам» «борьбы славян за свою свободу и независимость» [1, с. 9]. И. Н. Бороздин, внесший свой вклад в освещение патриотической темы, называет труды Н. П. Грацианского «лучшими образцами популяризации высокого стиля» [1, с. 9]. Но вызванная требованием времени, такая форма работ вполне сочеталась с научным характером их содержания. По авторитетному мнению И. Н. Бороздина, они базировались на «пристальном изучении первоисточников» и «исчерпывающем знании литературы предмета» [1, с. 9]. В популярные издания, считает историограф, Н. П. Грацианский сумел внести «свое и новое» — идеи, которые позднее получили поддержку и развитие в советской науке, к числу которых автор относит постановку вопросов социально-экономического развития полабских и поморских славян, образования первых государственных объединений у западных славян, политических и культурных взаимоотношений последних с западноевропейскими странами в IX—XII вв. Получившие развитие в самостоятельных научных исследованиях, эти направления составили основу, как следует из выводов И. Н. Бороздина, третьей группы работ слависта.

Илья Николаевич подчеркивает важность положений Н. П. Грацианского о ходе процесса классовобразования у славян, ускоренного внешней опасностью, о неоднозначности славянской политики Карла Великого, отнюдь не носившей агрессивного характера, а игравшей вспомогательную роль при решении основных внешнеполитических задач Франкской монархии. Во всех изучаемых публикациях И. Н. Бороздин прослеживает предпосылки «движения на Восток». Самую высокую оценку историограф дает статье Н. П. Грацианского «Крестовый поход 1147 года против славян и его результаты», определяя ее как «строго научное исследование» и называя «подлинным шедевром научно-исследовательского мастерства» [1, с. 15]. Успех трудов слависта И. Н. Бороздин связывает с блестящим знанием источников, марксистской интерпретацией фактов, гражданской позицией историка, который в период Отечественной войны «видел свой патриотический долг в непрестанной научной работе, на идеологическом фронте наносящей сокрушительные удары фальсификациям и извращениям фашистских „культуртрегеров“» [1, с. 18].

Следует признать, что не все положения, выдвинутые Н. П. Грацианским и поддержанные его историографом, были приняты в славистике. Но, во-первых, речь идет о частных вопросах (например, о происхождении кушца Само), которые ввиду скудости источников и сейчас нельзя считать до конца решенными. Во-вторых, Илья Николаевич приходит к единым с Н. П. Грацианским выводам на основе самостоятельного анализа источниковедческого и историографического материала (средневековых хроник, работ Ф. И. Успенского, Д. Н. Егорова, П. Шафарика, Ф. Палацко, З. Неядлы и др.). Хорошая ориентированность во всех аспектах изучаемого вопроса — неременная черта научных изысканий И. Н. Бороздина¹. Его статью о Н. П. Грацианском-слависте отличают и такие при-

¹ Четкость трактовки творчества Н. П. Грацианского характеризует и статью Ильи Николаевича об ученом во втором издании БСЭ, выгодно отличающуюся от соответствующего материала в СИЭ именно определением важности славяноведческой тематики в трудах историка [10, с. 473; 11, с. 702—703].

знаки как четкость структуры, отточенная техника историографического анализа, решение конкретных задач исследования в сочетании с постановкой общетеоретических методических вопросов (задачи советского славяноведения, традиции в науке, популярная форма изложения), объединение научно-исследовательского и мемуарного материала, отличная стилистика. Четверть века эта статья оставалась единственной крупной работой о славистическом наследии Н. П. Грацианского. Только в семидесяти годы появились содержательные статьи А. Е. Москаленко [12; 13], в которых он ввел в научный оборот новый архивный материал (в том числе и рукописи Н. П. Грацианского, свидетельствующие, что славянская тематика занимала будущего ученого еще в студенческие годы) и, несмотря на отдельные расхождения, высоко оценил исследование своего предшественника.

Немаловажный интерес представляет и рецензия И. Н. Бороздина на книгу болгарского исследователя Н. Дылевского «Рыльский монастырь и Россия в XVI—XVII вв.». Приветствуя изучение важного аспекта русско-болгарских культурных контактов, рецензент подмечает одностороннюю, а подчас и неверную трактовку автором книги их характера на отдельных этапах; Бороздин подчеркивает, что влияние славянских культур «было взаимным» [14, с. 53].

Следующий цикл работ И. Н. Бороздина по славистике связан с анализом наследия русских революционных демократов, и прежде всего Н. Г. Чернышевского. Традиционный для передовой русской интеллигенции интерес к его деятельности обозначился в 20-е годы в рецензиях историка на книги В. Чехихина-Ветринского и К. Берковой, посвященные великому революционеру [6, 1923, № 7; 1925, № 14]. В молодой советской науке тема о Чернышевском, его роли в развитии теории и практики освободительного движения рассматривалась как особо актуальная и важная [15, с. 352]. Не была она случайной и для И. Н. Бороздина — редактора научно-популярной серии «Революционные движения» в издательстве «Мир». Именно в этой серии вышла в 1924 г. книга Н. П. Грацианского [16]. Кстати, анализ редакторской работы И. Н. Бороздина может дополнить представление о процессе перехода историка на марксистские позиции. В 1923 г., определяя задачи серии «Революционные движения», он писал о необходимости «на экономической основе дать живые и конкретные обзоры главнейших моментов революционных движений в той или иной стране» (см. предисловие к книге [17, с. 3—4]).

Детальная разработка творчества Н. Г. Чернышевского датируется воронежским периодом жизни И. Н. Бороздина (1949—1959), когда в его научной работе ярко проявилась особенность, наблюдаемая и ранее — тесное сочетание славяноведения и историографии. Именно с 50-х годов советские историки активно занялись изучением вклада революционных демократов в рассмотрение проблематики всеобщей истории. Тема вытекала и из научных занятий И. Н. Бороздина русской медиевистикой 40—50-х годов XIX в. Одновременно она являлась продолжением анализа русско-славянских отношений, причем наиболее важного их аспекта. В 1953—1958 гг. ученый опубликовал серию статей [18—20]. И снова обращение Ильи Николаевича к специальному исследованию трудов выдающегося русского революционера было связано с задачами, стоявшими перед советской наукой.

В советской историографии уже были попытки освещения славянских контактов русского революционного движения допролетарского периода, но специальной постановкой вопроса о связях Н. Г. Чернышевского с южными славянами историческая наука обязана крупному болгарскому историку и публицисту Г. Бакалову — автору статьи «Чернышевский на Балканах» [6, 1934, № 4] и известному исследователю русского революционного движения Б. П. Козьмину [21]. Их научный авторитет, глубокое проникновение в интернациональную суть учения великого революционера требовали особо серьезного отношения к самой возможности сказать свое слово в теме. Исследовательский поиск И. Н. Бороздина позволил найти новые аспекты изучения многопланового наследия Н. Г. Черны-

шевского. Если Г. Бакалов главную свою цель видел в определении влияния русского революционера на социальное углубление и активизацию национально-освободительного движения южных славян, то И. Н. Бороздин поставил вопрос о неразрывной связи в трудах Н. Г. Чернышевского «борьбы за свободу и независимость славянских народов» с «неустанной борьбой с самодержавно-крепостническим строем в России, со всеми разновидностями реакционных режимов за рубежом» [20, с. 29].

При его рассмотрении ученый постепенно вводит читателя в сферу славистических занятий Н. Г. Чернышевского. Сначала будущий революционер, заинтересованный славяноведением в широком плане, представлен как ученик видного буржуазного слависта И. И. Срезневского; затем И. Н. Бороздин определяет формирование его научных поисков в области истории и культуры славян. Анализируя рецензию Н. Г. Чернышевского на сборник Н. Берга «Песни разных славянских народов», автор подмечает пристальное внимание великого критика к песням косовского цикла, отражающим героическую борьбу славян против османских завоевателей [20, с. 29]. Отношение Н. Г. Чернышевского к вторжению турок-османов на Балканы, определение его губительных последствий для славянских народов, полемика революционера с защитниками османской экспансии рассмотрены историком в статье «Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками».

Ведущую роль в формировании славянских интересов Н. Г. Чернышевского И. Н. Бороздин отводит русскому общественному движению. Если до середины 50-х годов XIX в., по его наблюдениям, внимание революционера привлекают события славянского прошлого, то в условиях роста классовых противоречий в России, складывания первой революционной ситуации, он все чаще обращается к современному положению славян [19, с. 35], их борьбе за свободу и независимость. Чернышевский особо останавливается на периоде сербских восстаний 1804—1815 гг. и движении за демократизацию сербского государственного строя в середине XIX в. Пристальное изучение произведений великого революционера (обширной рецензии на книгу Л. Ранке «История Сербии по сербским источникам», статей «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию», «Самозванные старейшины» и др.) дало возможность И. Н. Бороздину охарактеризовать общеисторические взгляды Н. Г. Чернышевского, постановку им актуальных вопросов, возникавших перед славянским освободительным и демократическим движением. Ученый обращает внимание на один из главных выводов революционно-демократического направления в русской историографии — о решающей роли народных масс. Он указывает на трактовку Н. Г. Чернышевским в рецензии на книгу Л. Ранке причин поражения первого сербского восстания, которые революционер-демократ связывает с забвением руководителями восстания интересов народных масс [20, с. 24]. Мысль о решающей роли народа, воля которого стала определяющей при смене династий в Сербии в 1858 г. и сыграла важную роль во внешнеполитическом признании этого факта, И. Н. Бороздин прослеживает и в статье Н. Г. Чернышевского «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию». Материал последней дал возможность Илье Николаевичу отметить еще одну важнейшую особенность исторических взглядов революционера — выдвигание на первый план экономических причин, «обулавливающих общий ход общественного движения» [20, с. 25].

Связь исторических работ Н. Г. Чернышевского на славянскую тематику с постановкой им важнейших вопросов современной ему действительности исследователь рассматривает на примере отношения к сербскому представительному органу — скупщине. Н. Г. Чернышевский, указывает И. Н. Бороздин, подробно останавливается на перипетиях политической борьбы в скупщине, стремится подчеркнуть ее демократический характер. Одновременно Илья Николаевич видит определенную идеализацию «сербской крестьянской демократии» в труде революционера, не оставляет без внимания и некоторые другие недочеты работы: недостаточ- но глубокий анализ экономики, социальной дифференциации сербского

общества и т. д. [20, с. 27—28]. Четкая оценка борьбы Н. Г. Чернышевского против славянофильства дана на примере его статьи «Самозванные старейшины», появление которой было вызвано необходимостью противопоставить притязаниям московских либералов на роль «советчиков сербов» революционное утверждение права каждого народа на решение своей судьбы. Страстное обличение Н. Г. Чернышевским носителей «прописанных истин», с удовлетворением встреченное в славянских странах, согласно выводу историографа, — яркое свидетельство революционного характера публицистики Н. Г. Чернышевского по славянскому вопросу. «Боевая статья Чернышевского, — определяет И. Н. Бороздин, — является одним из звеньев целой цепи его выступлений против славянофильского лагеря» [20, с. 29].

Выдающимся достижением революционера ученый считает предложенное им решение национального вопроса на Балканах — идею балканской федерации. «Эта идея, — пишет историк, — пользовалась огромной популярностью среди революционных деятелей балканских стран. Ее пропагандировали и Светозар Маркович, и Христо Ботев, и Любен Каравелов, и многие другие» [20, с. 28]. Такие же передовые взгляды высказывал Н. Г. Чернышевский и при трактовке освободительной борьбы славян, томившихся под властью Австрии. И. Н. Бороздин отмечает, что при этом сложились требования революционного освобождения славян и интернационального единства славянских и неславянских народов в борьбе за свободу. Последовательная революционно-демократическая линия, — подчеркивает Илья Николаевич, — позволила ему выявить скрытые под покровом национальной вражды социальные противоречия. Диалектическая постановка великим революционером национального вопроса видится историографу в том, что Н. Г. Чернышевский предупреждал австрийских славян как от местного национализма, так и от «австрофильских иллюзий» [19, с. 37].

Исследования И. Н. Бороздина, посвященные Н. Г. Чернышевскому, существенно дополнили представление о мировоззрении великого революционера-демократа, раскрыли новые важные аспекты рускославянских революционных связей. Как и работа о Н. П. Грацианском, они получили известность в историографии [22, с. 197; 23, с. 53, 58; 24, с. 128].

Вклад каждого крупного ученого в любой раздел науки определяется на основе не только его личных исследований, но и самой организации научного направления. В этом свете трудно переоценить значение деятельности И. Н. Бороздина для организации славистического направления в Воронежском государственном университете (ВГУ).

Воронеж имеет давние славяноведческие традиции. С 1860 по 1918 г. здесь издавались «Филологические записки», на страницах которых поднимались вопросы средневековой и новой истории славян; в период становления Воронежского университета в 1918—1920 гг. в его стенах трудились: специалист в области аграрной истории Чехии проф. А. Н. Ясинский, филолог-славист чл.-корр. АН СССР Г. А. Ильинский; славянской проблематике уделял внимание первый ректор университета византинист проф. В. Э. Регель. Но создание славяноведческого направления в ВГУ датируется первым послевоенным десятилетием и связано, прежде всего, с именем И. Н. Бороздина.

Целенаправленная и последовательная деятельность Ильи Николаевича складывалась из тщательной подготовки будущих исследователей, сплочения ученых-славистов и всех, кто интересовался славянской проблематикой, издания трудов воронежских славистов, связей с центрами славяноведения и отдельными крупными исследователями, организации славяноведческих форумов. Славяноведческая проблематика стала одной из ведущих в работе кафедры всеобщей истории, руководимой проф. И. Н. Бороздиным: по истории славян читались спецкурсы, проводились спецсеминары, выполнялись курсовые и дипломные работы. Вокруг Ильи Николаевича объединились молодые ученые (А. Е. Москаленко, Л. В. Волкова-Кржеминская), специалисты-смежники, студенческий актив, заинтересовавшийся проблемами славяноведения (А. Г. Волков,

Г. И. Липатникова, Н. Т. Сапронова, С. П. Боброва, Н. П. Мананчикова, Б. С. Попков и др.).

В 1949 и 1957 годах в Воронежском университете проводились славянские конференции с участием представителей Славянского комитета СССР, Института славяноведения АН СССР и др. На первой из них Илья Николаевич — инициатор их созыва — выступил с докладом «Вклад советской науки в изучение истории славянства». В 1958 г. в ВГУ, впервые на периферии, были изданы два выпуска «Славянского сборника» — исторический и филологический, приуроченные к Московскому съезду славистов. Илья Николаевич редактировал первый из них и оказывал помощь в подготовке второго. С 1953 по 1956 г. Ученый совет историко-филологического факультета ВГУ провел защиту шести кандидатских диссертаций по славянской тематике, причем четыре диссертации были выполнены под руководством И. Н. Бороздина.

В диссертациях ученики И. Н. Бороздина решали неисследованные или малоисследованные проблемы социально-экономической и культурной истории средневековых славян, национально-освободительного движения славянских народов в XIX в. Работа под руководством Ильи Николаевича протекала в атмосфере высокого напряжения творческой мысли, исключавшего даже намеки на легковесность или бездумное накопление фактов. И. Н. Бороздин давал простор для самостоятельного исследовательского поиска, но неукоснительно требовал выполнения взятых научных обязательств. Сдержанный внешне, он обладал чутким сердцем и в трудную минуту каждый ученик мог рассчитывать на помощь и поддержку учителя. Славяноведческое направление создавалось в ВГУ параллельно с историографическим. И Илья Николаевич стремился сблизить учеников — историографов и славистов. Не случайно рано или поздно все слависты выступали в качестве историографов, а историографы отдавали дань славяноведческой тематике:

Целясь опытом создания славяноведческого направления, ученый в информативных сообщениях умел ставить вопросы, не потерявшие актуальности и сегодня. В 1955 г. он указывал на необходимость издания учебника по историографии славян, преподавания славянских языков на истфаке, на слабое отражение славянского материала в «Хрестоматии по истории нового времени» [25, с. 109]. Успехи воронежских славистов, накопленный фактический и методический материал позволил работникам кафедры всеобщей истории ВГУ (П. М. Гапонову, А. Е. Москаленко) во главе с И. Н. Бороздиным выступить с обширной рецензией на первый учебник по истории славян [26, с. 177—185].

В 60—70-е годы коллеги и ученики Ильи Николаевича сумели развить многое из того, что он начал делать. В 1966 г. в Воронеже прошла 3-я всесоюзная конференция историков-славистов. В ВГУ создана кафедра истории средних веков и славяноведения, выпускаются межвузовские сборники «Вопросы истории славян» — прямое наследие «Славянского сборника». Утвердилось славяноведческое направление в Воронежском государственном педагогическом институте; расширилась география межвузовских и личных связей воронежских славистов, их труды стали известны не только в СССР, но и за рубежом [27, с. 409]. Но в целом опыт практической деятельности Ильи Николаевича еще предстоит изучать.

В своих исследованиях, независимо от их объема и формы, Илья Николаевич сумел сказать свое слово. Именно поэтому они не лежат мертвым грузом: прошли десятилетия, а к ним возвращаются ученые-слависты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздин И. Н. Н. П. Грацианский как историк славян. Страница из истории советского славяноведения. — Труды Апхабадского гос. пед. ин-та, вып. 1, 1947.
2. Афонюшкин В. А., Горяинов А. Н., Романова И. Ш. Илья Николаевич Бороздин: Библиография. Воронеж, 1959.
3. Москаленко А. Е. Памяти И. Н. Бороздина (1883—1959). — В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж, 1963.
4. Бороздин И. Н. Россия и Турция. М., 1915.
5. Архив П. А. Бороздиной.

6. Каторга и ссылка.
7. Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР.— Историк-марксист, 1941, № 3.
8. Державин Н. С. Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения.— Исторический журнал, 1943, № 11.
9. Пичета В. И. Н. П. Грацианский и его труды по истории славянских народов.— Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1946, т. 37, вып. 3.
10. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 12. М., 1952.
11. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963.
12. Москаленко А. Е. Н. П. Грацианский как историк-славист.— Советское славяноведение, 1972, № 1.
13. Москаленко А. Е. Николай Павлович Грацианский (1886—1945).— В сб.: Средние века, вып. 40. М., 1976.
14. Бороздин И. Н. Неправильное освещение русско-болгарских связей.— Славяне, 1947, № 9.
15. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966.
16. Грацианский Н. П. Крестьянские и рабочие движения в средние века. М., 1924.
17. Гурко-Кряжин В. А. История революции в Турции. М., 1923.
18. Бороздин И. Н. Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками.— Византийский временник. Т. VII. М., 1953.
19. Бороздин И. Н. Н. Г. Чернышевский о славянстве.— Труды Воронежского гос. ун-та, 1955, т. 42, вып. 3.
20. Бороздин И. Н. Н. Г. Чернышевский о сербском народе.— Славянский сборник. Выпуск исторический. Воронеж, 1958.
21. Козьмин Б. П. Н. Г. Чернышевский и славянство.— Славяне, 1946, № 8—9.
22. Гольберг М. Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам».— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
23. Дьяков В. А. Н. Г. Чернышевский о национально-освободительных движениях народов Центральной и Юго-Восточной Европы.— Новая и новейшая история, 1978, № 4.
24. Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М., 1981.
25. Бороздин И. Н. Славяноведение в Воронежском государственном университете.— Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 14. М., 1955.
26. Вопросы истории, 1960, № 1.
27. Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. В. МАРЬИНА. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984, 312 с.

В последние годы усилилось внимание историков к обобщению опыта социалистических преобразований в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, к сравнительному, комплексному анализу политики и практики коммунистических и рабочих партий, к определению общих закономерностей и специфических особенностей социалистического строительства. К работам именно такого характера относится монография д-ра ист. наук В. В. Марьиной, посвященная исследованию аграрно-крестьянского вопроса в контексте революций 40-х годов в странах региона. Если напомнить, что союз рабочего класса и крестьянства и в настоящее время продолжает сохранять значение одного из решающих условий коренного изменения общественных отношений в капиталистических и развивающихся странах, то становится совершенно очевидным политическая и научная значимость рецензируемой работы.

Монографию отличает оригинальность подхода к рассмотрению исследуемой проблемы, который является в определенной степени новым для советской и зарубежной марксистской историографии. Автор применяет сравнительно-исторический подход к освещению проблемы, дающий возможность ее глубокой и всесторонней разработки. Сравнение проводится в двух аспектах: во-первых, по странам Центральной и Юго-Восточной Европы в намеченных хронологических рамках; во-вторых, указанные страны сопоставляются (по вопросам, которые поднимаются в монографии) с нашей страной первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции. Сравнительный анализ опыта коммунистических и рабочих партий в борьбе за крестьянство позволяет наиболее рельефно выявить общее и специфичес-

кое в формировании союза рабочего класса и крестьянства как необходимой закономерности успешного развития и победы социалистической революции на различных этапах мирового революционного процесса.

Автор использовал широкий круг статистических материалов, литературы по теме и источников из архивов СССР, НРБ и ЧССР, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Заметим, что В. В. Марьиной приводит их не как иллюстративный материал (что нередко можно встретить в работах обобщающего характера), а как базовый — при этом в большинстве случаев по всем рассматриваемым странам, — что дает возможность его всестороннего анализа и построения соответствующих достоверных выводов.

Методологический арсенал рецензируемой монографии включает наследие классиков марксизма-ленинизма.

Ставя цель показать направления политики народной власти в деревне в ходе революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, влияние этой политики на формирование союза рабочего класса и крестьянства, автор выделяет группу вопросов, по которым проводит, опираясь на конкретный исторический материал, сопоставительный анализ семи европейских стран народной демократии — Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также восточной части Германии, позднее составившей территорию ГДР.

Так, естественным и логичным является прежде всего выяснение места аграрного вопроса в программах антифашистских сил на завершающем этапе освобождения стран региона от фашизма. Нерешенность буржуазно-демократических задач в аграрном вопросе, негатив-

но отражавшаяся на положении крестьянства, состоянии сельскохозяйственного производства, общем развитии рассматриваемых стран, — как указывает автор, — делала его одним из центральных (с. 45). Поэтому, все сколько-нибудь значительные политические силы вынуждены были определить свое отношение к нему, стремясь распространить или укрепить свое влияние на крестьянство еще в межвоенный период. Во время войны, и особенно на ее завершающем этапе, аграрно-крестьянский вопрос не потерял своей остроты и важности. Однако только революционные рабочие партии, разрабатывая свою политическую линию в период войны, одновременно с борьбой против фашизма, за установление демократического строя пытались решить и этот вопрос.

Другая немаловажная исследовательская задача, которую ставит перед собой автор, — показать борьбу рабочего класса и коммунистов за осуществление аграрных реформ. И совершенно правильным в этой связи является рассмотрение вопросов о характере революций, начавшихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в ходе или на завершающем этапе их освобождения от фашизма, о содержании и темпах аграрных преобразований, методах их осуществления, о сопротивлении сил реакции последовательному демократическому решению аграрного вопроса, о социальных итогах и характере аграрных преобразований.

Автор приходит к выводу, что во всех рассматриваемых странах аграрные реформы проводились «сверху» и «снизу» одновременно (с. 136). В Болгарии, Югославии и Албании, где левые силы имели преобладающие позиции в органах власти, определяющую роль в разделе земли играли административные органы, которые опирались в своей деятельности на общественные организации. В Венгрии, Румынии и Польше главная роль принадлежала созданным по инициативе коммунистических и левокрестьянских партий революционным крестьянским органам — комиссиям нуждающихся в земле, которые при поддержке рабочего класса добились преобразования аграрных отношений вопреки противодействию административных органов, фактически саботировавших реформу. В Чехословакии (точнее в Чешских землях) элементы административный и общественный находились как бы в равновесии, дополняя друг друга. В восточной же части Германии комиссии по проведению аграрных

реформ сыграли большую практическую роль в их осуществлении.

В. В. Марьина указывает, что в условиях революций 40-х годов земельные преобразования в рассматриваемых странах имели тенденцию «выскочить» из рамок капитализма и поэтому могут быть охарактеризованы как демократические аграрные реформы с социалистической перспективой.

Не менее важным является выяснение и прочих экономических аспектов политики народной власти в деревне. Автор отмечает, что аграрными реформами, которые положили начало складыванию экономического союза рабочего класса и широких масс деревни, не исчерпывались мероприятия, осуществляемые народно-демократическими правительствами в интересах трудящегося крестьянства. В книге рассматриваются формы экономической помощи трудящемуся крестьянству, показано налаживание хозяйственных связей между городом и деревней, развитие сельскохозяйственной кооперации.

Небезынтересным представляется выяснение вопроса о борьбе за политическое руководство крестьянством в революциях 40-х годов. Автор рассматривает поляризацию сил в крестьянском движении Югославии, Румынии, Болгарии, Польши и Венгрии, взаимоотношения революционных рабочих партий этих стран с крестьянскими партиями и организациями; показывает особенности политической борьбы за деревню в Чехословакии и восточной части Германии.

Говоря о том, что сотрудничество революционных рабочих партий с левокрестьянскими организациями и группировками было важнейшим фактором развития революции, завоевания деревни на сторону пролетариата, укрепления рабоче-крестьянского союза, В. В. Марьина отмечает, что было бы упрощенным, неточным рассматривать это сотрудничество как бесконфликтное, ибо в самих левокрестьянских партиях и организациях происходили очень сложные процессы (с. 226). Тем не менее, можно проследить качественные сдвиги в сотрудничестве коммунистических и революционных рабочих партий с левыми крестьянскими партиями при проведении всех важнейших политических и экономических мероприятий. Автор отмечает, что в 1947—1948 гг. Фронт земледельцев в Румынии, Болгарский земледельческий народный союз, Стронництво людове Польше, Партия мелких сельских хозяев

и Национально-крестьянская партия в Венгрии окончательно превратились в организации трудящегося крестьянства, признали руководящую роль рабочего класса и коммунистических партий и стали на платформу строительства нового, социалистического общества.

С задачей показа борьбы за политическое руководство крестьянством непосредственно связана и другая — определение роли и места отдельных слоев крестьянства в революциях 40-х годов, о чем идет речь в последней, пятой главе рецензируемой работы. Автор дает оценку позиций сельской буржуазии в революции, раскрывает отношение к ней со стороны революционных рабочих партий, рассматривает особенности складывания союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и его роль в окончательном утверждении диктатуры пролетариата. В. В. Марьина показывает, что политика коммунистических и рабочих партий по отношению к сельской буржуазии в рассматриваемый период определялась стремлением, во-первых, привлечь к решению общедемократических задач как можно более широкие социальные круги; во-вторых, разьединить силы, способные выступить на стороне контрреволюции; наконец, поведением самого кулачества. Политическую борьбу против сельской буржуазии, как отмечено в работе, коммунистические и рабочие партии вели, опираясь на массы деревенской бедноты, и ставили задачу в ходе революции укрепить и расширить союз со средним крестьянством.

КИМОН ГЕОРГИЕВ. Избранные произведения. София, 1982, 508 с.

КИМОН ГЕОРГИЕВ. Избранные произведения

Автор статей, выступлений и других материалов, включенных в рецензируемый сборник, — весьма яркая и своеобразная фигура в новейшей политической истории Болгарии. К. Георгиев был видным буржуазным общественным деятелем 20—30-х годов, причем стоявшим на правом крыле буржуазного политического лагеря — в течение нескольких месяцев (до января 1935 г.) он возглавлял правительство, образованное в результате военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г. Во второй половине 30-х годов часть членов политической группы

Постановка всех указанных выше вопросов и предопределила структурную специфику данного научного труда. Приведенные и обобщенные в настоящей монографии данные и оценочные характеристики позволяют в комплексе представить все многочисленные аспекты социального положения и борьбы крестьянских масс стран региона в ходе революций 40-х годов.

Книге предпослан обширный историографический обзор. Однако нам представляется, что работа значительно выиграла бы, если бы в ней содержалось больше сведений об основных направлениях буржуазных фальсификаций данной проблемы и о попытках ревизионистских историков, в частности в ЧССР в 60-х годах, опорочить смысл и значение аграрных преобразований в революциях 40-х годов.

В целом же с удовлетворением можно констатировать, что советская историография пополнилась содержательной, интересной работой, которая носит обобщающий характер и представляет новое и весьма плодотворное направление — комплексных сравнительно-исторических исследований. Она будет полезна историкам, преподавателям и студентам, научным работникам при исследовании вопросов мировой социалистической системы вообще и европейских стран социализма в частности, при разработке проблем, касающихся общих закономерностей и особенностей в развитии революционного процесса.

Митряева С. И.

«Звено» и Военного союза во главе с К. Георгиевым постепенно отказывается от антикоммунистических установок, элитарных и эггистических взглядов. Болгарская коммунистическая партия (БКП) установила контакт с этими кругами, привлекала их к движению народного фронта. В годы второй мировой войны К. Георгиев, заняв решительные антифашистские и демократические позиции, твердо выступил против союза Болгарии с гитлеровской Германией, за развитие дружеских отношений с СССР, вошел в состав Национального комитета Оте-

чественного фронта, созданного по инициативе Болгарской рабочей партии¹. Он возглавил первое правительство Отечественного фронта, созданное в ходе антифашистского вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. В качестве главы правительства и Народного союза «Звено», опиравшегося на некоторые радикально-демократические слои городской буржуазии и буржуазной интеллигенции, К. Георгиев активно способствовал проведению глубоких демократических преобразований первого этапа народной демократии в Болгарии. На этом этапе завершился его переход на марксистско-ленинские позиции, во многом обусловивший самороспуск «Звена» в феврале 1949 г. В социалистической Болгарии К. Георгиев занимал видные государственные и общественные посты — заместитель председателя Совета министров, министра иностранных дел, министра электрификации и мелиорации, заместителя председателя Национального совета Отечественного фронта, дважды был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Скончался К. Георгиев в 1969 г. Его общественно-политическая эволюция от реакционных взглядов и деятельности до активного участия в социалистическом строительстве — пример того, как под влиянием идей научного социализма, в результате дальновидной и гибкой политики коммунистов отдельные честные деятели буржуазии идут на разрыв со своим классом и переходят на сторону подлинно революционных сил.

В сборник избранных произведений К. Георгиева включены его работы 1939—1967 гг., т. е. с того времени, когда в условиях начавшейся второй мировой войны автор прочно встал на антифашистско-демократические позиции. Из 114 статей, выступлений, писем и других материалов 3 относятся к периоду до восстания 9 сентября 1944 г., 66 — ко времени пребывания К. Георгиева на посту премьер-министра в 1944—1946 гг., остальные — к следующим этапам его государственной деятельности. Большая часть этих материалов печатается по текстам газет, журналов и брошюр, ставших библиографической редкостью, стенографическим отчетам Народного собрания Болгарии; некоторые взяты из личного архива К. Георгиева.

Большой интерес представляют доку-

¹ Так с 1940 по 1944 г. называлась БКП, с 1944 по 1948 г. она носила название Болгарской рабочей партии (коммунистов).

менты, в которых разоблачалась антинародная политика монархо-фашистских правительств Болгарии в годы второй мировой войны. Три письма К. Георгиева были направлены премьер-министрам в переломные моменты — в самом начале войны (10 сентября 1939 г.), накануне официального присоединения Болгарии к блоку агрессоров (11 февраля 1941 г.) и в условиях, когда в результате побед Советской Армии завершился коренной перелом в войне, а монархо-фашистский режим в Болгарии оказался в состоянии глубокого кризиса (10 января 1944 г.). Если в первом письме автор настаивал на проведении нейтральной политики и развитии дружеских отношений с СССР, во втором предупреждал об опасности присоединения страны к тройственному пакту и угрозе, возникшей для независимости Болгарии, то в третьем требовал вывода болгарских войск с оккупированных территорий, прекращения провокационной политики в отношении СССР, находящейся «в явном противоречии с интересами и чувствами нашего народа» (с. 25), развития с ним отношений полной искренности, сердечности и взаимного доверия. Эти письма проливают яркий свет на позицию К. Георгиева и руководимой им организации, оказавшей поддержку Отечественному фронту, углубляют представление о расстановке политических сил в стране в период, когда монархо-фашистская Болгария являлась сателлитом гитлеровской Германии. Существенным дополнением к ним является интервью, опубликованное в 1967 г. журналом «Български воин», в котором К. Георгиев поделился воспоминаниями о создании нелегального руководства Отечественного фронта в конце 1942 г., о политическом кризисе 1944 г. и обстоятельствах своего обращения с предупредительным письмом к премьер-министру Божилову, о восстании 9 сентября 1944 г. (с. 478—482).

Из книги можно почерпнуть важный фактический материал для анализа проблемы установления и развития народно-демократической власти в Болгарии, ее укрепления, социально-экономических и политических преобразований на первом этапе. Представляется, однако, что тексты прокламации правительства Отечественного фронта к болгарскому народу (9 сентября 1944 г.) и программы этого правительства (17 сентября 1944 г.), как носившие коллективный характер, целесообразно было бы поместить в приложении.

К. Георгиев рассматривает многие конкретные вопросы деятельности правительства Отечественного фронта по преодолению экономических и политических трудностей. Привлекает внимание группа документов, связанных с возникшим в 1945 г. расколом в Болгарском земледельческом народном союзе и Социал-демократической партии и появлением в результате этого антинародной оппозиции, вошедшей в контакт с правящими кругами западных держав. Как видно из публикуемых выступлений, правительство, сам К. Георгиев заняли твердую позицию, направленную на сохранение единства Отечественного фронта, продолжение революционных преобразований, против империалистического вмешательства во внутренние дела Болгарии. Часть публикуемых материалов отражает подготовку и проведение референдума о ликвидации монархии и создании народной республики (сентябрь 1946 г.). В них, в частности, говорится о негативных последствиях для болгарского народа монархического устройства в стране.

Во многих выступлениях затрагиваются или же подробно освещаются вопросы, связанные с ролью рабочего класса и БРП(к) в развитии революционных преобразований. О приобщении К. Георгиева к марксистско-ленинскому мировоззрению свидетельствуют, в частности, его статья, опубликованная накануне открытия V съезда партии (с. 310—311), и приветственное выступление на съезде 18 декабря 1948 г. (с. 312—313). Вывод К. Георгиева о том, что БРП(к) стояла и стоит на патриотических позициях, что она была организатором движения Сопротивления фашизму в Болгарии знаме-

новали собой новый важный момент идейной его эволюции. К. Георгиев высоко оценил Георгия Димитрова как руководителя партии и народно-демократического государства.

Работы конца 40—60-х годов посвящены, главным образом, роли Отечественного фронта как массовой общественно-политической организации в построении основ социализма; конкретным проблемам социалистической индустриализации и преобразования сельского хозяйства, в частности, строительству гидроузлов «Искыр», «Студен Кладенец», Петроханского каскада электростанций, водохранилища им. В. Коларова; самороспуску Народного союза «Звено»; внешней политике НРБ. Автор выступает как горячий поборник болгаро-советской дружбы. Он подчеркивает значение России в освобождении Болгарии от османского гнета в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и СССР в обеспечении свободы и независимости болгарского народа, помощи Советского Союза в социалистических преобразованиях НРБ.

Сборник избранных произведений К. Георгиева при использовании его в сочетании с другими источниками, прежде всего с документами БКП, будет весьма полезен для исследования истории антифашистского сопротивления в Болгарии, становления в ней народно-демократического строя, политического укрепления и развития народной демократии как формы диктатуры пролетариата, послевоенного восстановления народного хозяйства и построения основ социализма.

Мельцер Д. Б., Черняеский Г. И.

ИНТЕРЕСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОЕВОДИНЫ

Югославский историк Л. Ракич в своих монографиях «Радикальная партия в Воеводине (до начала XX в.)» и «Радикальная партия в Воеводине (1902—1919)» [1; 2] впервые анализирует идеологию и деятельность сербских радикалов Воеводины. Одна книга посвящена становлению сербского радикализма в 70—90-е годы прошлого столетия; вторая — идеологии и политической борьбе сербской мелкой буржуазии в период кризиса монархии и первые месяцы существования югославского государства. Опираясь

на обширный, во многом ранее не использованный материал — публицистику, печать, архивные документы, автор исследует социально-политическое развитие сербского народа в границах Австро-Венгрии. Сочетание проблемного и хронологического принципов построения работы позволило Л. Ракичу показать взаимозависимость социальной и национальной программ партии радикалов, создать целостную картину взаимосвязи их политических воззрений и политической борьбы.

Хронологические рамки исследования определяются предложенной автором периодизацией развития радикализма в Воеводине, исходящей из ее социально-экономического развития и изменения политической ситуации в монархии. Конец XIX — начало XX в. характеризуются вступлением Австро-Венгрии в стадию империализма, резким обострением противоречий между правившими классами Австрии и Венгрии, ростом рабочего и крестьянского, подъемом национального движения угнетенных славянских народов, вовлечением в политическую борьбу новых социальных слоев, что в конечном счете вызвало кризис системы дуализма. Принятые Радикальной партией Воеводины в 1903—1904 гг. новые программа и устав означали существенное изменение ее теоретических концепций и роли в национально-политической борьбе.

Л. Ракич анализирует особенности формирования Радикальной партии Воеводины как элемента политической системы Венгрии и политической жизни сербской нации. Он показывает историческую обусловленность возникновения и краха радикализма, тесной связи его идеологии и политической организации с интересами мелкой буржуазии, составлявшей социальную основу партии, специфику трактовки радикалами общенациональных проблем на различных этапах развития этого течения.

Привлекательной чертой рецензируемых монографий представляется стремление автора решить вопросы теоретического характера о сущности и исторической закономерности эволюции радикализма, о соотношении общих черт, региональных и национальных особенностей его развития. В качестве основного и определяющего критерия радикализма ученый выдвигает его классовую, а не национальную программу. Радикализм, по Л. Ракичу, охватывает идеологию и политическую деятельность части класса буржуазии города и деревни, в основном — мелкой и средней, направленную на демократизацию общественно-политической жизни, придание светского характера всем общественным институтам, частичное ограничение крупной частной собственности [1, с. 4].

Мелкобуржуазный радикализм сыграл заметную роль в истории не только сербского национального движения, но и национальных движений других народов Австро-Венгрии. Наряду с либерализмом он был одним из влиятельных

течений буржуазной политической мысли. Важнейшие особенности его развития на территории Воеводины обусловливались спецификой социально-экономического развития этой области — аграрным характером экономики, что предопределяло высокий удельный вес в социальной структуре сельской буржуазии и мелкого крестьянства. Радикальная партия, считает автор, отражала «интересы тех крестьян, которые еще не утратили материальной основы своего существования», стремились избежать разорения и пролетаризации [1, с. 24].

Использование элементов сравнительно-исторического анализа позволяет ученому сопоставить радикализм буржуазии отсталых национальных районов в многонациональном государстве с радикализмом, зародившимся и развивавшимся в передовой капиталистической стране — Франции, а также исследовать вопрос о влиянии факта наличия или отсутствия независимого национального государства на развитие отношений в социальном и идейно-политическом отношении течений и организаций в рамках одной (сербской) нации. К наиболее существенным отличительным чертам радикалов Воеводины автор справедливо относит их отказ от республиканизма и лояльность к монархии Габсбургов (что особенно ярко проявилось в 1900—1910-е годы), отсутствие последовательного антиклерикализма, что было связано с существованием экстерриториальной национально-церковной автономии сербов в Венгрии, соблюдением ими принципов легальности и некоторые другие [1, с. 67—69]. Считая сербский радикализм одной из разновидностей «югославянского» радикализма, Л. Ракич указывает на различия в политике радикалов Сербии и Воеводины, несмотря на наличие у них однородной социальной базы. Представляется, что весьма плодотворным был бы более широкий анализ югославянского радикализма — сопоставление сербских радикалов Воеводины с хорватскими радикальными партиями Й. Франка и М. Старчевича, а также Народной крестьянской партией братьев А. и Ст. Радичей, представлявшей интересы мелких и средних сельских хозяев. На наш взгляд, более подробного рассмотрения заслуживает и история сотрудничества сербской Радикальной партии с сербскими и хорватскими либералами в рамках созданной на территории Хорватии в 1905 г. Хорватско-сербской коалиции.

Интересно проведенное автором срав-

нение социальной базы и политической программы радикалов и их постоянных политических противников — либералов. Главное отличие сербских Радикальной и Независимой (либеральной) партий, как показал Л. Ракич, состоит в том, что первые были «ближе широким крестьянским массам», в то время как «независимцы» ориентировались в основном на зажиточные слои городского населения. В условиях слабости буржуазно-демократического течения, отсутствия у него широкой социальной базы радикалы играли роль левой оппозиции буржуазному либерализму, отражая настроения угнетенных не только в национальном, но и социальном отношении слоев сербской нации. Вместе с тем развитие классовой борьбы привело мелкобуржуазных политиков в начале XX в. в лагерь противников революционного рабочего и крестьянского движения.

Рассматривая особенности идейно-политических концепций Радикальной партии, Л. Ракич обращает внимание на присущий ее теоретикам эклектизм воззрений, использование ими некоторых тезисов мелкобуржуазного социализма, позитивизма и христианской этики. В теоретических построениях радикалов, пишет исследователь, было мало оригинальных идей, но много заимствований из различных, часто противоречивших друг другу идейных систем.

Политика радикалов в период кризиса дуализма носила двойственный характер. Возникнув во второй половине XIX в. как реакция мелкой буржуазии на концентрацию производства, углубление противоречий между трудом и капиталом, а также усиление эксплуатации сербского населения инациональной буржуазией и помещиками и неспособность либералов выдвинуть программу реального обеспечения интересов национальной буржуазии, сербский радикализм носил антифеодалную направленность. Объективно он выступал за завершение буржуазных преобразований, что придавало ему в тот период прогрессивность и демократизм. В начале XX в. положение меняется: капиталистические отношения в целом становятся господствующими, национальные районы превращаются в часть единого капиталистического рынка Австро-Венгрии, буржуазия угнетенных наций идет на компромисс с монархией и правящими классами Австрии и Венгрии. Изменяется и социальная основа Радикальной партии — по

мере развития капитализма в сельском хозяйстве она постепенно превращается в партию сельской буржуазии, для которой защита ее интересов все теснее связывается с сохранением целостности монархии. Перед лицом растущего рабочего движения радикалы Воеводины, подобно их собратьям в других странах, переходят в лагерь прямых защитников капиталистического строя и существовавшей политической системы. Они отказываются от коренных социальных и национально-политических реформ, становятся на позиции эволюционизма и враждебности к революционному движению как в своей стране, так и за рубежом (например, к революции 1905—1907 гг. в России), крайнего национализма и отказа от борьбы за создание независимого национального государства. Вместе с тем программа партии включала и некоторые прогрессивные положения. Радикалы не утратили оппозиционности по отношению к монархии. Они выступают также и против отдельных «недостатков» капитализма, однако, не затрагивая его основ. Как справедливо отмечает Л. Ракич, радикалы надеялись, что эволюция и сглаживание противоречий позволят создать им «свой» национальный «демократический» капитализм, якобы обеспечивающий интересы представляемых ими слоев [2, с. 8—11].

Исследование Л. Ракича представляет собой интересный труд, расширяющий наши представления о политической борьбе в Воеводине и Венгрии в целом, о закономерностях социально-политического развития сербской нации в конце XIX — начале XX в., о политической культуре той эпохи. Его с большим интересом встретят не только специалисты по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но и более широкий круг исследователей, интересующихся проблематикой развития буржуазных политических течений.

Романенко С. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракић Л. Радикална странка у Војводини (до почетка XX века). Нови Сад, 1975.
2. Ракић Л. Радикална странка у Војводини (1902—1919). Нови Сад, 1983.

В развитии славянской графики, в значительной мере связанном с успехами книгопечатания, важное место занимает творчество украинских мастеров XVI — XVIII вв. Оно неотделимо от наследия русских, южнославянских и западнославянских художников-гравюров, составляя отдельную главу в истории славянской печатной книги. Об украинской книжной гравюре писали неоднократно: существуют и последования творчества отдельных художников, и исторические обзоры развития искусства книги, и систематизация его образцов. Книга Д. В. Степовика особая: это исследование эволюции образной системы, охватывающее весьма широкий круг явлений и понятий, это первый труд, в котором значительное внимание уделено изучению жанровой структуры искусства украинской книги, эволюция которой отражала процесс секуляризации графического искусства в целом.

Содержание книги обусловлено поставленными автором задачами, подробно изложенными во вступительном разделе. Цель работы — изучение поступательных изменений в графике Украины и выявление особенностей процесса развития реалистических элементов от их почти незаметного и подчиненного положения до определяющей роли.

Первая часть книги посвящена концепции мира и человека, а также изменению стилей. Существенно, что автор воспринимает книгопечатание на Украине в контексте завершающего этапа развития ренессансной культуры в Западной Европе. При этом подчеркивается, что гравюра на Украине, как и в России, появляется в зрелых, художественно совершенных формах. Поскольку искусство книги, хотя и ориентированное на художественный облик славянских рукописей, в значительной мере удерживает окцидентальные черты, Д. В. Степовик отдельные разделы главы отводит византийскому стилю в послевизантийский период и проникновению ренессансного стиля. Автор книги полагает, что на Украине процесс обновления всей культуры, обусловленный Ренессансом, начался за несколько десятилетий до введения книгопечатания. Причем в изобразительном

искусстве переход от «византийской» к ренессансной художественной системе, по его мнению, не был резким, а растянулся на десятилетия. На наш взгляд, дело обстояло несколько иначе: во-первых, украинские мастера в условиях того времени имели более ограниченные возможности для усвоения тенденций позднелеологовского искусства; во-вторых, западноукраинские иконы XVI в. (из Львова) имеют скорее проторенессансный характер, удерживающий традиционные византизмирующие черты. В оформлении же книг действительно ренессансные мотивы возникают уже в последней трети XV в., как, впрочем, и в Московской Руси. Это был «декор», и соответственно «латинство» здесь не казалось столь же опасным, как в иконописи.

Д. В. Степовик выделяет три этапа развития мифо-реалистической образности в украинской графике: 1) введение в религиозные композиции бытовых деталей; 2) появление исторической или современной среды, в окружении которой предстают персонажи; 3) тематическая секуляризация, развитие светских жанров, совпадающих с распространением гравюры на металле. Автор подчеркивает единство этих трех этапов, отражающих целостность и непрерывность процесса.

В искусствоведческой литературе уже давно было отмечено, что хотя украинское искусство не знало четко выраженного чередования европейских художественных стилей, каждый из них оставлял свои заметные следы. Материал, подвергнутый тщательному и разностороннему анализу на страницах книги Д. В. Степовика, показывает приложимость этого вывода к эволюции оформления украинской старопечатной книги. Киевские граверы 1620-х годов не отказывались от использования опыта славянско-венедиканских коллег, но местная среда и весьма широкая тематика налагали свой отпечаток, особенно в тех случаях, когда следовало представить вполне оригинальные композиции, для которых не существовало образцов.

Усиление реалистических тенденций в гравюре, отмеченное изображением среды и быта, автор книги справедливо связывает с ранним барокко на Украине,

с творчеством киевских «монограммистов», иллюстрировавших, в частности, «Триодион» (1627), «Евангелие учительное» (1637) и «Евхологион» (1646) Петра Могилы. Во Львове в это же время было выпущено «Евангелие» (1636) с интересными сюжетными иллюстрациями в стиле местного барокко. Одним из выдающихся украинских мастеров этого периода был Илья, выполнивший несколько сотен гравюр, из которых около 500 подписные. Д. В. Степовик прослеживает эволюцию его творчества, выявляя основные художественные приемы и методы переработки западных моделей там, где гравер к ним обращался.

Для книжного искусства зрелого барокко на Украине характерно появление сложной композиции титульного листа (формы), искусно сочетавшей архитектурные мотивы с множеством сюжетных изображений и пышной орнаментикой. Получает распространение гравюра на меди. В этот период выдвигаются мастера нового поколения, среди которых ведущая роль принадлежит Александру и Леонтию Тарасевичам, получившим профессиональную подготовку в Аугсбурге и долго работавшим для типографий Белоруссии, Литвы и Польши. В иллюстрациях к «Розариуму» (Вильнюс, 1677) А. Тарасевич варьирует мотивы картин, созданных в мастерской Я. Бассано. На гравированных им титульных листах панегириков христианская иконография переплетается с античной.

Если в первой части рецензируемой книги основное внимание уделено концепционным проблемам и эволюции стиля, то вторая всецело посвящена анализу формообразующих и выразительных приемов. Автор весьма обстоятельно рассматривает рисунок, композицию, трактовку пространства и временные соотношения. Значение контурной линии усиливается в гравюре на дереве. С распространением гравюры на меди приходит линейность, согласованная с полутонами, которые мастер имитирует штриховкой. Обращаясь к творчеству А. Тарасевича, исследователь справедливо видит большую заслугу этого мастера в творческом объединении византийской и западной традиции. Рисунки «кужбушков» работы учителей и учеников лаврской мастерской составляют, на наш взгляд, особое явление в художественной жизни Украины XVIII в. В книге немало тонких наблюдений, касающихся этого материала. В частности, правильно указано на то, что в Киево-

Печерской лавре прежде всего стремились подготовить мастеров иконостасной живописи. Рисунки путешественника В. Григоровича-Барского — воспитанника Киевской академии — имеют важное источниковедческое значение при изучении архитектурных ансамблей стран Восточного Средиземноморья, но как произведения искусства до сих пор не исследованы. Анализируя трактовку пространства в произведениях украинской графики, Д. В. Степовик обращается прежде всего к рисункам В. Григоровича-Барского и затем подробно рассматривает эклектику перспективных систем, используемую граверами. Особенно обстоятельно разобраны интерьерные гравюры. Вопрос временных соотношений решается с учетом конкретизации времени, наблюдаемой в украинской гравюре начала XVII в.; с начала XVIII в. «показателем и мерилom временной протяженности становится не повторение статичных моментов развития действия второй, третий раз и т. д., а один динамичный момент, способный ассоциировать в сознании зрителя ряд предыдущих и последующих этапов» (с. 195).

Третья часть исследования отведена жанровой структуре украинской графики XVI—XVIII вв. Автор сознает трудности проведения классификации, однако считает возможным выделить иконный образ и портрет, титульную (заглавную) и текстовые иллюстрации, пейзаж и натюрморт, панегирик и геральдику. Проторенессансные черты проникают в иконописную типологию на Украине уже на рубеже XVI—XVII вв., хотя иконографическая схема остается традиционной. В последней четверти XVII в. появляются, однако, гравированные иконные изображения, следующие за типом репрезентативного портрета (например, Иоанн Златоуст И. Щирского, 1682 г.). Вторая половина XVII в. — время развития графического портрета на Украине, европейского по характеру и выразительным средствам. И здесь оказался особенно значительным вклад А. Тарасевича (портреты А. Завиши, И. Перехреста, В. Голицына, архиепископа Лазаря Барановича). В творчестве И. Мигуры репрезентативность переходит в безграничную идеализацию, что характерно для украинского гравированного портрета вплоть до середины XVIII в.

Жанровая специфика заглавной и текстовых иллюстраций определена еще в рукописной книге. Гравированный титульный лист, как отмечает автор книги,

на протяжении XVI—XVIII вв. не был полностью ни сюжетной, ни орнаментально-декоративной иллюстрацией, представляя собой синтез различных жанровых элементов и образных систем. Этот тезис детально обоснован в исследовании. Для текстовых иллюстративных гравюр типично выражение идеи произведения, хотя и не в столь обобщенных формах, как это обычно для выходного листа. Большую роль играют разнообразные приемы визуальной интерпретации текста. Пейзаж, преимущественно архитектурный, можно выделить уже в книжной гравюре начала XVII в. Изображения Успенского собора Печерского монастыря, окруженного легендами, а также других древних храмов — своеобразный фирменный знак типографии и символ православных святых. Но со второй половины XVII в. становятся известны уже панорамные пейзажи, как в эстампе Д. Синкевича с изображением Креховского монастыря.

Аналогичным было и развитие натюр-морта — от символа и эмблемы, имевших и декоративные функции, до бытовых реалий.

Особо рассмотрены в книге жанр панегирика со всеми его специфическими особенностями (символы и аллегории) и геральдика, роль которой в графическом оформлении книги удачно сравнивается автором с ролью ктиторского портрета в системе храмовых росписей. Увлечение фамильными гербами на Украине, как

известно, было необычайно широким, и это сказалось на их богатой типологии и иконографии.

Лакоично сформулированные выводы подводят итог исследованию широкого круга памятников и художественных явлений. Примечания и список литературы указывают, что автором учтены и использованы все существующие работы, имеющие прямое или косвенное отношение к тематике книги. Однако не излишне было бы к их числу присоединить исследование о светской иконографии эпохи гуманизма [1]. Рецензируемая книга прекрасно иллюстрирована, издана в хорошем графическом оформлении.

Исследование Д. В. Степовика, несмотря на свою достаточно четкую структуру, является сложным и многоплановым. Постановка многих вопросов и ряда общих проблем осуществлена впервые. Автор рассматривает украинскую графику XVI—XVIII вв. на широком историческом фоне, уделяя большое внимание генезису художественных форм. Умелое соединение аналитического метода с обобщениями ставит эту книгу в число наиболее серьезных работ о книжной гравюре Украины.

Бочкарева М. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. O ikonografii świeckiej doby humanizmu. Tematy-symbole-problemy. Warszawa, 1977.

Soták M. Kapitoly zo slovensko-ruských jazykových kontaktov. Bratislava, 1982, 240 s.

Сотак М. Очерки словацко-русских языковых контактов.

Словацко-русские языковые и культурные связи имеют достаточно давнюю традицию. С конца XVIII в. проявляется осознанный интерес словацких ученых, литераторов, общественных деятелей к русской культуре и русскому языку. Уже первому кодификатору словацкого литературного языка — А. Бернолаку (1762—1813) была известна «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, на которую он ссылался в своем грамматическом труде, опубликованном в 1790 г. [1]. Следует отметить, что имеется немало исследований о словацко-русских историко-культурных, литературных и научных контактах [2—5]. В некоторых из них в той или иной мере затрагиваются и во-

просы взаимодействия словацкого и русского языков. Значительно меньше специальных лингвистических работ по этим вопросам [6—10]. Можно констатировать, что до последнего времени данная проблематика еще не получила систематического и всестороннего научного освещения. В свете этого монография известного словацкого русиста М. Сотака, посвященная истории и современному состоянию словацко-русских языковых контактов, представляет особый интерес.

Книга состоит из краткого введения, девяти глав и заключения. Во введении подчеркивается актуальность и значимость изучения словацко-русских язы-

ковых контактов, общественно-политическая и филологическая мотивированность такого рода исследования.

В первой главе — «Исходные методологические положения» (с. 7—20), опираясь на марксистские положения о социальной природе языка и о взаимосвязи языка и общества, автор излагает теоретические принципы и метод своего исследования (раскрывается соотношение понятий «языковые контакты», «языковые связи», «языковая интерференция»; характеризуются различные формы и каналы прямых и опосредованных межъязыковых контактов — последние играют особенно большую роль в плане словако-русских связей; выявляются различные социально обусловленные типы билингвизма и т. п.). Хотелось бы подчеркнуть плодотворность комплексного подхода автора к рассмотрению языковых контактов и связей: они анализируются не только в лингвистическом, но и в более широком историко-культурном и социолингвистическом аспектах. В этом, на наш взгляд, одно из несомненных достоинств рецензируемой книги. С этим логически связаны широта и многогранность проблематики исследования. Автор стремится показать социально-политическую, идеологическую и культурную обусловленность процессов зарождения и развития, спада и активизации интереса к русскому языку в словацком обществе на разных этапах его истории. Он прослеживает эволюцию словако-русских языковых контактов (главным образом в плане внешнеязыковом), их отражение в области изучения и преподавания русского языка в Словакии.

Историко-культурные и социолингвистические аспекты исследуемых проблем наиболее полно освещаются в следующих трех главах: «Некоторые общественно-культурные вопросы изучения словако-русских языковых контактов» (с. 24—30), «Общественно-исторические рамки словако-русских языковых контактов» (с. 31—81), «Формирование марксистской идеологической базы контактов с русским языком» (с. 82—97). В них описываются экстралингвистические факторы, влиявшие на характер, формы, объем и интенсивность словако-русских языковых связей с конца XVIII в. до нашего времени. Поэтому большое место в книге уделено характеристике процесса формирования словацкой нации, становления и развития литературного словацкого языка, раскрытию политических и идеологических аспектов борьбы слова-

кого народа за национальное и социальное освобождение. На этом фоне автору удалось показать ряд специфических черт в развитии интереса словацкого общества к русскому языку, в трактовке его роли в культурной жизни словаков: например, в XIX в. особое значение имела концепция славянской взаимности (Я. Коллар, П. Й. Шафарик и др.) и ее модификации (Л. Штур и его последователи), а также различные течения официального (буржуазного) русофильства. Существенную роль играли и традиции народного русофильства — спонтанного, обусловленного этноязыковой близостью интереса простого словацкого народа к русской культуре и русскому языку, который подкреплялся особой формой прямых контактов словаков с русскими («путешествия» многих словацких бродячих торговцев по России). К числу специфических черт автор относит и посредническую функцию украинского языка в Восточной Словакии.

Наиболее подробно, с привлечением богатого фактического материала анализируются различные ступени «программного интереса» к русскому языку в словацком обществе XIX в., раскрывается сложная, порой противоречивая ситуация, в которой русский язык воспринимался, с одной стороны, как фактор упрочения близости и единства славянских народов, с другой стороны, как стимул и идейная опора в борьбе словаков за национальную самобытность. Анализируя идеологическую подоплеку словако-русских языковых связей в указанный период, автор выделяет несколько ориентаций и течений, в том числе течение «оппозиционное по отношению к русскому языку» (с. 61), представленное деятелями либерально-демократического крыла словацкой буржуазии (Я. Паларик, Й. Викторин, Й. Заборский и др.). Приведенное определение данного течения представляется нам не вполне удачным. Во всяком случае, вряд ли в этом состояла суть позиции Я. Паларика. Действительно, для него было характерно критическое отношение к абсолютистскому режиму России. Его понимание славянской взаимности предполагало равноправное свободное развитие всех славянских племен, а не их объединение под эгидой царской России. Вместе с тем он писал о «всеславянской любви» к русскому народу и подчеркивал, что в отношении литературы русская ветвь славянства «заслуживает нашего особого внимания и симпатии» [11].

XX век характеризуется, как показывает автор, возникновением принципиально новых моментов в мотивировке интереса словаков к русской действительности и русскому языку, что было вызвано развитием революционного рабочего движения в Словакии, распространением в словацком обществе марксистской идеологии, влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. В среде рабочих, объединенных в рядах КПЧ, пролетарской молодежи и социалистически ориентированной интеллигенции происходит идейная переоценка официального русофильства, а в понимание характера и целей словацко-русских отношений вносятся элементы классового, интернационалистического подхода. Русский язык воспринимается уже не только как язык близкородственного славянского народа, но и как язык первого социалистического государства, как важное средство распространения знаний о социальных переменах и успехах социалистического строительства в СССР.

Наряду с этим в буржуазной Чехословацкой республике, образовавшейся в 1918 г., получают продолжение и традиционные формы словацко-русских языковых и культурных связей: например, как и раньше, определенное внимание уделяется русскому языку в рамках славистических научных исследований. Кроме того, предпринимаются попытки введения русского языка как предмета обучения в школах.

Новые импульсы оживления интереса к русскому языку проявились в период совместной борьбы советского и чехословацкого народов против фашизма. Значительно активизировалось практическое освоение русского языка словаками во время Словацкого национального восстания (1944). Освобождение Чехословакии Советской армией, социалистическое строительство в Чехословакии создало максимально благоприятные условия для развития чехословацко-советских, в том числе словацко-русских связей во всех областях. Начался период невиданного ранее размаха в изучении русского языка, в развертывании научных исследований по русистике, в разработке и совершенствовании методики преподавания русского языка. Все это диктовалось и диктуется потребностями социально-политического, экономического и культурного развития чехословацкого общества.

В следующих четырех главах — «От эмпирических контактов с русским язы-

ком к его грамматически нормированному изучению» (с. 98—131), «Проблемы развития словацко-русской лексикографии» (с. 132—160), «Вклад языковедческих исследований в развитие русистики в Словакии после 1945 года» (с. 161—169), «Роль лексикографии в изучении русского языка и ее современные проблемы» (с. 170—179) — основное внимание уделяется филологической и лингвистической проблематике, хотя и в них описание конкретного материала дается с учетом общественного и культурно-исторического фона восприятия русского языка в Словакии (это, правда, приводит к некоторым повторам). Детальный анализ учебных пособий и научных работ словацких авторов по русскому языку позволил М. Сотаку сделать ряд важных и тонких наблюдений. Его заслугой является также введение в научный оборот значительного ранее неизвестного или малоизвестного архивного материала: так, на с. 104—112 интересно и подробно рассказывается о лингвистическом труде Р. Скотницкого «Параллельная грамматика словацкого и русского языка» (*Mluvnica slovenského a ruského jazyka v rovnopisnom behu*), относящемся к 1870—1880 гг., который остался в рукописи и хранится в Литературном архиве Матицы словацкой (г. Мартин). В целом можно сказать, что данная часть рецензируемой книги является существенным вкладом в разработку истории словацкой лингвистической русистики: в ней дается содержательный критический обзор учебной, грамматической и лексикографической литературы, отражающей исторические этапы развития словацко-русских языковых и культурных связей.

Значительное место в книге отводится развитию словацкой русистики в послевоенный период. Автор отмечает не только увеличение числа издаваемых учебных пособий, школьных грамматик, хрестоматий, исследовательских работ по русскому языку, словацко-русских и рускословацких словарей (как общих, так и терминологических), но и повышение научного и методического уровня этой продукции. Все это закономерно связывается с успехами теоретического и сопоставительного языкознания в ЧССР, с созданием необходимой организационной базы (соответствующих кафедр и отделений в университетах, институтах, Словацкой академии наук и т. п.) и подготовкой квалифицированных кадров русистов, со значительным вниманием к этой области научной, педагогической и издательской

деятельности со стороны партийных и государственных органов.

В ряду серьезных достижений современной словацкой двуязычной лексикографии М. Сотак называет пятитомный «Большой русско-словацкий словарь», изданный Словацкой академией наук в 1960—1970 гг., и однотомный «Словацко-русский словарь» (1976), опубликованный в сотрудничестве с советским издательством. Отмечается и выход в свет первого тома подготавливаемого пятитомного «Большого словацко-русского словаря» (1979). К этому можно добавить, что работа над данным лексикографическим трудом, ведущаяся в рамках сотрудничества между Институтом языкознания им. Л. Штура САН, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и издательством «Русский язык», успешно продолжается: в конце 1982 г. опубликован второй том, сдан в издательство третий том словаря. Характеризуя современное состояние словацкой русистики, автор выносит на обсуждение важные теоретические и методические вопросы, намечает ряд актуальных задач, решение которых будет способствовать совершенствованию изучения, преподавания и пропаганды русского языка в Словакии.

Большой интерес представляет последняя глава — «Исследовательская модель словацко-русских языковых контактов» (с. 180—190), где содержится развернутая программа дальнейшего систематического и углубленного изучения данной проблематики. Завершается монография кратким «Заключением», в котором раскрывается основное содержание исследования и подводятся его итоги.

К книге прилагаются резюме на русском языке, именной указатель, подборка иллюстраций, а также послесловие, на-

писанное Ф. Мико и А. Поповичем, которые высоко оценивают актуальность, методологическую и научную значимость монографии.

С этой оценкой книги М. Сотака, которая знаменует важный этап в изучении словацко-русских языковых и культурных контактов, в систематизации и обобщении опыта словацкой русистики, и в целом в исследовании межславянских культурных связей, есть все основания согласиться.

Смирнов Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bernolák A.* Grammatica slavica. Posonii, 1790.

2. *Stanislav J.* Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Holého a Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1957.

3. *Popovič A.* Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1863—1875. Bratislava, 1961.

4. *Slovenská a ruská literatúra. Vzťahy a súvislosti.* Bratislava, 1973.

5. *Brtník R.* Slovensko-slovenské literárne vzťahy a kontakty. Bratislava, 1979.

6. *Czambel S.* Ruské živly v spisovnom jazyku slovenskom.— In: Príspevky k dejinám jazyka slovenského. V Budapešti, 1887.

7. *Кондрашов Н. А.* Русизмы в журнале «Словацкое обозрение». — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 148, вып. 10. Русский язык. М., 1964.

8. *Лосева А. А.* Влияние русского языка на словацкую лексику во второй половине XIX в.— Филологические науки, 1960, № 4.

9. *Рупосова Л. П.* Русизмы в истории словацкого литературного языка.— Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 257, вып. 16. Русский язык. М., 1969.

10. *Рупосова Л. П.* Русско-словацкие языковые связи. М., 1970.

11. *Palárik J.* Za rec a práva ľudu. Bratislava, 1956, s. 192.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР

28—30 мая 1985 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся международный комплексный симпозиум «Типология культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций и межнациональные культурные отношения». Симпозиум явился итогом научного сотрудничества сектора историко-культурных проблем с научно-исследовательскими институтами НРБ, ВНР и ПНР, в ходе которого разрабатывался широкий круг проблем истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций. Были проведены советско-польский (1978) и советско-венгерский (1981) симпозиумы. Материалы первого были изданы в Варшаве в 1984 г. книгой «Польская культура XVIII—XIX вв. и ее связи с культурой России», материалы второго — по теме «Методологические проблемы исследования культуры» — вышли в Будапеште в журнале «Хеликон» (1982, № 2). Совместно с болгарскими учеными разрабатывались проблемы типологии межнациональных культурных связей.

Прошедший симпозиум в Москве носил междисциплинарный характер как по составу участников, так и по существу обсуждавшихся на нем научных проблем. В работе симпозиума приняли участие 15 зарубежных ученых — историки, языковеды, литературоведы, искусствоведы, историки культуры. БАН представляли ученые из Института истории, Института литературы, Института архитектуры, Института искусствознания; ПАН — ученые из Института искусства, Института польского языка, Института литературных исследований, Института славяноведения, Института истории науки, просвещения и техники; ВАН — ученые из Института литературоведения и Минис-

терства культуры ВНР. Из советских ученых, помимо сектора историко-культурных проблем — непосредственного организатора встречи — в заседаниях приняли участие сотрудники секторов новой истории народов Центральной Европы и новой истории балканских народов, сектора славянских литератур и сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики, а также представители других научных учреждений Москвы — Института истории международного рабочего движения АН СССР, Института истории естествознания и техники АН СССР, Государственной публичной исторической библиотеки; Ленинграда — Института этнографии АН СССР; Киева — Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

На открытии симпозиума вступительное слово произнес директор Института славяноведения и балканистики АН СССР акад. Д. Ф. Марков, подчеркнувший актуальность комплексных историко-культурных исследований и наметивший основные теоретические и методологические проблемы типологического изучения культуры. В докладе В. И. Злыднева были поставлены проблемы типологии и периодизации историко-культурного процесса эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе; идеологическое и художественно-культурное содержание первого его этапа — Просвещения — охарактеризованы И. И. Лециловской. Проблема формирования национальной интеллигенции в эпоху перехода от феодальных отношений к буржуазным был освещен на болгарском материале Р. Радковой (НРБ). И. И. Свирида рассмотрела вопрос о направлении консолидационных процессов в художественной жизни народов региона; Л. Н. Титова охарактеризовала значение городов

как национальных культурных центров.

Применительно ко второму этапу становления национальных культур особое место заняла проблематика романтизма. И. Ф. Бэлза на основе богатого фактического материала предложил типологию романтизма в художественной культуре Центральной Европы (польской, венгерской, чешской) в его соотношениях с культурой Просвещения, немецким и русским романтизмом, народными истоками. Сравнительно-типологический анализ поэтики романтизма и национально-освободительных идей (на примере польской культуры) содержался в докладе Л. А. Софроновой. Завершающий этап формирования национальных культур, связанный с утверждением реализма, показан А. П. Соловьевой на материале чешской культуры.

Во многих докладах и выступлениях был представлен новый материал, касающийся типологии формирования отдельных сфер национальной культуры. Значительное число участников симпозиума остановились на проблемах национально-литературного языка. Подчеркивая общие закономерности литературно-языкового процесса у славянских народов периода национального возрождения, польские ученые М. Шимчак и М. Басай проанализировали появившиеся в то время концепции и приемы кодификации народного языка. О. Маждракова-Чавдарова (НРБ) показала, что борьба болгар за права родного языка, являясь важной частью легальной национальной программы, шла (в отличие от сходных условий у других славянских народов) в двух направлениях — против политического притеснения османов и против культурной гегемонии греков-фанариотов. В докладе Я. Каменки-Страшакowej (ПНР) подробно и с разных точек зрения (этико-эстетической и национально-будительской) была освещена польская популярная литература первой половины XIX в. О сложной идейной борьбе внутри национально-культурного движения в эпоху возрождения у словаков говорила Х. Япашек-Иваничкова (ПНР). Стадиально-типологическая характеристика польской реалистической живописи середины XIX в. была дана Е. Малинским (ПНР), болгарской архитектуры — М. Коевой (НРБ), а театра — М. Брандистоловой-Добревой (НРБ). В докладе польского ученого Т. Беньковского получила освещение мало исследованная тема формирования научного сознания нового времени в Польше XVIII в.

Второй не менее важный аспект рассматриваемого историко-культурного процесса, нашедший отражение и в названии симпозиума, составляет необычайно развившаяся в переходный период от феодализма к капитализму система межнациональных культурных отношений, которые выходят за рамки личных контактов и знакомств и становятся действенным фактором развития национальных культур. Сопоставление тех или иных фактов культурной истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы с аналогичными, чаще всего хронологически предшествовавшими им явлениями мировой культуры — в первую очередь с эпохами Ренессанса и Просвещения в Западной Европе — неизбежно присутствовало в большинстве докладов как теоретически-методологического, так и сравнительно-исторического плана. Проблематика связей, включающая широкий диапазон взаимоотношений между данной национальной культурой и традиционной народной, между различными национальными культурами и, соответственно, — между традиционными культурами народов, стала темой специальных докладов. Последнюю из названных проблем в качестве назревшей задачи историко-культурных исследований выдвинул, в частности, А. С. Мыльников.

Вопрос о роли русско-болгарских отношений для формирования болгарской культуры был рассмотрен в докладе К. Шаровой (НРБ). Б. Бялокозович (ПНР) вновь отметил принципиальную, непреходящую значимость русско-польских культурных связей XIX в., проследив восприятие польских национальных гениев А. Мицкевича и Ф. Шопена, их наследия в русской культуре от декабристов до революционных демократов и Л. Толстого. В русле этой проблематики прозвучали основанные на опыте сравнительного литературоведения и посвященные русско-венгерским литературным связям в XIX в. доклады Б. Хорват-Лукач (ВНР), Р. Майер (ВНР), Н. М. Курепной. Л. Минкова (НРБ) указала на обширную область переводной литературы, системное рассмотрение которой позволит глубже понять культуру национального (в данном случае — болгарского) возрождения. Возникновение оригинальных, самобытных и весьма характерных для переходного по своей сути периода формирования национальных культур явлений на стыке городской и патриархально-крестьянской, народной и национальной культур XVIII — первой половины

XIX в., было показано в докладах Л. Н. Виноградской и А. В. Даниловой соответственно на польском и хорватском материале.

Во время симпозиума состоялось рабочее совещание по вопросам многостороннего сотрудничества, в котором приняли участие представители институтов-координаторов: Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории БАН, Института литературоведения ВАН, Института искусства

ПАН. Участники рабочего совещания выразили желание продолжить многостороннее международное сотрудничество в 1986—1990-х годах. Предусматривается издание в Москве коллективного труда по материалам симпозиума, а также дальнейшая совместная работа по теме «Проблемы комплексного изучения культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в.».

Данилова А.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ»

4—7 декабря 1984 г. в Москве проходил международный симпозиум «Сопоставительное изучение славянского словообразования», организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (головная организация) в рамках многостороннего международного сотрудничества Академий наук социалистических стран. В работе симпозиума приняли участие около 150 ученых, в том числе 30 зарубежных — из НРБ, ГДР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, США. С советской стороны было представлено 39 учреждений из 26 городов (Ашхабад, Владивосток, Волгоград, Гродно, Душанбе, Ереван, Калуга, Кишинев, Ленинград, Львов, Махачкала, Минск, Москва, Одесса, Орел, Ростов, Самарканд, Симферополь, Славянск, Ташкент, Томск, Ужгород, Уфа, Фрунзе, Херсон, Челябинск).

Участников симпозиума приветствовал заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР Ю. В. Богданов. Он отметил, что сопоставительное изучение славянских языков является одним из важных направлений научной деятельности Института и что использование сопоставительного метода является перспективным и для ряда смежных с лингвистикой дисциплин.

На заседаниях симпозиума было прочитано 60 докладов, в которых рассматривались актуальные проблемы теории и методологии сопоставительного изучения славянского словообразования, были представлены результаты уже осуществленных сопоставительных исследований. На симпозиуме решался широкий круг проблем, связанных с выработкой рабочей модели сопоставления, использова-

нием при сопоставительном изучении различных методов лингвистического описания — системно-функционального, статистического, лингвогеографического, методов порождающей грамматики, надежного синтаксиса и др. Особое внимание было уделено выработке методики и принципов сопоставления родственных и неродственных языков, принципов сопоставительного изучения различных форм существования национального языка, в частности, литературного языка и диалекта. Отмечалась целесообразность использования сопоставительного метода как при межъязыковой, так и внутриязыковой конфронтации.

В докладе Н. И. Толстого (Москва) были затронуты вопросы картографирования словообразовательно-семантического микрополя, показана методика выявления основных типов словообразовательных отношений внутри поля (на материале славянской географической терминологии). А. Бартошевич (Варшава) показал, что ряд словообразовательных процессивявлений современных русского и польского языков подтверждает развитие общих межуровневых тенденций (усиление структурной компрессии, рост черт анализима, интернационализация и т. д.). Доклад Г. П. Нещименко (Москва) раскрыл сущность системно-функционального сопоставления как при внутрисистемном, так и при межсистемном рассмотрении и показал возможность применения этого метода при выявлении центра и периферии словообразовательной категории. А. Е. Супрун (Минск) в докладе «Дуализм словообразования, диахрония, синхрония» поставил вопрос о диахроничности лексической функции

словообразования и о синхронности грамматической функции словообразования в силу ее консервативности. Дуализм словообразования связан с двойкой содержательной природой слова как лексической и грамматической единицы и отражает основные тенденции языка — к развитию и стабильности.

О значении понятия «внутренняя форма» для сопоставительного изучения словообразования в родственных и неродственных языках говорили О. П. Ермакова (Калуга) и Е. А. Земская (Москва). В докладе Е. С. Кубряковой (Москва) «Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков» были затронуты как теоретические, так и практические аспекты типологического сопоставления. И. Онгейзер (Лейпциг) прочитала доклад на тему «О соотношении словообразовательных и грамматических категорий (на материале сопоставительного анализа русского и немецкого языков)».

Ряд выступлений был посвящен рабочей модели сопоставления близкородственных языков. М. Кнашова (Прага) предложила рабочую модель, приемлемую для всех частей речи, исходя из синхронного анализа современных славянских языков. Ю. Балтова (София) охарактеризовала модель как средство выявления общего и специфического в словообразовательных системах сопоставляемых языков и проиллюстрировала ее механизм на материале *nomina agentis* и *nomina instrumenti* в болгарском и польском языках. Вл. Стракова (Прага) строит тип модели для билингвального и более сложного сопоставления с учетом специфики семантического и морфологического подхода.

О проблеме значимости словообразовательного гнезда при сопоставительном анализе говорил Д. Шлосар (Брно). Он отметил важность изучения дистрибуции формантов, относящихся к определенной словообразовательной категории, их соотносительной продуктивности. З. М. Волоцкая (Москва) предложила методику сопоставительного анализа словообразовательных механизмов разных языков как многоуровневую систему с релевантными критериями для каждого уровня. К. Бузашиова (Братислава) в докладе «Возможности и границы моделирования на уровне словообразовательной парадигмы» отметила значимость словообразовательной парадигмы при сопоставительном изучении словообразова-

тельного гнезда. Р. С. Манучарян (Ереван) затронул вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования, в частности, словообразовательной семантики. И. Г. Милославский (Москва) подчеркнул важность подхода к словообразованию со стороны плана содержания, что даст большие преимущества как для теоретической лингвистики, так и для практики, например, перевода и преподавания языка. Доклад Э. А. Харитончик (Минск) был посвящен методике сопоставительного изучения словообразовательных систем неродственных языков — сравнению наборов производящих баз для производных семантически коррелятивных рядов, изучению истоков идиоматичности производных в восточнославянских языках, английском и немецком. В докладе Л. В. Сахарного (Ленинград) образование слова было представлено как процесс синтаксического характера (универбация), что подтверждается анализом окказионализмов и специальными психолингвистическими экспериментами. А. Н. Тихонов (Москва) остановился на вопросе о месте и роли словообразовательного гнезда в системном устройстве словообразования.

Проблеме сопоставительного изучения неродственных языков методом искусственного языка-эталона были посвящены доклады П. А. Соболевой и М. Д. Барченковой «Сопоставительное изучение словообразовательных рядов с помощью искусственного языка-эталона», И. В. Альтман и В. Н. Шевчука «Сопоставительное изучение словообразовательных гнезд с помощью искусственного языка-эталона» и Г. В. Аликаевой «Семантическая структура гнезда и ряда в английском, болгарском и русском» (все авторы из Москвы).

Серия докладов и сообщений была посвящена проблемам сопоставительного изучения литературных языков и диалектов как разных форм существования одного национального языка. О. И. Блинова (Томск) остановилась на явлении мотивации слов, на общности и различии этого явления в русском литературном языке и диалекте. Ю. С. Азарх (Москва) рассказала о возможности применения лингвогеографического метода для сопоставления словообразовательных систем диалектов и литературного языка, для выявления как противопоставленных, так и непротивопоставленных различий. В докладе М. Н. Яценецкой (Томск), посвященном сопоставительному изучению литературного и диалектного слово-

образования русского языка, исходной для сопоставления принималась лексикословообразовательная единица. В. В. Корчмарь (Кишинев) остановилась на функционировании формантов славянского происхождения в молдавском литературном языке и его диалектах. С обзорным докладом «Состояние и перспективы сопоставительного словообразования литературного языка и диалектов в болгарском языке» выступил Р. Божков (София). Г. П. Клепикова (Москва) прочла доклад «К проблеме изучения дериватов в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме». И. Грек-Пабис (Варшава) затронула проблемы диалектного словообразования русского островного говора, находящегося длительное время в иноязычном окружении. В. В. Усачева (Москва) на материале славянских ихтионимов показала своеобразие функционирования двучленных наименований и универбов в славянских диалектах. Л. В. Куркина (Москва) в докладе «Дифференциация южнославянских языков по данным именного суффиксального словообразования» показала, что основное противопоставление запад — восток подтверждается анализом по словообразовательным признакам. В докладе Т. М. Судник (Москва) были рассмотрены вопросы изучения словообразовательной интерференции.

В. М. Никитевич (Гродно) выдвинула понятие номемы в качестве основы сопоставительного изучения словообразования и номинативной деривации. Проявлению тенденции интернационализации словарного состава в образовании так называемых гибридных слов, в которых объединяются элементы славянские и иноязычные, был посвящен доклад Л. Н. Смирнова и Э. Н. Стрекаловой (Москва). О. Мартинцова (Прага) показала важность изучения окказионализмов в сопоставительном плане для выявления эволюции словообразовательных процессов. И. Ирачек (Брно) в докладе «Некоторые проблемы, связанные с описанием словообразовательной характеристики славянской лингвистической терминологии» рассмотрел процессы образования славянской терминологии на материале раздела «Структура слова» в «Словаре славянской лингвистической терминологии». А. К. Смольская (Одесса) остановилась на проблемах сопоставительного изучения славянского феминного словообразования. О деривации метонимических существительных в совре-

менных русском и болгарском языках рассказал П. Н. Джамбазов (Велико Тырново). В докладе Р. И. Могилевского (Самарканд) «К вопросу о словообразовательной природе аббревиатур» рассмотрены способы аббревиации, их отличие от способов словообразования. А. А. Горбачевский (Душанбе) рассмотрел связь исследований по словообразованию с теорией художественного перевода.

Использованию достижений исторической акцентологии славянских языков при сопоставительном исследовании словообразовательного уровня были посвящены доклады Р. В. Булатовой (Москва) «К сопоставительному изучению акцентных систем славянских дериватов (на примере восточно- и южнославянских *postverbal* муж. рода)» и В. А. Дыбо (Москва) «Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы в производных как источник для реконструкции акцентных типов производящих».

Морфонологическим процессам в сфере демунитивного словообразования, их значимости для выявления распределения уменьшительных суффиксов в праславянском был посвящен доклад В. Г. Чургановой (Москва). О флективной деривации как определенном типе конверсии с привлечением материала славянских языков рассказала С. М. Толстая (Москва). Доклад П. Пипера (Нови Сад) содержал разбор словообразовательной структуры местоименных наречий (традиционно рассматривавшихся как непроизводные) в сербскохорватском, русском и польском языках. И. Дулевич (Варшава) в докладе «Апеллятивные формы на словообразовательном уровне» рассмотрела структуру русских и польских адресативов, выделив экспрессивность как способ их образования. Т. И. Вендина (Москва) показала возможность использовать функциональный анализ славянского именного словообразования при построении синхронной типологической классификации славянских языков на словообразовательном уровне и при решении более общей проблемы членения славянского языкового мира. Я. Босак (Братислава) описал процедуру выделения интерфейсов, их функции (соединительную, морфонологическую, деривационную).

Аналізу словообразовательной структуры глаголов были посвящены доклады М. А. Осиповой (Москва) «К вопросу об эталоне сопоставления (при изучении глагольной префиксации в славянских языках)», Н. Савицкого (Прага) «Словообразовательная структура глагольных

неологизмов в русском и чешском языках и некоторые общие вопросы теории словообразования», З. Рудник-Карват (Варшава) «К вопросу словообразования дистрибутивных глаголов в польском и русском языках», Э. Первишки (София) «Проблемы словообразования некоторых глаголов с учетом способа глагольного действия», З. Скоумаловой (Прага) «К вопросу о сопоставительном изучении тематизации глаголов в связи с явлениями переходного характера».

О важности статистических, структурных и типологических предпосылок сопоставительного изучения словообразования словацкого и венгерского языков говорил Ю. Фурдик (Прешов). Применение статистического метода для целей сопоставительного изучения продемонстрировано в докладах Б. И. Барткова (Владивосток) «Сопоставление деривационных подсистем близкородственных и неродственных языков с помощью статистического метода» и К. В. Бахвяна (Москва) «Статистический и сопоставительный методы исследования словообразовательного процесса в антропонимии (на материале восточнороманского ареала)». В докладе И. С. Ивановой (Ленинград) проблема соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных потенций решалась на материале качественных прилагательных, обозначающих тепловое восприятие, в болгарском, русском и чешском языках. Ф. С. Котельник (Кишинев) рассмотрел книжные композиты, в том числе аббревиатуры, молдавского языка, созданные под влиянием русских моделей. Предметом доклада Ю. Г. Панкраца (Минск) «Словообразовательные средства выражения локативных падежей в родственных и неродственных языках» было выявление различий в выражении локативных значений морфологическими, морфолого-синтаксическими и словообразовательными средствами.

Доклад Вяч. Вс. Иванова (Москва) «О возможности этимологического отожд-

ествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам в родственных языках» был посвящен важнейшей задаче сравнительно-исторического исследования словообразования — выяснению, в какой мере словоформы при этимологическом родстве корней и деривационных аффиксов могут быть признаны исторически тождественными. В. В. Лопатин (Москва) в докладе «О принципах сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков» остановился на возможных основаниях для сопоставления (способы словообразования, словообразовательные категории и типы), показав трудности и противоречия как при семантических классификациях, так и при формальных.

На симпозиуме развернулась живая деловая дискуссия, в ходе которой был внесен ряд конструктивных предложений по дальнейшему разворачиванию сопоставительных исследований как одного из магистральных направлений современной лингвистики. Говорилось о необходимости выработки единого понятийно-терминологического аппарата адекватного описания сопоставляемых языковых феноменов. Было принято решение о публикации основных докладов, прочитанных на симпозиуме. Симпозиум принял ряд важных научно-организационных решений, в частности, о координации и активизации сопоставительного изучения славянских языков, и обратился с просьбой организовать при Международном комитете славистов специальную комиссию (подкомиссию) по сопоставительному изучению славянского словообразования.

Более подробно содержание докладов и сообщений отражено в опубликованном сборнике тезисов [1].

Усачева В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1984.

CONTENTS

Sčerbakov Ju. N. Soviet scholars on the problems of the Socialist Community between the XXVI and XXVII Congresses of the CPSU. *Pirimkulov S. D.* Cultural and educational activities of the Union of Polish Patriots in the republics of Central Asia and Kazakhstan. *Fal'kovič S. M.* Strengthening of the Russian-Polish revolutionary unity during the 1905—1907 revolutions. *Ryžova M. I.* Periodization of Russian-Slovene literary relations and some specific details of their development. *Okhrimenko P. P.*, *Okhrimenko O. P.* Traditions and echoes of the «Slovo o polku Igoreve» in the Russian, Ukrainian and Byelorussian literatures. *Benda K.* (Czechoslovakia). The applied arts in the Great Moravia. *Nikolajeva T. M.* Slavic particles and some typological problems 3

FROM THE HISTORY OF THE SLAVONIC STUDIES

Bobrova S. P. I. N. Borozdin as an historian of Slavic peoples 84

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Mitr'ajeva S. I. В. В. Марьина. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 93
Mel'cer D. B., *Čern'avskij G. I.* Кимон Георгиев. Избранные произведения. *Romanenko S. A.* An interesting work on the history of Vojvodina. *Vočkareva M. N.* Д. В. Степовик. Українська графіка XVI—XVIII століть. Еволюція образної системи. *Smirnov L. N.* *Soťák M.* Kapitoly zo slovensko-ruských jazykových kontaktov 95

SCIENTIFIC LIFE

Danilova A. International symposium on the typology of cultures. *Usačeva V.* International symposium «Contrastive analysis of the Slavic word-formation» 106

Технический редактор *Е. В. Сипицына*

Сдано в набор 09.10.85   Подписано к печати 10.12.85   Т-14987   Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
 Высокая печать   Усл. печ. л. 9,8   Усл. кр.-отг. 11,9 тыс.   Уч.-изд. л. 11,4   Бум. л. 3,5
 Тираж 1175 экз. Зак. 1859

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

К-17
В ОРДЕНКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ И И
70891

Цена 1 р. 20 к.

Индеке 70891